

Annotation

Повесть о школьниках сибирского села, раскрывших тайну Желтого курганчика.

**Виктор Степанович Сидоров
Сокровища древнего кургана
Некоторые важные события из
жизни Константина Петровича
Брыскина, а также его
размышления по поводу этих
событий**

Глава первая Я, Пашка Клюня и Детеньш

Меня зовут Костя Брыскин. Константин Петрович. Мне четырнадцать лет. Всего неделю назад я закончил седьмой класс. Учился неважно. Наш классный руководитель Семен Митрофанович, или, как мы зовем его между собой, Микрофоныч, считает, что я человек способный, но «неизлечимо ленивый».

С этим я никак не могу согласиться, ну, с тем, что вот такой ленивый. Это — ерунда. Просто у меня не хватает силы воли. Не могу я заставить себя делать уроки и — точка. Особенно, когда увижу в окошко, как на улице бегают или играют во что-нибудь интересное пацаны. Тогда вся моя воля сразу куда-то исчезает, а стул становится будто раскаленный — просто не усидеть. И я, хотя в душе сопротивляюсь, встаю и начинаю потихоньку, чтоб не заметила мама, продвигаться к двери...

Ну разве это воля? Иногда даже обида берет. Сколько раз я пытался перевоспитать себя! Сколько раз я говорил себе: «Сиди, Костя! Сиди, Брыскин, и делай уроки!» Да где там! Только я скажу сам себе так, а на улице, перед окошком, словно назло, обязательно появится кто-нибудь из пацанов. И — конец! Если бы я хоть раз пересилил себя, то сразу бы стал круглым отличником.

Вот по труду у меня, например, только четверки да пятерки. А ведь совсем не потому, что уроки труда простые да легкие. Дудки! Как начнутся занятия, так сразу и пойдет: у того руки болят, у другого силенок не хватает, а третий нюни где-нибудь в уголке распускает — успел уже по своим пальцам молотком садануть.

Мне труд нравится. Я люблю работать. Наш трудовик так мне и сказал однажды: «Если бы, Брыскин, к твоим рукам да умную голову, тебе бы цены не было».

Вот это справедливые слова! Была бы у меня настоящая сила воли — я бы первым учеником во всей школе был. А то, может, и по всему району.

Взять, к примеру, хоть Детеньша, то есть Юрку Снопкова. Обыкновенный пацан и талантов особых у него нет, а вот учится здорово. А почему? Да потому что — воля! Железная! За какое дело ни возьмется — сделает.

Однажды забежал я к нему. На улице теплынь, солнце, а он забился в угол и потеет там над задачей. Я даже разозлился:

— Ну чего ты, Детеньш, зря башку ломаешь? Завтра в школе возьмешь да и спишешь безо всяких мучений. А сейчас бежим на улицу, в пробки сыграем. Гляди, какую я пробочку добыл. Корона! Золотая!

И я показал ему прекрасную позолоченную пластмассовую пробку от флакона из-под лака для ногтей. Пробка была до половины ребристой, с широким ободком, а на верху у нее красовалась корона из горошинок. Пробка очень редкая и имела самую огромную силу: если она, когда ее бросишь, становится на попа основанием, то ею можно бить чужую пробку до десяти раз. А за столько раз даже любой мазилка наверняка сумеет выиграть. Если же она встанет другим концом, верхним, с короной, то чужая пробка берется без всякого боя.

Вот такая пробочка Золотая Корона! Притом она считалась двухжизненной, потому что была цветной, а не обыкновенной белой. Все белые пробки, какими бы ценными они ни были, считаются одножизненными. Они играют только до первого поражения. А двухжизненную надо бить два раза.

У Детеньша было полно всяких пробок с разными боями — от одного и до шести: Пушки, Кастрюли, Офицеры, Солдаты-Носорожки, Фасольки и кто его знает еще какие. Одних Командоров у него имелось несколько видов: и Командоры-Мексиканцы, и Командоры-с-Ободком, и просто Командоры. А вот такой Короны да еще Золотой — не было.

Я думал: увидит Детеньш эту пробку — не отвяжется, пока не выиграет. А он глянул на нее, вздохнул громко и тяжело, как больная корова, и покачал уныло головой:

— Не, Брыська... Не могу я. Вот решу задачу, потом...

Он так и не вышел на улицу: несчастная задача никак не давалась ему до самого вечера. Решил ее, когда мы уже расходились по домам. Вот она, воля! Вот он какой — Детеньш!

А я, чтоб не злить лишний раз нашего классного — Микрофоньча, эту задачу перед самым уроком списал у Пашки Ключи.

Ключня — это Пашкина фамилия. Мы даже не стали давать ему никакой клички. И без нее здорово: Ключня! Что-то птичье. А он и

похож на какую-то птичку — длинноносый, с белым смешным хохолком на голове.

Пашка, можно сказать, мой друг: во-первых, мы с ним соседи, а во-вторых, сидим за одной партой. Еще с третьего класса.

Пашка парень, в общем, неплохой: находчивый, а иногда даже остроумный. Это он припечатал Юрке Снопкову Детеньша.

Случилось это еще зимой. Мы тогда писали сочинение на тему «Наш друг природа». Юрка прямо из шкуры лез, так старался: хотел нашей литераторше угодить, написать «умное» сочинение. Она накануне похвалила Юрку, сказала, что он серьезный и вдумчивый человек. Вот он и обрадовался, написал: «Раньше я не любил животных, особенно кошек. Бил их почем зря. А вчера у меня наступил крутой перелом. Я стал любить все маленькие существа, начиная от львов и кончая детеньшами человека...»

Инга Петровна у нас не очень-то смешливая, а тут, когда прочитала это, хохотала до слез.

Вот с той поры, с Пашкиной помощью, Юрка и стал Детеньшем.

Да, Пашка Клюня парень что надо, только одна беда — болтун. Молотит языком, словно колхозный козел Яшка, своим боталом. О чем бы кто не заговорил, Клюня уже тут как тут: спорит, кричит, размахивает руками. Не переслушаешь, не переспоришь, хотя всем ясно, что плетет он несусветную чепуху.

Я давно знаю эту Пашкину черту, поэтому, как только его начинает заносить, сразу — стоп: эй, Клюня, надень-ка глушитель.

Этот «глушитель» действует безотказно. Пашка сразу умолкает.

Есть у Клюни еще одна привычка: говорить в рифму. Едва кто-нибудь из ребят что скажет, Пашка сейчас же прицепится к последнему слову и пойдет нанизывать рифмы одну за другой. Порой надоест до обалдения. Однажды его даже побили за это.

Учится в нашем классе Алька Лапин, по прозвищу Карасин. Он всегда и обо всех все знает, а если не знает, то что-нибудь выдумает. Свои новости он рассказывает шепотом, с оглядкой, будто великую тайну, а заканчивает их одной и той же любимой присказкой: «Ну, братцы, тут дело пахнет карасином!»

Так вот этот Алька Карасин принес как-то в школу шоферские перчатки — краги, ну эти, с таким широким раструбом из дерматина. Когда-то они были черные, однако со временем стали облезлыми,

пегими. Но Алька прямо-таки раздувался от гордости, на каждой перемене надевал их и важно выходил в коридор.

Увидел его в этих пегих перчатках Толян Рагозин из восьмого класса, подбежал:

— Ух, сила!.. Где добыл, Карасин?

Я не услышал, что ответил Алька, потому что Ключня торопливо задолдонил:

— Карасин, балбесин, псин...

Алька хмуро покосился на Ключню, хотел что-то сказать, да Рагозин, надев перчатки, выдохнул с жадностью:

— Слышь, подари, а?

Алька даже побледнел.

— Да ты что?!

— Ну, дай поносить... Хоть дня на три.

Едва он произнес последнее слово, Ключня снова затолмачил:

— Три, ори, подотри...

Рагозин обернулся к Ключне, сказал угрожающе:

— Эй, кончай молоть, дурак.

Но Ключня застрочил еще жарче:

— Дурак, ишак, макак, соп...

Но не успел договорить, как Рагозин, не снимая перчаток, двинул Ключню так, что тот кубарем покатился по полу. Только он поднялся, к нему подбежал Алька и, воровато оглядевшись — нет ли поблизости кого из учителей, ударил Ключню под дыхало.

— Вот тебе «псин» и «балбесин...».

Карасин был не храброго десятка, а тут, рядом с крепким, мордастым Рагозиным, осмелел. Он было еще раз замахнулся на Пашку, да Детеньш не дал ударить.

Я думал, что у Ключни после этого пройдет охота без оглядки лепить свои дурацкие рифмы. А ему хоть бы хны! Проплакался малость и снова за свое.

Из всех ребят один лишь Детеньш спокойно переносит Пашкину болтовню. Тот шумит, из шкуры лезет, а Детеньш слушает и, знай себе, делает свое какое-нибудь дело. И не поймешь: слышит он Пашку или нет.

Вообще, Детеньш немного странный человек: он сильный, а драться не любит, говорит, что если ударит кого-нибудь, потом целую

неделю переживает — жалко. Но самое удивительное — Детеньш не хочет участвовать в наших с Пашкой заподлянках, ну в разных там розыгрышах и проделках.

Клюня мне все уши прожужжал, что Детеньш просто-напросто боится.

На днях он опять отказался от одной забавы — не пошел бесить Скрибуна. Скрибун — это дядька Скрибунов, злой и крикливый, единственный в селе, кто держит собственную лошадь.

Бесить его — дело опасное: надо непременно отворить воротца в его двор, прокрасться к телеге, что стоит у конюшни, потихонечку выкатить ее на улицу куда-нибудь подальше, лучше всего за уголок. А потом из укромного места глядеть, как Скрибун бегаёт взад-вперед по улице, машет руками и бешено ругается. Тут уж, понятно, не попадайся ему на глаза — пришибет.

Так вот, Детеньш наотрез отказался от этой потехи.

Клюня подмигнул мне:

— Ну, что я говорил? Трус. Самый обыкновенный.

Я подошел к Детеньшу и прямо в глаза сказал ему: если, мол, боишься — так и скажи, смеяться не будем, потому что и среди силачей зайцы бывают.

Детеньш хмуро глянул на меня, покривил губы.

— Сами вы зайцы трусливые. Вытворяете втихомолку свои штучки-дрючки, а я не подлец какой, чтобы ни с того ни с сего людям пакость делать.

Здорово срезал, ничего не скажешь. У Пашки от обиды уши покраснели. Сгоряча он даже предложил намять Детеньшу бока, чтоб тот наперед осторожнее выбирал выражения. Но, заметив, как у Детеньша сжались кулаки, сразу остыл, отвел меня в сторону, зашептал:

— Ладно, ну его к лешему, пусть дышит. Мы просто не станем с ним знаться. Это, брат Брыська, пострашней любого кулака. Понял? Аут и — нокаут!

Я согласился: правильно, пусть Детеньш увидит, как мы его презираем и что он для нас самый обыкновенный нуль.

Однако Детеньш оказался толстокожим: он не только не почувствовал нашего сурового мщенья, но продолжал жить как ни в

чем не бывало. Пашка, глядя на розовое добродушное лицо Детеньша, просто выходил из себя.

— Бревно тупое! — Шипел он мне в самое ухо, будто это я был виноват. — Видал: улыбается! Ну, ладно, ну, погоди! Мыто обойдемся без него, а он еще пожалеет. Вот так пожалеет!

И Пашка свирепо шоркал ребром ладони по своей тонкой шее, будто пытался перепилить ее.

Однако вскоре случилось такое, что я начисто забыл не только про ссору с Детеньшем, но и про наши с Пашкой заподлянки: по воле случая я стал обладателем сногшибательной тайны, тайны, которая перетряхнула всю мою жизнь. Я узнал, что...

Но не буду забегать вперед и расскажу все по порядку.

Глава вторая Ключи

Так называется наше село. Название красивое да пустое: никаких ключей в селе нет. Да что там ключей! Захудалой лужи и то не найдешь, шагай хоть неделю в любую сторону. Удивительно, кому это взбрело на ум поставить здесь село? Степь и степь без конца и края. Ни холма, ни деревца.

Я как подумаю, что где-то есть реки, озера и даже моря, что в них можно, когда только пожелаешь, выкупаться или порыбачить — тоска берет.

Дед Ишутин, колхозный конюх, любит рассказывать о том, что давным-давно тут, где сейчас стоит наше село, на самом деле били три могучих ключа и плескалось большое озеро. На них однажды набрели усталые и измученные жаждой переселенцы-крестьяне, которые бежали от голода откуда-то из России сюда, в Сибирь. Люди не стали искать лучшего и поставили здесь свои первые избы.

Едва они стали обживать, как, откуда ни возьмись, на поселение нагрянули всадники, вооруженные до зубов. Согнали народ. Главарь их, одноглазый и злой, не слезая с коня, закричал, что эта земля его собственная и он никому не позволит бесплатно пользоваться ключами. Сказал еще, что если кто посмеет хоть глоток воды взять без позволения — тому лютая смерть.

Люди молчали. Оглядел главарь притихшую толпу, выкрикнул: если, мол, золота нет, то пусть поселяне за потраченную воду отдадут ему самую красивую девушку и самого сильного юношу.

Но никто не шевельнулся.

Тогда бандюги кинулись в толпу и вытолкали оттуда девушку и парня, заломили им руки за спину и бросили на коней.

И горькой стала та вкусная и холодная вода. А однажды, когда подходил день отдавать Одноглазому новую дань, ключи вдруг совсем исчезли. В одну ночь ушли в землю.

Дед Ишутин в этом месте всегда многозначительно поднимал указательный палец, пояснял: «Ключи-то святыми были. От горя людского высохли».

С той поры прошло много лет. Нарыли поселяне в этой степной глуши колодцев с теплой солоноватой водой, живут и надеются, что

обязательно забьют те три могучих ключа и снова дадут большую воду, которая напоит досыта не только людей, но и плодородную землю. Так будто бы предсказал им какой-то столетний сельский мудрец.

Дед Иштутин даже показывал нам место, где били ключи. Это рядом с селом, сразу же за старыми мастерскими: огромная, словно гигантское блюдце, впадина. Ее у нас называют Лешкина выемка. У кого я ни спрашивал, откуда взялось такое название, все только пожимали плечами.

Один дед Иштутин объяснял и то очень невнятно, дескать, был такой чуть ли не святой мужик по имени Лешка, который хотел было докопаться до исчезнувших ключей. Но, как видно, ключей не нашел, а выемку оставил.

Все это, конечно, детские сказочки. Никогда и никакой воды, ни большой ни малой, кроме колодцев, в наших Ключах не было и не будет. Кто хочет, тот пусть ждет эту мифическую воду, а мне некогда. Как вырасту — только меня и видели! Уеду куда угодно, лишь бы рядом была река или озеро, а вокруг бы леса росли, а в них птицы пели.

У нас деревья растут только возле школы — тоненькие, жиденькие тополя. Их посадили ребята из юннатского кружка и теперь поливают чуть не каждый день, боятся, чтоб не пропали. Да все равно зря — не вырастут они. Или засохнут, или козы обгложут, или сломает кто, как уже сломали два деревца. Ключи — село невеселое и некрасивое, расплылось по степи, как серый блин по сковороде: ни высокого дома, ни башни. Хотя бы какая-нибудь пожарная каланча торчала, как в иных селах, а то и ее нет.

В центре небольшая продолговатая площадь, ее пересекают две широкие кривые улицы. Тут стоят длинный, сложенный из кирпича-сырца Дом культуры и магазин. Слева — контора колхоза и сельский Совет. А при въезде на площадь между двух улиц стоит школа. Это единственное в селе старинное здание, красивое, из толстенных бревен, с большими окнами, резными, словно кружева, карнизами и наличниками. Позади — спортивная площадка, а за ней большой пришкольный огород. Улицы в Ключах неасфальтированные, тротуаров нет. Летом на всех дорогах пыль по колено, а весной и осенью жидкая грязь, тоже по колено.

Вот и все. Нет у нас ничего примечательного. Разве что ремонтные мастерские из красного кирпича под железной крышей. Здание, как говорится, современное и смотрится вроде бы ничего, но стоит на окраине и села не украшает. В общем, наши Ключи не для туристов. А вот некоторым, вроде Эвки Юхтановой (она сидит через парту от меня), Ключи кажутся просто необыкновенными. Эвка говорит о них прямо-таки в захлеб и терпеть не может, когда кто-нибудь их критикует.

Если послушать ее, то выходит, что у нас тут живут самые певучие жаворонки, что полынок, который растет в степи вокруг села, пахнет совсем по-особому, так, что «голова кружится от счастья», а небо над нами самое высокое и самое синее в мире. И ей, Эвке, от этого, видите ли, «жить ужас как просторно и радостно, и дышать легко». Дурочка восторженная.

«Жаворонки, полынок!..» Ишь, невидаль какая! В соседних селах уже давно понастроили разных красивых Дворцов культуры, двух-, а то и трехэтажных магазинов, есть даже спортивные школы. А тут... Года два назад начали было строить сразу три кирпичных здания — колхозную контору, универмаг и детский сад. Весной начали, осенью бросили. Универмаг едва дотянули до второго этажа, а контору и детсад до половины. Так и стоят до сего дня эти три серо-белые коробки.

Особенно тоскливым показалось наше село, когда я побывал в пионерском лагере в Горном Алтае.

Вот где красотища! Какие там леса, какие озера и реки, какие горы! Посмотрел я на все это и окончательно решил — убегу из Ключей. Пусть дед Ишутин и Эвка Юхтанова сидят тут, любуются своим дурацким полынком и ждут большую воду.

Глава третья «Наше вам с кисточкой...»

Я уже говорил, что Ключи не очень-то подходящее место для туристов и прочих гостей. Вряд ли кому придет охота жариться на нашем солнце, глотать пыль да любоваться сусликами в степи. Оказалось, зря думал, нашлись такие желающие: двоюродный брат Кольки Денисова. Приехал к нам из Барнаула на целое лето. Просто умора! Нашел курорт, нечего сказать.

Зовут его Игорем, на год постарше меня, восьмой класс закончил. Он длинный и тощий, волосы воротник закрывают. Одет в яркую ковбойку и вышарканные добела джинсы, с целым десятком разных карманов и карманчиков.

Толян Рагозин, как увидел эти обшарпанные джинсы, ахнул:
— Вот это — сила! Счас самая что ни есть мода!

Он так глядел на штаны городского гостя, что казалось вот-вот скажет: «Дай поносить, а?»

На другой день, как Игорь приехал, Колька повел его показывать село и, конечно же, мастерские. Во-первых, они, эти мастерские, я уже говорил, главная наша достопримечательность, во-вторых, там работает Колысин отец, а значит, Игорев дядя. Когда Колька с братаном возвращались домой, мы как раз соревновались: кто первым попадет футбольным мячом в гвоздь. Этот гвоздь, большой и ржавый, торчал из уличной стены Детеньшевой сараюшки.

Забаву придумал Пашка и привязался к Детеньшу: слабо да слабо дать мячик. Детеньши выкручивался, отмахивался, отнекивался, однако в конце концов сдался, отчаянно заявив:

— Ладно, только чур: кто продырявит, тот и чинит.

Мяч был новый, его купили Детеньшу совсем недавно на день рождения, и Юрка очень боялся, что кто-нибудь в самом деле ухитрится попасть в гвоздь. Сам же старался бить так, чтобы мяч ударял как можно дальше.

Игра входила в самый разгар, когда подошли Колька и Игорь. Они остановились поглядеть, чего это мы так остервенело лупим мячом в стену, а когда поняли, Игорь хохотнул:

— Занятно.

А Колька осуждающе поморщился:

— Зачем?

Детеньш сразу ухватился за Колькино сочувствие:

— Вот и я говорю: зачем мяч портить?

А Пашка все одно: давай да давай, точность, мол, испробуем...

Колька в нашем классе считался самым мудрым и серьезным. Во-первых, учится лучше всех, во-вторых, не задается и никому не лезет в глаза, в-третьих, он единственный из нас, кто твердо знает, кем хочет стать — художником. У Кольки — талант. Рисует — залюбуешься. В свободное время он постоянно бродит по селу со своим альбомом, ищет: чего бы еще срисовать. Ну и, в-четвертых: все, что не относится к рисованию, Колька считает делом десятым, в том числе все игры, кроме шахмат.

Поэтому он и сейчас хмуро произнес:

— Бросьте дурака валять, ребята. Да и мяч совсем новый. Жалко ведь.

Однако Игорь живо воспротивился:

— Тебе-то чего? Пусть лупят. Все равно не попадут. Здесь, как я вижу, нет ни Пеле, ни Гаринчи.

Я не понял:

— Кого нет?

Игорь перевел на меня глаза, произнес с чуть приметной издевкой:

— Мировых футбольных звезд, понял? Эх ты, темнота.

Пашка как раз готовился ударить по мячу, но попридержал ногу.

— Темнота, верста, глиста... — И добавил с вызовом: — Если ты такой меткач — покажи. Мы посмотрим. Поучимся.

Я почему-то был уверен, что Игорь не решится, отшутится и уйдет, но он пренебрежительно пожал плечами, спокойно шагнул к мячу, покатал его ногой и без всякой подготовки, будто шутя, ударил по нему. Мяч резко торкнулся в стену и тут же оглушительно хлопнул — угодил прямо в гвоздь.

Был ли это наметанный удар или просто случайный — не знаю. Но все мы были ошарашены. Особенно Детеньш. Он все еще не мог поверить в беду, торопливо ощупывал мяч, который испускал последний дух. Юрка растерянно улыбался и все повторял, как заводной:

— Неужто попал, а? Неужто проткнул?

Колька бросил хмурый взгляд на Игоря, произнес глухо:

— Эх ты...

И отвернулся.

А Игорь улыбался.

Он был, наверное, красивым, этот Игорь Денисов: большие темно-карие глаза, длинные изогнутые ресницы, как у девчонки, ровные белые зубы. Но мне он не понравился. Не понравился тем, как глядел на Детеньша, который продолжал мять свой издыхающий мяч, как улыбался.

— Финита ля комедия, — произнес он, — что по-французски означает «наше вам с кисточкой». — Обернулся к Клюне и, копируя его, выпалил: — Вот таким макарон, салом по сусалам.

Пашка не нашелся, что ответить. Игорь приставил к уху ладонь, спросил дурашливо:

— Что? Ничего не слышу! Повтори еще раз.

— Пошел-ка ты отсюда, — наконец выдавил Клюня.

Игорь обрадовался:

— Верно! Давно пора домой. Идем, Колька, а у них есть над чем поразмыслить.

И он все так же дурашливо помахал нам рукой.

— Не забывайте. Ходите в гости. Если можно — пореже. Мы были жестоко посрамлены и обижены.

— Сволочь, — хрипло произнес Пашка. — Надавать бы ему по этим самым сусалам.

Я вполне разделял Пашкино желание, однако промолчал: чего после драки кулаками махать?

— Ладно, не кипятись. Авось, подвернется случай... А ты, Юрка, брось уж так переживать: заклею я твою камеру, лучше прежней будет.

Глава четвертая Если бы да кабы

Я так и думал: к нам в село по своей воле вряд ли кто приедет. Или забота какая-нибудь заставит, или беда.

Оказывается, Игорь тоже прикатил в Ключи не из любви к сусликам и запаху полынка. Родители отправили его сюда не то в наказание, не то на воспитание к дяде.

Что Игорь натворил там, у себя дома — никто не знал. Даже Алька Карасин не мог толком разнюхать этого.

— Кажись, он побил кого-то со своими дружками-приятелями. А может, и еще чего похуже... — И, как всегда, приглушил голос почти до шепота, огляделся опасливо: — Только, братцы, яснее ясного: дело тут пахнет карасином. Милиция, кажись, ввязалась... Как бы его не того, Игоря-то этого...

Но время шло, а Алькины опасения не сбывались. Зато мы помаленьку узнавали от Альки разные другие новости: что отец Игоря работает научным сотрудником в каком-то институте, а мать — директорша магазина, что Игорь уже второй год занимается в спортивной школе в футбольной группе, что у него есть мопед «Верховина» и магнитофон с «классными записями»!

Мопед Игорь, понятно, оставил дома, а вот магнитофон привез с собой — небольшой такой и очень красивый, работает и на батарейках, и от электрической сети. И он, Алька, слушал эти записи. «Штучки — волосы дыбом! Рок-музыка называется. Заграничная». Узнали мы, что папа Игоря стоит в очереди на машину и, наверное, в будущем году уже купит «Жигули». Но лучше бы, конечно, «Ладу» или «Ниву»: не так примелькались.

Что еще? Игорь в семье единственный, и отец с матерью дрожат над ним, как над стеклянным. Они готовы сделать для него все, что он пожелает. И «Жигули» отец покупает, собственно, для Игоря: как только он, мол, получит право водить машину, а машина уже вот она — садись и катайся сколько душе угодно.

А вчера Алька, давясь смехом, рассказал, что видел, как Игорь, разостлав во дворе свои знаменитые джинсы, натирал их мелом.

— Это зачем? — удивленно вытаращил глаза Детеньш.

— Чтоб вид был, как у старых. Будто они повышаркались в походах и путешествиях!.. Чем, мол, старее — тем лучше. И заплатки на джинсах ненастоящие, просто так нашиты.

— А они зачем? — еще больше удивился Детеньш.

— Для того же самого — для вида. Ключня хмыкнул:

— Вида, гнида, хламида... — добавил, кисло усмехнувшись: — Ну, дает!..

Игорь не пропускал ни одного фильма. Ходил в Дом культуры все в разных рубашках, иногда надевал красивую голубую куртку на молниях. Таких рубашек и такой куртки мне еще не доводилось видеть.

Алька прямо-таки захлебывался от восхищения:

— Два чемодана одежды понавез, будто в кругосветное путешествие ехал. Аж три шляпы взял. Сомбреро называются. Мексиканские. Вот такие, — и Аллька, раскинув руки, вертел ими над головой.

Вскоре одну из этих шляп увидел и я — на Толяне Рагозине. Пестрая, большая, поля по бокам загнуты кверху. В этой шляпе Толян напоминал огромный молоток, поставленный на рукоятку.

Я сначала думал, что Толян по своей дурацкой привычке выпросил ее поносить. Оказалось — Игорь подарил.

Теперь Толян — лучший друг Игоря. Прямо из шкуры готов вылезти, чтобы только угодить ему. А Игорь хоть бы хны, будто так и должно быть, обращается с ним, как со слугой: сбегай туда, принеси то, сделай это.

Противно.

Впрочем, наплевать мне на Толяна Рагозина с его дареной пестрой шляпой и тем более на Игоря. Приехал и — приехал. Живи тут все сто лет — не жалко. И хоть все свои вещи пораздаривай, тоже все равно.

Волнует другое — Эвка. Спросите: при чем тут Эвка? Хорошая девчонка. Таких поискать — не найдешь. Смеется она так, что самому хочется засмеяться, даже когда и настроения нет. Волосы у нее густые, рыжие, будто бронзовые, на лбу и ушах колечками рассыпаны; глаза — зеленые, теплые, словно бы светятся. Она справедливая и не болтушка, как некоторые. И еще — гордая, не подступись.

И вот узнаю — с Игорем ходит! Алька Карасин сказал: уже три раза в кино с ним была. «Влюблена по уши. Аж визжит».

Я не поверил: не может быть! А нынче сам увидел. Идут по улице. Он в своих выбеленных мелом джинсах, в рубашке навывпуск, в розовом сомбреро, в руке — магнитофончик. Помахивает им небрежно, а сам что-то рассказывает Эвке. А та смотрит ему в рот, охает и хихикает.

Пришел я домой и сразу к зеркалу, глянул на себя и чуть не взвыл от огорчения. Ну кто полюбит такого: нос кривой, уши, как два вареника. А эти толстые губы, а пегие волосы!.. Ну рожа! От обиды я даже трахнул себя кулаком по голове и бросился на диван.

Не спал почти всю ночь, ворочался, думал об Эвке.

Чего я только не напридумывал, чего не нафантазировал за эту ночь! И все о том, как бы отшить Эвку от Игоря. Но что выдумаешь? На свою красоту надежды не было. Хорошо бы совершить какой-нибудь подвиг. Пусть не подвиг, а простой героический поступок, ну там пожар потушить, или Эвке в чем-то помочь, а то и от беды спасти. Тогда она сразу бы увидела, кто из нас лучше: я или этот городской фитиль.

Но ничего путного так и не пришло на ум: пожаров в селе не бывает, речки или озера, где бы Эвка могла тонуть, тоже нет. Нет ни гор, ни пропастей. А в ровной, как лист, степи, понятно, не свалишься, не разобьешься. Эх, хоть бы какой-нибудь случай, хоть бы от Феди спасти Эвку, что ли?

Федя — это колхозный бык. Зверюга с толстыми и острыми рогами.

Однажды он оборвал цепь и выбежал со скотного двора. А в это время дед Ишутин гнал коней на водопой. Федя, как таран, врезался в табун. Одного коня свалил с ног, другому пропорол бок, третьего забил насмерть, а потом, будто куль половы, перекинул через себя.

Я представил, что Федя снова сорвался со своей цепи, а Эвка, ничего не подозревая, шла бы в тот момент мимо скотного двора к своей матери на ветпункт (мать у нее ветеринарный врач).

Федя, увидя Эвку, ясное дело, сразу рванул бы к ней. А Эвка обмерла бы от страха, стояла бы бледная и беззащитная, ожидая своей печальной участи...

Вот тут-то, в самый последний момент, когда Федя уже нацелил рога на Эвку, и появляюсь я, смелый и решительный. В руках у меня толстая жердина. Я изо всей силы бью Федю по морде. Он от боли и неожиданности забывает про Эвку и с бешеным ревом кидается на меня.

Но я в одно мгновение увертываюсь от рогов и, не теряя ни секунды, мчу к скотному двору. Там с маху перелетаю через невысокую, но крепкую ограду, а Федя с разгона, не в силах остановиться, таранит эту ограду и застревает в ней...

Потом, когда опасность позади, прибегает Эвкина мать и со слезами на глазах благодарит меня. А Эвка, смущенная и взволнованная, говорит: «Костя, ты — настоящий парень. Я не думала, что ты такой смелый и благородный. Теперь я навсегда твой верный товарищ и друг...». И так далее.

Здорово. Только все это пустые мечты. «Бы» да «кабы». Не лучше ли взять и просто набить Игорю морду, чтоб знал свое место?

Эта мысль мне очень понравилась и я стал обдумывать, как получше осуществить ее. Где удобнее всего прищучить Игоря, прикинул сразу: в проулке, что пересекает улицу возле Дома культуры. Проулок этот хоть узкий, кривой и колдобистый, зато многим очень сокращает дорогу. Игорь тоже ходит по нему после кино. Здесь-то и надо подкараулить его вечерком, налететь втроем и...

Но тут я вспомнил, что мы с Ключней разругались с Детеньшем. Ох, уж этот Ключня! Вечно мутит воду, вечно с кем-нибудь в ссоре.

А без Детеньша с одним Ключней Игоря не проучить, даже мечтать нечего. Ключня слабак, да и не очень надежный человек.

Что же делать? Думал я, думал, не заметил, как и заснул. Открыл глаза — солнце вон уже где: в верхнем углу окна.

Глава пятая Шаровые молнии

Этот день начался вполне обычно. Мы с Пашкой сидели в брошенной полуразвалившейся бане, что стоит на задах его огорода, и отдыхали на охапках прошлогодней соломы.

На дворе стояла такая жарница, что высунуться боязно. Небо не голубое — серое, будто выцвело. На нем ни облачка, даже самого жиденького. Одно солнце. И то не желтое, а какое-то белое.

В селе тишина. Собаки и те перестали лаять. На улицах только куры: одни бродили, шатаясь от жары, словно пьяные, другие лежали в пыльных лунках прямо на дороге, очумело разинув клювы.

Пашка, опершись спиной о стену, громко дышал, раскрывая по-рыбьи рот.

— Ну духотища! Шевелиться не хочется. Как это люди в Африке живут? Круглый год такое пекло: ни тебе снежинки, ни мороза. Одуреть можно.

— Ладно, не переживай за африканцев. Авось обойдутся. Давай-ка лучше обмозгуем, как с этим денисовским фитилем разделаться. Тут у нас пока не пыльно и прохладно.

Хоть я не очень верил в Ключню, однако все-таки рискнул поделиться с ним своими ночными мыслями.

Пашка уныло пробубнил:

— Прохладно, складно, шоколадно... На кой тебе все это? Говорю: шевелиться силы нет, а он...

— Я гляжу, у тебя сила есть только трепаться.

— Трепаться, драться, издеваться... Зачем вдруг бить его? Что он тебе сделал?

Я, понятно, ни словом не обмолвился Пашке, что из-за Эвки. Доверить ему такую тайну — все одно, что выйти на нашу площадь и проорать во всю глотку. Я сказал, что Игорь дрянь человек, задавака и пижон, что таких лупить просто необходимо.

— Ха, — выдохнул Ключня, — задавака, пижон!.. Ну и пусть, зато он не жадный и веселый. Начнет что рассказывать — ухохочешься. И ловкий. Его даже Детеньшу, пожалуй, не сбороть.

«Ага, — подумал я, — потому-то ты и стал таким рассудительным и покладистым». Вслух сказал:

— Ведь ты сам хотел ему рыло набить. Помнишь? Когда он насадил на гвоздь Юркин мяч. Или уже забыл: «салом по сусалам»?

Клюня задвигался беспокойно, отвел глаза.

— Мало ли чего... — И вдруг неожиданно, чуть ли не бодро, предложил:

— Давай лучше бабку Никульшиху попугаем? Давно уже не бегали к ней. Это интересней, чем твоя дурацкая затея.

Пугать бабку Никульшиху одно из самых потешных наших развлечений. Вечером, когда село уже затихает, мы взбираемся на крышу ее низенькой избы и дико воем в печную трубу. Воем по очереди и оба разом, лаем, мяукаем, рыдаем. Бабка верит во всяких леших и домовых и поэтому боится нашего шума до беспамятства, думает, наверное, что к ней рвется какая-нибудь нечистая сила. Чем бы она в это время ни занималась, бросает все и, торопливо крестясь, бежит к соседям спасаться. А мы слетаем с крыши и быстренько скрываемся в огороде. Смешно и весело.

Я сначала удивился: чего это Клюня ни с того ни с сего вспомнил про бабку Никульшиху? Он не любил темноты и всегда с неохотой выходил вечером на улицу. А тут на тебе: сам предложил!

— Хорошо. Пойдем. Сейчас пугать Никульшиху будет еще интересней.

Клюня насторожился:

— Это почему же?

— Никульшиха откуда-то вызнала про нас. А ее сосед сказал: поймаю, мол, уши вытяну и завяжу морским узлом на затылке... Он такой — завяжет, я его знаю. — Потом спросил, как можно равнодушной: — Значит, как всегда, в двенадцать?

Клюня не ответил, только засопел еще тяжелее — думал. Вдруг он хлопнул себя ладонью по лбу, воскликнул, делая огорченное лицо:

— Фу ты, черт! Совсем забыл: нынче вечером мы с папкой сарайку будем ремонтировать.

— Опять? — удивился я. — Ведь вы ее на той неделе ремонтировали.

Клюня несколько опешил, но тут же нашелся:

— В другом месте. Крыша прохудилась.

— Значит, отказываешься?

Клюня так и вздернулся:

— Вот пристал!.. Не отказываюсь, а некогда.

Понял: некогда! Все было ясно: Ключня трусит. Я поднялся.

— Черт с тобой, сиди тут, как крот, плети свои рифмы.

И полез из бани.

Домой идти не хотелось, и я пошагал на конюшню, авось дед Ишутин новую байку расскажет.

Пока мы сидели в бане, день пошел на убыль: солнце скатилось почти до крыши ремонтной мастерской. Теперь из белого оно превратилось в багровое и стало как будто бы больше. Что-то тревожное было в угасающем дне.

Пересекая нашу главную улицу, которая уходила в степь, я увидел в ее конце край черной, с седыми космами тучи. Она росла будто прямо из земли, медленно раздаваясь вширь и ввысь.

«Вот оно что! — весело подумал я. — Гроза собирается! Дождичек. Хорошо! Вот почему тревожно, вот почему нынче так жарило и было так душно».

Дед Ишутин встретил меня подозрительно ласково, будто любимого внука.

— А, Костюха! Вот радость-то! А говорят — бога нет. Есть он, есть, коли послал тебя ко мне.

Я знал, что дед Ишутин никаких особо дружеских чувств ко мне не питал. А после того, как я однажды окатил его водой, когда он примостился вздремнуть в рабочее время, и вовсе невзлюбил меня. А тут вдруг такая горячая встреча.

Осторожность мне никогда не вредила, поэтому я и в этот раз остановился поодаль: не зря расстилается дед, никак задумал сотворить мне какую-нибудь пакость. В отместку за купанье.

Но все объяснилось быстро и просто: срочно понадобилась лошадь, а свободных не оказалось — все были в разъезде. Оставалась лишь одна — сивый мосластый мерин с собачьей кличкой Валет. Но дед еще в полдень выгнал его в степь пастись.

— Будь добр, Костюха, сбегай, приведи коня. Очень одолжишь, — торопливо говорил дед, а сам косо поглядывал на тучу. — Я бы и сам сбегал, да дела... А, Костюха, сбегаете?

Никаких особых дел у деда, конечно, не было, просто ему не хотелось тащиться в степь, да еще перед самой грозой.

Мне тоже не хотелось. Просто совсем не было никакого желания. Но я пошел. Взял уздечку и молча пошагал. Вышел за околицу, огляделся: Валета поблизости не было, значит ушел в Сорочий ложок. Там всегда трава погуще и посочнее, поэтому всякая скотинка так и норовит уйти туда. Однако до того ложка надо было еще добраться: пять километров. А туча вон уже где, совсем рядом, кипит, клубится, упорно подбирается к солнцу.

Я не стал зря терять времени и двинул в степь. Минут через двадцать, а может чуть побольше, увидел Желтый курган, обрадовался: значит, скоро Сорочий ложок. Курган лежит как раз на полдороге. Это небольшой холмик среди ровной степи. А Желтый потому, что трава на нем всегда выгорает и издали он выглядит как желтое пятно.

Когда я подходил к кургану, туча наконец подобралась к солнцу и стремительно накрыла его.

Сразу сделалось темно, потянуло сырým холодным воздухом, степь встrepенулась, зашумела. У меня невольно передернулись плечи не то от знобкого холодка, не то от угрюмого вида степи.

Главное, нужно было побыстрее добраться до Сорочьего ложка.

И только я набрался духу, чтоб бежать, надо мной вдруг полыхнула ослепительная сине-зеленая молния и ахнул такой гром, что я как стоял, так и грохнулся в траву, обхватив голову руками.

После этого удара небо будто с ума сошло: сверкало, шипело, ухало, грохотало. Ветер бешено колошматил траву, гнал по степи пыль и охапки соломы, выл и свистел, как соловей-разбойник.

Лежать, уткнувшись носом в землю, дело не из героических да и не из приятных. Надо было немедленно что-то предпринимать: или бежать за Валетом, или назад, домой. Я приподнял голову, чтобы оглядеться и обомлел: откуда-то из мутной мглы почти над самой травой плыли два больших огненных шара. Они надвигались прямо на меня, быстро и неотвратимо.

И вот тут я, не буду скрывать, струхнул по-настоящему.

Конец, подумал я. Шаровые молнии. Сейчас шарахнут — пепла не останется.

Я, пожалуй, заорал бы, как последний заяц, да голос пропал. И бежать не мог — руки-ноги не шевелились.

Когда я уже собрался достойно встретить свой конец, огненные шары вдруг повели себя очень странно: они, не долетев до кургана, остановились, мигнули, а потом неожиданно погасли. Я зажмурился, потому что стало так темно, будто меня сунули в мешок с сажей. Когда я открыл глаза, то даже потряс головой — не мерещится ли: метрах в двадцати от кургана стоял автомобиль, самый обыкновенный газик. Отворились дверцы и из него выпрыгнули два человека. Вернее, выпрыгнул один — низенький и широкий в белом костюме, другой — длинный в плаще и обвислой шляпе, едва выбрался, согнувшись вдвое. Они торопливо подошли к Желтому кургану. Высокий громко выкрикнул, чтобы перекрыть шум:

— Вот он. Таких могильников, я уже говорил вам, у нас в степи сохранилось только два. Один мы раскопали в прошлом году, но он оказался разграбленным... Вся надежда осталась на этот.

Второй, тот, что был в белом костюме, шагнул к холмику, зачем-то пнул его толстой короткой ногой:

— Может, все-таки успеете?

— Что вы?! — закричал в шляпе. — Думал. Не получается. Времени очень мало. Вы же сами говорите, что до осени здесь будете.

— Будем, — глухо откликнулся низкий. — Может быть, и раньше... Только я-то чем могу помочь? Экскаватор дать? Бульдозер? Пожалуйста.

Длинный тонко и просительно застонал:

— Дорогой, а нельзя ли этот могильничек обойти сторонкой, а? Хотя бы маленько?

— Да вы что? — Затряс лохматой головой низкий. — У меня ведь проект!

— Но в этом курганчике сокрыты несметные ценности для мировой науки, памятники культуры древних саков...

В это время с новой силой полыхнула молния, раскроив надвое клубящееся небо, и долбанул гром. Оба незнакомца разом согнулись. Низенький схватил длинного за руку:

— А ну, катим отсюда. Не то рядом с этим могильником насыпят еще два.

Он потащил длинного к машине. Газик сердито фыркнул и рванулся в сторону большака.

Я не понял ни того, почему длинный не успеет раскопать курган, ни того, кто должен прийти сюда, в степь, да еще и помешать раскопкам, ни того, наконец, почему этот «кто-то» не может обойти курган стороной, а обязательно полезет на него. Да мне и не до этого было. Я понял другое: здесь, в этом курганчике, мой подвиг и моя слава!

Вскочив на ноги, я заорал во всю мочь «ура». Вот это удача, вот это повезло! Я раскопаю Желтый курган, спасу все эти памятники культуры, о которых так волновался длинный, и отдам народу. Вот тогда Эвка сразу поймет кто есть кто! Сразу оценит этого городского фитиля в дурацком розовом сомбреро, который только и умеет, что языком молоть да таскать свой магнитофон.

Ну, новость! Кто бы мог подумать, что наш Желтый курганчик — могильник, да еще набитый какими-то сокровищами?

Ах, какой славный мужик, этот длинный! Как правильно он сделал, что не решился копать курган. Да это сделаю я! До осени я не то что этот бугорок, полстепи перепашу!

Когда я, наконец, немного успокоился и пришел в себя, гроза бушевала вовсю: метались молнии, хлестал холодный и тугой ливень. Но я уже не обращал на грозу никакого внимания: быстро добрался до Сорочьего ложка, отыскал присмирившего от страха Валета, взнуздal его и полетел домой, будто на крыльях.

Глава шестая Удары судьбы

Итак, мы уже десять дней копаем Желтый курган. Мы — это, само собой понятно, я, Детеньш и Пашка Ключня.

Сгоряча я было взялся за раскопки один — не хотелось делить будущую славу ни с кем. Пришел я тогда к Желтому курганчику, солнце едва-едва поднялось над степью и высоко в небе зазвенели первые жаворонки. От вчерашней грозы и следа не осталось, только посвежевшая ярко-зеленая трава.

Было радостно и жутковато: неужели я скоро увижу того, кто жил в наших степях давным-давно, может пятьсот, а то и всю тысячу лет назад. Кто он? Знаменитый вождь или великий воин? А может, какая-нибудь древняя царица или сам хан?

Копать я взялся с большим жаром, однако часа через три крепко поостыл. Работал не разгибаясь, а земли срыл — кот наплакал. Зато такие волдыри на ладонях набил, что за ложку братья боязно. Волей-неволей опять про Детеньша вспомнил.

Утром пошел к нему мириться. Детеньш — молодец. Не стал, как некоторые, ломаться, выказывать свою гордость, сразу протянул мне руку и я крепко пожал ее.

Рассказ о Желтом курганчике он воспринял до обидного спокойно, словно только и делал всю жизнь, что выслушивал такие сногшибательные новости. Сказал лишь, озабоченно насупив брови:

— Надо, пожалуй, ломик прихватить...

Зато Ключня радовался и шумел за двоих.

— Наш Желтый курганчик — могильник?! Не врешь? И набит сокровищами?! Так чего мы тут стоим и болтаем? Берите лопаты и — айда. А то еще кто-нибудь узнает и опередит,

И вот мы копаем Желтый курганчик. Дело идет совсем не так быстро, как хотелось бы, как вначале предполагал я. За это время мы едва-едва срыли бугор. Теперь надо вгрызаться вглубь, а сил у нас здорово поубавилось.

Только теперь я окончательно понял, что такое раскопки. Поясницу ломит, болят руки, ладони горят огнем. Но на то и существуют трудности, чтобы их преодолеть. Никакой подвиг не

бывает легким, его не совершишь походя, с наскока. Это знает каждый, кроме разве Ключи.

Пашка меня просто бесит. Он не работает, а только машет руками да разглагольствует о всякой ерунде. Поработал он по-настоящему лишь раз, в первый день. Пашка не дал нам тогда даже позавтракать — так рвался к Желтому курганчику. Кричал, захлебываясь от восторга:

— В пять дней управимся! Кто бы он там ни был, как миленького выроем со всеми его сокровищами. Эти скифы, саки, или как их там еще, просто элементарное дурачье: захоронили своего мертвяка чуть ли не рядом с селом. Если бы знали, что мы придем и выроем их могилу, то утащили бы куда подальше да закопали поглубже.

Детеньш сказал, ощупывая лезвие своей лопаты:

— Во-первых, нашего села тогда еще и в помине не было, во-вторых, откуда тебе известно — глубокая могила или нет?

Пашка словно поджидал возражения, сыпанул, как автоматчик:

— Нет, дуplet, привет, скелет... Не нужно иметь много мозгов, чтобы сообразить это. Им нечем было копать, понял? Ни лопат, ни лома. А палкой много не наковыряешь. Чуть присыпят мертвяка и — привет.

Детеньш хмыкнул:

— Видали — доктор наук! Академик! Киндервунд!

— Не киндервунд, а вундеркинд. Тоже мне умник нашелся, — язвительно захохотал Пашка.

— Пусть вундеркинд, все равно. А тысячу лет назад не только железо, но и золото уже добывали. И оружие ковали, и инструменты всякие делали.

Пашка хотел было по привычке вступить в спор и для начала уже выкрикнул, как боевой клич, свое любимое: «Мину-у-уточку!» Но я не дал.

— Стоп, Ключня, — сказал я. — Надевай глушитель и — за работу. Хватит базарить.

— Ладно, — недовольно пробубнил Пашка, ни к кому не обращаясь, — после увидим.

Он взял лопату, прикинул, откуда сподручней начинать, и принялся копать. Работал он в тот день не разгибаясь. А про меня с

Детеньшем и говорить нечего: мы до вечера так умотались, что хоть на носилках выноси.

На другой день, когда мы снова пришли чуть свет, я просто ахнул: ничего себе! За один день срубили половину кургана! Сколько веков он желтел тут в пустой и ровной степи, и вот пришли мы, и его, Желтого курганчика, почти не стало.

— Ну, ребята, если у нас так и дальше пойдет дело, то впрямь выйдет по-клюниному: может, не в пять дней, но уж в десять-то точно управимся.

Пашка лихо подмигнул Детеньшу, сказал самодовольно:

— Вот так, друг маленьких существ, слушай и вникай: я всегда знаю, что говорю. А говорю я вот что: главное — темп!

Но на этот раз Пашка больше чесал языком, чем работал. Копнет раз-другой, воткнет лопату в землю, обопрется о черенок и пойдет молоть. — Слышь, ребята, вот мы бьемся тут, стараемся и ни о чем таком не думаем. Верно? А нам возьмут, да и отвалят по путевке в туристический лагерь. Куда-нибудь в Горный Алтай. Дескать, так, мол, и так, дорогие товарищи школьники, благодарим вас от имени науки. А? Или вдруг в Крым? В Артек? Здорово, а?

Пашка радостно хохотал, будто уже получил путевки и в туристический лагерь, и в Артек.

— Шуму будет на весь район. Пацаны от зависти уши друг дружке отжуют.

В конце концов даже Детеньш не выдержал, произнес устало разгибаясь:

— Брось, Клюня, ерунду плести. Лучше давай работай.

— Работай, топай, лопай, — весело выпалил Пашка. — Это мы умеем!

Он, старательно поплевав на ладони, принялся копать. Однако, бросив несколько лопат земли, снова поднял голову.

— А вдруг, — и глаза у него расширились, словно от страха. — А вдруг каждому по ордену? Ведь мы, может, такие сокровища выудим из этого могильника, что не каждому ученому археологу в мечтах привидится.

— Ты вперед по шее получишь, если будешь вот так вольнить, — сказал я. — Кончай, Пашка. Честное слово, надоело.

Однако Пашка нетерпеливо отмахнулся.

— Погоди... — И выдохнул сипло: — А что, если... Ой, братья, что я придумал!

— Ну? — заинтересовался Детеньш.

— Не надо нам никаких путевок и орденов там всяких. Надо просто-напросто все, что добудем, разделить поровну, на троих.

— Это зачем? — не понял я.

— Здравствуйте! Продадим это древнее барахло, а на деньги купим все, что кому охота. Понял? Я, например, мотоцикл «Урал». С коляской. Буду летать по всему району!

Детеньш помотал головой, хмыкнул: «Ну и ну!» А я разозлился.

— Умолкни, а то схлопочешь. Как пить дать, схлопочешь, кулачина ты продажная.

Пашка удивленно уставился на меня.

— Ты что, одурел? Что я такого сделал?

— Дурак или прикидываешься? Ты соображаешь, что говоришь? Ты предлагаешь ограбить могильник. Как самый последний ворюга. Как те подонки, что очистили первый курган. Кто есть ты после этого, а?

Пашка, видать, не ожидал такого поворота, растерялся, заоправдывался:

— Да я просто так, для хохмы. Чтоб веселее.

Но я понимал: не для хохмы и не для веселья. Он и в самом деле готов забрать все, что найдется в могильнике, если, конечно, не остановить его. Жадность у Пашки всегда была.

После этого вся Ключина радость и оживление исчезли. Переменился и разговор. Теперь Пашка уже не захлебывался от восторга, когда говорил о сокровищах Желтого кургана, а нудил про жару, пыль, усталость. Как только возьмется за лопату, сразу забубнит, заноеет, что он не бульдозер, чтобы вот так, задарма и не знай для чего, ишачить, да еще каждый день, безо всяких выходных. А вчера вдруг заявил, ткнув лопатой землю:

— Нет тут никакого могильника. Зря стараемся.

Я оторопел.

— Это почему?

— Потому... Эти древние, думаешь, лопоухими были. Хитрые были, дьяволы. Они устраивали могилы с такими секретами, что черта лысого разгадаешь.

— Ха, опять новость, — засмеялся Детеньш, вытирая кепкой пот с лица. — Ты же говорил, что они — элементарное дурачье. Что-то очень быстро они поумнели у тебя.

— Ты не очень-то остри, друг маленьких зверей... Я читал: был такой Аттила, вождь гуннов. Так вот, когда он умер, воины взяли и перегородили какую-то реку, на дне устроили могилу, набили ее всяким добром, чтобы их вождь на том свете жил не тужил, а потом снова пустили воду. Вот и найди попробуй этого Аттилу с его сокровищами.

Пашка помолчал, потом добавил решительно:

— Тут тоже есть, наверное, какая-нибудь хитрость: может, подземный ход, а может, этот курган и вовсе фальшивый.

— Фальшивый? — растерялся Детеньш.

— Ну да. Курган насыпали, а мертвяка захоронили где-нибудь рядом и землю разровняли. Понял?

Эти Пашкины разговоры с каждым разом все сильнее действовали на меня. Нет, не потому, что я вдруг поверил в его выдумки или засомневался. Совсем не потому.

Я заметил, что Детеньш стал ходить на раскопки без прежней охоты, работал хуже, был невеселый и какой-то совсем безрадостный. Я сначала подумал, что он заболел, но скоро понял — из-за Пашки. Из-за его нытья.

Сегодня, когда Пашка снова принялся за свои дурацкие предположения и сомнения, я оборвал его:

— Слушай, Ключня, не хочешь участвовать в раскопках — уматывай. Без тебя управимся. Только не каркай, не порть настроения.

— Настроения, пения, сопения... А я и не порчу. Я просто смотрю правде в глаза: нету в кургане ни шиша. Понял? Пустой он, как барабан.

— Ну, что ты плетешь? Откуда тебе все известно?

— Вот известно. Теоретические размышления и сопоставление фактов. Я не слепой крот, как ты — ковыряешься в земле безо всякого соображения.

Произнес и прямо-таки раздулся от гордости — понравилось, что так умно выразился.

Я хотел сказать, что цыплят по осени считают, что я уверен в удаче, только надо по-настоящему работать. Но все мои слова будто

испарились. Я молчал и лишь, как дурак, шевелил губами.

Это всегда со мной бывает, когда меня обидят или я волнуюсь.

Пашка взглянул на меня, подмигнул, будто сказал: «Ну что, съел?» И захохотал.

Я сжал кулаки.

— Уходи, Ключня, уходи, а то...

Однако Пашка и не думал уходить, он только еще больше развеселился, обернулся к Детеньшу:

— Во — нервный! Гонит! — Снова глянул на меня: — Да он, этот курганчик, твой, что ли? Может, ты его по наследству от бабушки получил? А?

Я молчал, чтобы совсем не разозлиться. А Пашка уже попер вовсю:

— А может, тут какой-нибудь твой родственник присыпан, а? Дедушкин дедушка? Хан Брысяк? — Ключня вдруг оглушительно захохотал. — Точно! Как это я сразу не сообразил? Юный наследник Брыська хочет прикарманить с помощью верных друзей добришко дедушки хана Брысяка!

Я не выдержал и врезал Пашке по уху...

* * *

На другой день к кургану мы пришли вдвоем с Детеньшем. Сначала пришел я, а потом, примерно через час, он, хмурый и вялый. Ковырнув раза три-четыре лопатой, произнес глухо: «Зря ты вчера Ключню...».

— А чего он?..

Детеньш перебил:

— Нехорошо. Не по-товарищески. Он же без зла.

— А разница какая: со злом или без зла? Все равно дело испортил, трепач несчастный.

Мы снова принялись копать. Было тоскливо и совсем не хотелось работать. Детеньш вдруг сплюнул и выдохнул решительно:

— К чертям!..

— Что?

— Слышь, Брыська, давай нашим пацанам расскажем про все: ну, про Желтый курган, про сокровища...

Я испугался.

— Зачем?

— Ну как — зачем? Легче, да и быстрее дело пойдет, если мы все разом навалимся. Давай, а?

Детеньш устался на меня своими черными круглыми глазками, а я молчал, потому что от неожиданности не знал, что ответить.

Это как же, думал я, искать, искать случай, который, быть может, принесет мне славу и вернет Эвкину дружбу, а когда он, этот случай, наконец, подвернулся — взять и отказаться от него.

Нет уж дудки! Желтый курган — моя тайна, я и раскрою ее, чего бы мне это ни стоило. А орава разных советчиков мне не нужна. От них толку будет столько же, как от болтуна Кюни. Это уж я как-нибудь знаю.

Я так и сказал Детеньшу. Он хмуро выслушал меня и отвернулся.

— Ну, как знаешь, — сказал тихо. — А я больше сюда не приду.

Вот уж этого я никак не ожидал.

— Да ты что?! — закричал я. — Сколько земли уже повыбросили, осталось, может быть, самая малость, а он: «Не приду!» Брось, Юрка, брось дурака валять. Добудем сокровища — слава на двоих.

Детеньш помотал головой.

— Нет. Я к Эвке Юхтановой в отряд... Будем металлолом вывозить. Председатель колхоза три грузовика выделил. Эвка сказала, что...

Я дико захохотал.

— Эвка сказала! Тоже мне нашел командира! И дело — собирать дырявые ведра да ржавые гвозди!

— Не говори ерунды.

— Да разве это ерунда? — снова крикнул я. — Променять раскопки на сбор мятых железяк! Юрка, не глупи. Не разменивайся на всякие пустяки.

Однако Детеньш молча закинул на плечо лопату, свой тяжеленный лом, повернулся и пошагал к селу. Я стоял и глядел ему вслед до тех пор, пока он не скрылся с глаз...

Глава седьмая Страницы истории

Про тот металлолом, о котором говорил Детеньш и который он вдруг так загорелся грузить на автомашины, я, понятно, хорошо знал. Знал и для чего он был собран: ребята решили на вырученные деньги за этот металлолом построить памятник выпускникам нашей школы, погибшим в Отечественную войну.

Теперь куча ржавого железа лежала во дворе старой ремонтной мастерской. Там же, в брошенной кладовой хранился огромный ворох макулатуры. Она тоже предназначалась для этой цели.

Строить памятник задумали еще в прошлом году на школьном собрании. Нашли и место — перед входом в школу, в центре будущего сквера, где пока растут несколько тощих топольков. Я еще тогда, на том собрании, сказал Детеньшу и Клюне, что из этой затеи ничего не выйдет. Сколько нужно натаскать металлолома и макулатуры, чтобы набрать денег на добрый памятник? Гору в двухэтажный дом. А где в нашем селе столько железа и бумаги?

— Поэтому, — сказал я, — и начинать нет смысла, опозоримся — и вся любовь. Лучше побежали смотреть, как будут ковать коней.

У нас в колхозе четырнадцать лошадей и время от времени их приходится ковать. Это делает тот же дед Ишутин возле нашей старой прокопченной кузни. Я люблю глядеть, как заводят коня в специальный станок, привязывают ремнями и веревками, чтоб не брыкался, а потом прибивают гвоздями подковы. Очень любопытное дело, тем более, что ковка происходит не каждый месяц, а может, и не каждый год.

Однако Детеньш помотал ушастой головой:

— Нет.

А мы с Пашкой, не дожидаясь конца собрания, выбрались из зала и побежали к кузнице.

Потом, на другой день, Детеньш рассказал нам, что на собрании был создан школьный полевой отряд, сокращенно ШПО, а командиром выбрали Эвку Юхтанову; что деньги, которые заработает этот ШПО на колхозных полях, тоже пойдут на памятник.

— Так что ты, Брыська, зря боялся: будут у нас деньги. И ушли вы зря: теперь вас не примут в отряд без испытательного срока.

— Срока, сорока, морока... Ишь, чем напугал! Да нам начхать на твой ШПО. У нас других дел полно и поинтересней. Верно, Брыська?

Никаких особо интересных дел у нас не было, однако я подтвердил:

— Верно.

Пашка ловко и длинно сплюнул:

— А из Эвки командир, как из меня циркач. Просто смех берет: будто во всей школе нет никого подходящего. Всюду она лезет со своим облупленным носом.

В самом деле, никакая затея не обходится без Эвки, словно вся жизнь вертится вокруг нее. Как-то организовали в школе драматический кружок, гляжу — Эвка уже там разглагольствует, размахивает руками. Едва надумали насажать возле школы деревья, а она вот она — снует взад-вперед то с ведром, то с лопатой, словно у себя во дворе.

И про памятник она первой заговорила. Я даже запомнил тот день. Притом крепко запомнил...

Эвка тогда только что вернулась из Белоруссии, куда ездила в гости к своим родственникам. Еще, наверное, не отдохнула, как следует, от дороги, а уже собрала возле своего дома на бревнышках целую ораву девчонок и пацанов и что-то рассказывала им.

Мы с Пашкой тоже подошли. Ключня изогнулся дурашливо, выкрикнул:

— Привет кашалотам и полосатикам!

Ребята нехотя заоглядывались, одни промолчали, другие буркнули что-то невнятное, а кто-то из девчонок бросил недовольно:

— Явились, не запылились...

Эвка увидела меня, кивнула приветливо, а Ключню словно не заметила, и как говорила, так и продолжала. Это Пашке очень не понравилось и он сразу взъелся:

— Ишь — гордая! Слова сказать не хочет. Как же — путешественница! Миклухо-Маклаиха! А ну давай, Брыська, послушаем, что она тут врет.

Эвка бросила на Пашку хмурый взгляд и замолчала. Я подумал: все! Вылетела из орбиты! Ловко ее Ключня подсек. Однако Эвка спокойно спросила Пашку:

— Все сказал?

Пашка развел руками:

— Не знаю. Подумаю.

— Ну, вот и думай. — И уже к ребятам: — Как много там вокруг могил... И братские, и одиночные, и безымянные. А в них наши солдаты, партизаны, просто мирные люди. В одной деревне, где мы жили, три братских могилы. Говорят, в них больше половины жителей деревни: фашисты расстреляли. Даже самых маленьких.

Эвкина подруга Лилька Кашина, по прозвищу Буланка, сморщилась, будто собиралась заплакать.

— Теперь эта деревня, наверное, совсем маленькая и бедненькая?

— Почему? — удивилась Эвка.

— Дак ведь там народу не осталось. Сама сказала — фашисты постреляли.

Эвка рассмеялась.

— Ну смешная! Это же было давно, тридцать пять лет назад. Сейчас там от войны и следа не осталось, кроме могил. Сейчас деревня веселая, красивая, с каменными домами. А школа — настоящий дворец. Огромная, вся белая, окон там много и такие они широкие, что кажется — стены сделаны из одного стекла.

Буланка враз развеселилась, будто получила подарок, захлопала в ладоши, пропела:

— Ой, как романти-и-ично!

Ничего романтического тут не было, однако мы с Пашкой решили еще постоять малость.

— А во дворе школы, — рассказывала Эвка, — памятник. Солдат из розового камня. В одной руке у него автомат, в другой — скомканная пилотка. А лицо такое — даже холодок в сердце... — Эвка примолкла чуть, потом добавила: — Его ребята поставили. Деньги заработали сами. Памятник выпускникам школы, погибшим в Великую Отечественную войну.

— Ой, как романти-и-ично! — снова вклинилась Буланка. — Эвочка, я...

Но Эвка остановила ее движением руки: погоди, мол, и сказала:

— Ребята, давайте и мы памятник поставим? Нашим выпускникам. Тем, кто погиб на войне.

Это было неожиданно. Все, кто сидел на бревнышках, даже присмирели. А Эвка нетерпеливо перебегала глазами с одного на другого. Наконец спросила:

— Ну? Чего молчите? Бойтесь — не сможем? — И тут же сама ответила: — Еще как сможем! Главное — взяться, как следует. Как те белорусские ребята.

Ребята зашевелились, загалдели кто о чем.

— Выдумала!..

— Откуда денег возьмем?

— А из чего делать его, памятник-то?

— А какой? Кто придумает?

Эвка откликнулась весело:

— Сами придумаем! Конкурс объявим.

Буланка хлопала в ладоши и в третий раз пропела:

— Ой, как романти-и-ично! Эвочка, я — за! Это просто гениально!

Пашка засмеялся, кивнув на Буланку:

— Вот психичка!

Он ее терпеть не мог. Да и я, признаться, тоже не очень любил. Тощая, с острым буратиным носом, с серо-желтой до самых глаз челкой. За эту длинную лошадиную челку она и получила Буланку.

Но главное, Лилька ябеда, каких, наверное, в нашем селе еще не бывало. Кто бы что ни сделал, она обязательно разузнает и сразу бежит-спотыкается к Микрофоньчу, а то и прямо к родителям.

Лупили ее за это. Но ей нейдет. Говорит, что это ее принцип: выводить всех на чистую воду. Говорит, если бы, мол, у нее была сила, она и сама бы разделялась с каждым хулиганом и подлецом. А так, дескать, пусть общество само их карает, как хочет.

Из-за Лильки однажды и мне крепко влетело. А Пашке целых три раза. Словом, Буланка — дрянь девчонка.

Пока ребята думали да сомневались, она уже все решила и выкрикнула:

— Эвочка, у меня мысль! Памятник — из черного камня: скачущий конь, а на нем юный воин с шашкой в руке. Он весь устремлен вперед, на битву с врагом. Красиво? Ведь правда?

Вот тогда и случилось то, чего я не могу себе простить до сих пор.

Услышав про скачущего коня и юного воина на нем, я захохотал и выкрикнул:

— Красиво! Очень! А рядом пылит Буланка с Эвкой на хребтине, торопится к Микрофонычу с новой ябедой.

Грохнул хохот. Лилька как-то жалко и беспомощно заулыбалась, заглядывалась на ребят и вдруг громко всхлипнула, прикрыла лицо ладонями и бросилась бежать.

Пашка весело свистнул, заорал:

— Держи ее! Хомутай! А то ускачет в степь!

Все смеялись, а Эвка... соскочила с бревнышек, подбежала ко мне, сжав кулаки. Я даже оторопел: ну, подумал, сейчас влепит штуку. Но она не ударила. Полоснула по мне своими зелеными глазищами и сказала негромко: «Я думала, что ты... А ты... Эх ты!...»

Сказала так, что лучше бы ударила.

На другой день, когда кто-то из ребят рассказал Микрофонычу про Эвкину затею с памятником, он заволновался, засуетился вдруг и прямо на уроке подошел к Эвке и обнял ее.

— Умница...

А вскоре был объявлен конкурс на лучший проект памятника.

Вот так было дело.

Эвка же с той поры будто знать не знает меня. Она не разговаривает со мной, а когда мы встречаемся на улице — проходит мимо, словно я какой-нибудь телеграфный столб. И как я ни старался загладить свою выходку, как ни пытался заслужить Эвкино прощение — все бесполезно.

Однажды я, как говорится, зажав в кулак свою гордость, подошел к Буланке и при всех, кто был рядом, извинился. Но этого оказалось мало: Эвка стала лишь здороваться со мной. А тут появился этот городской красавчик в розовом сомбреро, и Эвка снова перестала замечать меня, только и глядит на него, едва себе шею не вывихнет. Теперь ее, пожалуй, ничем не пронять. Теперь нужен только подвиг. А подвига-то и не получается.

После того, как Детеньш бросил меня, я почти не копал Желтый курган. Один есть один: ни тебе поговорить, ни помечтать вместе, ни порадоваться. Думал я, думал, что делать, и снова пошел к Детеньшу, авось в голове у него малость просветлело и он уже жалеет об отказе.

Дома его не оказалось, но я сразу догадался, где он: конечно, в старых мастерских, грузит свои железяки.

Когда я пришел туда, там, на широком дворе, в самом деле стояли три грузовика, а ребята с криком и звяканьем таскали к ним из кучи металлический хлам.

Тут были почти все ребята. Я увидел и Буланку, и Альку Карасина, и Пашку Ключню. Этот, как всегда, только мельтешил, да, наверное, болтал. Ишь как размахался руками. Опять, должно быть, доказывает какую-нибудь свою ерунду.

Детеньш стоял у грузовика и пытался забросить в кузов большое исковерканное колесо от конных грабель, но никак не мог: роста не хватало.

Неожиданно из-за машины вывернулся Толян Рагозин, подошел к Детеньшу вразвалочку, небрежно двинул рукой, и колесо с борта слетело в кузов. Толян что-то сказал Детеньшу, захохотал, потом, хлопнув его по спине, все той же походочкой пошагал к другой машине.

Вот уж кого я не ожидал увидеть тут. С чего это он вдруг стал таким деловым и активным? Раньше, бывало, его никакими пряниками не заманишь работать, а тут со ржавым железом возится!

Однако я вскоре сообразил, почему Толян здесь — из-за Игоря. Как же, разве он мог оставить своего нового щедрого друга!

Игорь стоял с Эвкой возле распахнутой двери мастерской. Эвка о чем-то горячо говорила ему, а он слушал ее с чуть приметной непонятной улыбкой. В левой руке у Игоря был его знаменитый магнитофон, который в это время завел что-то громкое и визгливое, правую же руку он небрежно держал в кармане джинсов.

Крепко, значит, обработал Игорь Рагозина, покрепче, чем Эвка, если Толян так быстро отступился от нее. Еще совсем недавно он грозился, что повернет на сто восемьдесят градусов голову каждому, кто подойдет к Эвке ближе, чем на полтора шага. А нынче, ишь, даже не глядит в ее сторону. Быстро же кончилась рагозихинская «любовь».

А открылась она в начале весны и совершенно неожиданно. Мы тогда, помню, выбежали на перемене во двор на солнышко. Рагозин что-то, как всегда, громко рассказывал и, не обращая внимания на девчонок, ляпнул такое, что даже воробьи разлетелись в разные стороны.

Эвка была поблизости и, конечно, слышала. Она подошла к Толяну, тронула его за руку и попросила, словно о каком-то добром одолжении:

— Ну-ка, Толя, повтори еще раз, а то я плохо расслышала.

Рагозину, видимо, стало неловко, но чтобы скрыть это, он захорохорился, принялся хамить, обзывать. А Эвка стояла и молча глядела на него. Толян вдруг сник, умолк и заоглядывался по сторонам, будто собираясь улизнуть. Ребята с интересом ждали, что будет дальше. Рагозин совсем растерялся и, не зная, что делать, подшагнул к Эвке и завывал с каким-то противным надрывом:

— Ну, чего уставилась? Чего надо? А ну, мотай отсюда! Иди, иди, а то как...

А Эвка даже бровью не повела.

— Что, слабо? Не можешь? Стыдно?

Рагозин хмыкнул что-то невнятное и отвернулся.

После этого Толян, понятно, продолжал сквернословить точно так же, только с оглядкой. Однако про Эвку стал говорить с какой-то робостью и уважением.

— Въедливая штучка. Но — человек! «Человек» у Рагозина — высшая оценка. Через несколько дней он собрал за школой некоторых ребят, сказал, помахивая цепью от велосипеда:

— Кого увижу рядом с Эвкой — берегись! Голову поверну на сто восемьдесят градусов и так оставлю навсегда. Особенно это касается тебя, Брыська. Понял?

Я махнул рукой и пошел. А Рагозин закричал вдогонку:

— Гляди, Брыська, повторять не буду!

И вот «любовь» неожиданно кончилась. Должно быть, пестрое сомбреро одолело.

Однако я опять отвлекся. Ни к чему мне все это. Теперь у меня своих дел довольно.

...Забросив колесо в кузов, Детеньш, будто опаздывая, снова ринулся к куче металлолома, подхватил толстую, как полено, железную болванку и понес к грузовику, согнувшись пополам.

Я даже засмеялся: ну и видок! Как будто у него скрутило живот.

Я знал, что сейчас с Детеньшем бесполезно разговаривать: ничего не поймет. Только будет поглядывать на свои железяки да нетерпеливо переступать с ноги на ногу. Поэтому я решил малость

погодить: куча быстро таяла, машины скоро укатят. Тогда можно будет и потолковать спокойно.

В это время я снова увидел Рагозина. Он подошел к Игорю и Эвке, что-то сказал. Игорь равнодушно сплюнул, а Эвка показала взмахом руки на старую кладовую. Рагозин поспешно кивнул, что, мол, понял все. Эвка, оставив их, зашагала к воротам. Увидав меня, круто повернула, подошла, покрасневшая, чумахая, веселая. На ней было голубое, в белый горошек платье, на руках большие брезентовые рукавицы — верхонки. Из-под косынки, тоже голубой, на лоб падали два завитка, как два медных колечка.

— Здравствуйте, господин турист. Поглядеть пришли, как ребята работают?

Давно я не видел Эвку так близко. С последнего урока, перед каникулами. И немного растерялся.

А она глядела на меня насмешливо.

— Что, интересное у нас тут идет представление? Да? Билет-то хоть купил? Или, как всегда, зайцем?

Что въедливая, то въедливая, не отнимешь.

Я смотрел на Эвку и снова удивлялся: какая она все-таки красивая. Даже ее облупленный нос сегодня был не такой розовый и очень симпатичный.

— Ну, что молчишь? Язык проглотил, что ли? Зачем пришел?

И я, вместо того чтобы достойно и независимо ответить, что это не ее дело, а лично мое, замямлил, заикался, как дурачок:

— Да вот, это самое... Пришел. Разговор есть... Тут с одним... Решить надо. Вот, я это самое...

Чем больше я увязал, тем выше поднимались Эвкины брови. Наконец она засмеялась.

— Как все ясно и остроумно объяснил! Я-то сначала подумала, что ты, это самое, тоже работать пришел. А ты только, это самое! Тогда прощай, юный гробокопатель!..

И побежала к воротам.

А я стоял и обалдело глядел Эвке вслед. Гробокопатель! Эвка знает про Желтый курган! Кто выдал: Детеньш или Ключня?

Я больше не стал ждать, бросился к Детеньшу, отвел подальше, чтоб никто не помешал, спросил:

— Слышь, Юрка, это ты рассказал Эвке про раскопки?!

Детеньш ответил спокойно:

— Не ори. Клюня это. Толяну Рагозину.

У меня сердце оборвалось.

— Что?! Рагозину? Вот это удружил! Ну, трепач!

— Да ты не ругайся зря. Ребята и без Клюни скоро узнали бы про раскопки.

— Это почему же?

— Чудак, — засмеялся Детеньш. — Да ведь Желтый курган не в чулане у тебя лежит — в степи. У всех на виду. Меня мама и то как-то спросила, чего, мол, роетесь там...

«И верно, — подумал я, но от этого мне нисколько не полегчало. — Все, нет больше никакой тайны. Теперь каждый, кому не лень, может брать лопату, спокойно раскапывать Желтый курган и выгребать из него сокровища вместе с моей славой...»

И с Эвкой теперь все: заморочит ей мозги этот городской фитиль.

Я совсем не заметил, что Детеньш дергает меня за рукав. Когда сообразил, обернулся к нему.

Детеньш участливо заглянул мне в глаза:

— Брось переживать. Там, в кургане, может, и впрямь ничего нет. А мы, — он повел рукой в сторону грузовиков, — вон какие дела делаем! А завтра наш отряд в поле выходит. Ночевать там будем. Сами себе еду будем готовить. Красота! Аида с нами, Брыська?..

Я ничего не ответил, только махнул рукой и пошагал домой.

Глава восьмая Визит дружбы

Они заявили на Желтый курганчик после полудня. Я уже крепко умотался и присел малость перекусить. У меня имелось четыре яйца, хлеб, два бутерброда с колбасой и литровая канистра с водой.

Их было четверо: Толян Рагозин, Игорь, Алька Карасин и Ключня. Игорь и Толян в сомбреро. Игорь в своих натертых мелом джинсах, Толян в узких, словно дудки, брюках, заправленных в резиновые сапоги, голяши которых были закатаны чуть ли не до щиколоток.

Я едва удержался, чтобы не засмеяться. «Ну, совсем мексиканец! Только пистолета не хватает на животе...»

Удивительно, но Игорь был без своего визгливого магнитофона.

— Привет могильщикам! — весело заорал Толян. — Как делишки? Еще не добрался до костей своего предка хана Брысяка?

И оглушительно захохотал. Я глянул на Ключню, тот быстро и виновато отвел глаза. Ну Ключня! Мало того, что разбазарил всем про курганчик, да еще и этого идиотского хана Брысяка приплел.

Игорь кивнул мне.

— Не бойся, мы — с визитом дружбы.

— А я и не боюсь...

Игорь неторопливо обошел вокруг, оглядел мой еще совсем неглубокий раскоп, отпнул ком твердой слежавшейся земли, спросил:

— Так ты и вправду веришь, что тут схоронено добришко?

— Какое добришко? Игорь усмехнулся.

— Не прикидывайся недовинченным... Украшения всякие, из золота, понятно, серебра, драгоценных камней. Я даже присвистнул: «Ого, куда хватил!» Вслух сказал:

— Я об этом не думал. Что будет — то будет.

— Он ищет родные кости, — вклинился Рагозин, смачно жуя резинку, тоже, видимо, щедрый дар Игоря, потому что в нашем магазине жевательная резинка не продавалась.

— И кости, — ответил я сдержанно. — А главное — всякие древние предметы. Памятники культуры. Для музея. Для науки. Игорь засмеялся, показав все свои ровные блестящие зубы.

— Брао, брао! — воскликнул он, а потом добавил, сощурясь: — Какие уж здесь, в этой зачуханной степи, памятники культуры! Разве что наконечники от стрел, которыми и без того уже забиты все музеи. Или какие-нибудь бусы из зубов подохшей собаки.

Ребята засмеялись. Ключня обрадовался веселью, выпалил:

— Собаки, враки, мурдолаки!..

Рагозин оборвал смех, подозрительно глянул на него:

— Что еще за «мурдолаки»?

— Знаем что, — неопределенно ответил Ключня, однако предусмотрительно отошел от Толяна.

— Трепло, — хмыкнул Карасин. — Такого слова-то нету.

Ключня не растерялся.

— Ну и что? Зато складно.

Рагозин сплюнул.

— Дурак... Ты гляди: я не люблю твои эти всякие разные рифмы. Опять схлопочешь.

Игорь с усмешкой поглядывал на ребят, пока они перепирались, потом, когда примолкли, обернулся ко мне:

— Сибирь — это не Восток или Южная Америка, откуда начиналась цивилизация. Там любой бугорок раскапывай — богатство!

Алька Карасин спросил нерешительно, видимо, уже обжигался:

— А цивилизация — что?

И точно: вместо того чтобы спокойно ответить, Игорь сморщился, будто ему сделали больно.

— Ну, темнота дремучая... Цивилизация — это культура народа. Словом, все вместе — техника, наука, искусство. Понял?

Карасин поспешно закивал головой.

Игорь, выбрав место, присел на траву. Рядом с ним плюхнулся Толян, усиленно работая челюстями. Сели Карасин и Ключня. Пашка поодаль от меня, чувствуя себя, видимо, не очень уверенно. Игорь кивнул на мои съестные припасы.

— Угощай. Или жалко?

— Ешьте...

Ребята, будто они неделю голодали, враз все расхватили и мгновенно проглотили. И воду выпили, глоточка мне не оставили.

— Вкусные бутерброды, — похвалил Игорь, вытирая платком пальцы. — В другой раз побольше приноси.

— А мне чтоб котлеты были. Я их страсть как уважаю, — состроумничал Рагозин.

Клюня угоднически захихикал, думал, наверное, что его поддержат остальные, но Игорь остро глянул на него, и Клюня смущенно притих.

Вел он себя все время, как хозяин, этот Игорь. И совершенно не интересовался, нравится это кому или нет.

— Так что ты напрасно хребтину ломаешь, — он снова обернулся ко мне. — Не стоит овчинка выделки. Тут явный проброс, как говорят хоккеисты... Я где-то читал: в Закавказье однажды разрыли вот такой плюгавенький холмик, а это оказалась могила какого-то горского княжича. Так там все чашки-тарелки были из чистого золота.

Рагозин даже жевать перестал.

— Да ну?! Заливаешь?

Игорь не откликнулся, будто и не слышал.

— Такой бы бугорок раскопать! Или вот... Кто знает про загадку камней Ики?

Все неловко переглянулись — никто не знал. Я тоже понятия не имел не только об этих камнях, но и что такое Ики. Рагозин лишь дернул плечами и еще усерднее зажевал свою жвачку.

Ики, оказывается, — небольшой городок в Перу. Там и по сей час выкапывают какие-то и маленькие, и огромные, чуть ли не по сто килограммов, черные овальные камни. На их гладкой поверхности вырезаны доисторические животные, разные сценки из жизни людей, карты земли, звездный мир нашего неба.

— Вот это — памятники культуры, — заключил Игорь. — Вот это находочки для ученых! За один такой камешек можно спокойно отхватить сотни, а может, и тысячи песо. А ты: что будет — то будет! Силантий...

Это «Силантий» прозвучало так презрительно и обидно, будто слово «дурак». Сердце у меня бешено заколотилось, а пальцы невольно сжались в кулаки.

— Слышь, а ты полегче со словами-то... Игорь взглянул на меня чуть прищуренными насмешливыми глазами.

— А ты никак на грубость нарываисси?

Я сразу вспомнил эти слова — они из какой-то веселой песни Высоцкого. Игорь только слегка переиначил строчку.

Пока я соображал, что сказать, вклинился Алька Карасин — снова с вопросом. У него сегодня не иначе был день вопросов и ответов.

— А песо — что? Деньги такие?

— Понятно, не прошлогодние листья... Притом, говорят, очень неплохие.

Рагозин вдруг вынул изо рта жвачку, гордо объявил:

— Игорюха знает все деньги мира!

— Ну уж! — не поверил Алька.

— Все! — решительно подтвердил Толян. — Верно, Игорюха? Игорь небрежно повел плечом.

— Верно. А чего тут такого особого?

— Видали?! — радостно заорал Толян, будто он только что показал нам фокус. — То-то! Кто желает — спрашивай.

Старался, в основном, Клюня. Он любил и неплохо знал географию. Для начала Пашка назвал несколько больших стран, а потом пошел сыпать названия мелких или малоизвестных.

— Голландия! — весело выкрикивал он, входя в азарт.

— Гульдены.

— Албания!

— Леки.

— Бирма!

— Кьяты.

— Эфиопия!

— Быры.

— Ха! — вдруг захохотал Алька Карасин. — Ну и назвали — быры! Захочешь — не придумаешь. «Дай мне одну быру!» Смехота!

Клюня нетерпеливо махнул рукой:

— Погоди ты! Дания!

— Кроны.

— Ирак!

— Динары. При этом, заметьте на всякий пожарный случай, — иракские динары одни из самых дорогих денег: один динар стоит два

с половиной наших рубля. А самые дешевые деньги — итальянские лиры. На шесть рублей можно купить аж десять тысяч лир.

Клюня совсем развеселился:

— Лир, кассир, ювелир... К чертям дешевку. А ну-ка — Португалия!

— Эскудо. За сто — три рубля.

— Шри Ланка!

— Рупии. За сто — десять рублей. И — довольно, — произнес Игорь, поднимаясь. — Пора домой.

Клюня был в восторге:

— Ну ты и даешь! Столько запомнить! Да мне ни в жизнь. Ни за что!

— Ничего, — снисходительно похлопал Игорь Клюню. — Поживешь с мое — по стенке ходить научишься. — Обернулся ко мне: — С нами пойдешь? Нет? Ну-ну, давай ковыряйся, авось найдешь черный камешек, тогда нас не забудь...

И пошел. За ним двинулись остальные. Все-таки странный он парень, Игорь.

И остроумный, и знает много всякого, а вот есть в нем что-то неприятное. Ребята так и выются около него. А уж о девчонках и говорить не приходится. Они, наверное, все от него в восторге. Особенно Буланка. Только и слышно: ах, Игорь, ох, Игорь!

Даже Эвка не устояла. Вот и ходит теперь с ним все свободное время, вот и заглядывает ему в рот — что еще скажет интересного.

С приездом Игоря в селе появилось много всяческих словечек и выражений. «Брао-брао!», или же это самое «проброс», «пробуксовочка». От Клюни и Рагозина не раз уже слышал: «коронный фильм», «чешите пузо». Чепуха какая-то, а ребята прямо-таки ухватились за эти слова и сейчас щеголяют ими вовсю.

Вскоре, это было дня через два или три после «дружеского визита», я опять увидел Игоря. Он шел с Эвкой откуда-то со стороны фермы, наверное, были у Эвкиной матери на работе. Эвка что-то доказывала Игорю, решительно рубя воздух рукой, а тот молча поглядывал на нее и посмеивался. Эвка горячилась, сердилась, щеки ее разрумянились, волосы разлетелись колечками. Она торопливо кивнула мне, должно быть, едва сообразив, кто я такой.

А он, к моему изумлению, остановился и приподнял двумя пальцами шляпу:

— Наше вам с кисточкой!.. Ну, что, все горбатимся на курганчике?

— Копаю, чего же...

— И как? Еще нет ничего удивительного? Даже наконечника от кривой стрелы?

— Пока нет, — сдержанно отвечал я, а сам поглядывал на Эвку.

Она без всякого любопытства слушала разговор. На меня взглянула раза два или три, и то сердито, словно на какую-то помеху.

— Странно, — произнес Игорь.

— Что странно?

— Да вот: копаешь, копаешь, а все впустую.

Я промолчал — говорить не хотелось, да и стоять тут тоже. Игорь вдруг хлопнул меня по плечу.

— А ты — молодец! Настойчивый! Люблю таких.

— Без твоей любви как-нибудь обойдусь. Прибереги ее для других.

Эвка впервые посмотрела на меня с интересом. Игорь же и глазом не моргнул.

— Прямой и острый, как телеграфный столб!.. Эвка тронула его за руку.

— Игорек, мы опаздываем!..

Ишь ты — «Игорек!» И за руку хватает, как своего...

Уже на ходу Игорь крикнул мне:

— Желаю удачи! Купи сито, землю просеивать...

И тут послышался Эвкин смех — сдержанный, совсем тихий. Но он оглушил меня, будто гром.

Кажется, зря я взялся за раскопки. Теперь, наверное, ничто не свернет Эвку в мою сторону, даже если я в Желтом курганчике золотую кувалду найду. Да, не иначе зря. Только вот бросить уже нельзя — стыдно. Можно враз прославиться, только не важными находками и открытиями, о которых я так красиво думал и мечтал, а своей хвастливой болтовней. Ребята жить не дадут — засмеют. Ключня первый. Да и Игорь не промолчит. «Проброс, — скажет, — получился с раскопками. Небольшая пробуксовочка: кишка оказалась тонка...!» Или еще чего-нибудь в этом же духе. А Эвка? Она и здороваться

перестанет со мной, не то что... «Ну, — скажет, — Брыскин, никак не думала, что у нас объявится еще один Сема Артезианец...» И навсегда отвернется.

Сема Артезианец — это Семен Маркелов. Лет тридцать назад, еще молодым парнем, он решил пробить артезианский колодец. Доказывал всем, что наше село стоит над огромным подземным морем, и если он пробурит скважину, то той воды хватит всем, даже водопровод можно строить — такой страшный будет напор.

Ладно бы взял и бурил по-тихому свою скважину, а то всем уши прожужжал этим артезианским колодцем. А как до дела дошло — скис. Пробурил сколько-то метров — замолк и притих. С той поры и стал он Семой Артезианцем. Едва кто услышит какую-нибудь похвальбу или увидит, что человек берется за дело не по силам, сразу и скажет: «А, Сема Артезианец!..»

Я как представил себя на месте этого Семена — нехорошо стало. Нет уж, как бы там ни было, пусть даже я помру на Желтом курганчике, а раскопаю его до конца.

Глава девятая Первая ласточка

Ошеломительная новость — неподалеку от Ключей пройдет большой канал. Об этом вчера вечером рассказал архитектор нашего района. Лекция была в Доме культуры. Народу набилось — не продохнуть. Пришли даже самые старые старики, которых никакими сверхинтересными военными фильмами не выманишь со двора. Неподалеку от меня шептались Эвка с Игорем. Был тут и Колька Денисов. Он, как всегда, рисовал.

А там, на сцене, сидели председатель сельского Совета Иван Саввич Васякин и архитектор. На видном месте висел огромный лист бумаги, план нашего села. Не теперешнего, а будущего. Этот разукрашенный лист назывался длинно и торжественно: «Генеральный план застройки и реконструкции села Ключи».

Иван Саввич рассказал о тяжелом и небогатом прошлом нашего села, о нынешних делах, о будущем. Объяснил: Ключи потому до сих пор не строились, что как раз разрабатывался вот этот красивый генеральный план. И Иван Саввич ткнул пальцем в лист. А теперь, мол, когда план готов, дело у нас пойдет полным ходом.

Иван Саввич говорил, а Игорь так и подался вперед, словно бы боялся что-то важное прослушать.

— О! — произнес он восторженным полусшепотом. — Сложносочиненное предложение! Очень оригинально! А теперь сложноподчиненное! Однако вполне подкованный товарищ... Ну, а это никуда не годится: сплошные простые, одна серость и скука...

Эвка сначала конфузливо хихикала, потом стала робко и смущенно уговаривать:

— Игорек, ну что ты! Ты послушай. Ведь это интересно! Ведь о наших Ключах...

Но «Игорек» не унимался, ему, видать, очень понравилась эта новая забава. Уже с разных сторон заглядывались люди, кто-то произнес возмущенно:

— Тише, не мешайте слушать.

И вдруг взъярился Колька:

— Перестань ломаться или получишь по морде. Стыдно будет.

Игорь покраснел, кинул на Кольку бешеный взгляд, однако пересилил себя, хохотнул негромко, будто бы безобидной шуточке, и молча откинулся на спинку кресла. Вот так Колька!

— А в первую очередь, — закончил Иван Саввич, — мы достроим магазин, детсад и здание колхозной конторы.

Он имел в виду те унылые бело-серые коробки, что вот уже два года наводят на меня тоску.

Потом говорил архитектор. Это не архитектор, а соловей. Он такого понарассказывал нам — рты открылись. Дескать, через лет семь-десять мы совсем не узнаем села, таким оно будет прекрасным. Наши кривые и грязные улицы станут прямыми и широкими, с асфальтированными дорогами. А на них, на этих улицах, вырастут красивые дома: трехэтажная школа со спортзалом, Дворец культуры, амбулатория, бытовой комбинат.

Но главное, что поблизости от Ключей, почти совсем рядом, пройдет знаменитый Кулундинский канал! Этот канал погонит обскую воду в самую глубину нашей сухой степи.

О канале мы, понятно, слышали давно. Я сам читал о нем в газете и несколько раз видел по телевизору, как его строят. Знал даже длину канала — сто восемьдесят километров!

Но я никогда не думал и не мог предполагать, что он пройдет вблизи нашего села. А архитектор между тем рассказывал:

— Ключи, получив воду, станут настоящим оазисом. Взгляните сюда... — Архитектор взял указку и показал на своем многоцветном плане голубое овальное пятно: — Это место вы называете Лешкиной выемкой. Так вот, больше у вас не будет Лешкиной выемки. А раскинется тут большое озеро. Вокруг него зашумят сады и рощи, а в озере заплещутся зеркальные карпы, будут плавать гордые лебеди...

Ну, про сады да лебедей он, допустим, крепко загнул, а озеро — хорошо!

Дед Ишутин после лекции второй день ходит, словно пьяный. Каждого, кого ни встретит, останавливает и, уперев ему в грудь указательный палец, будто дуло нагана, визгливо спрашивает:

— Ну, что? Байки дед Ишутин рассказывал? Ась? Нет, ты мне отвечай: байки? — И потом радостно кричит, словно глухому: — Идет! Идет она, наша кормилица, большая вода! Воспрянет степь, зацветет, завалит хлебушком!

Вот когда я понял разговор, что слышал у Желтого кургана. Понял и беспокойство того длинного в обвислой шляпе, он знал, что Желтый курган лежит как раз на пути канала и будет срыт экскаваторами и бульдозерами.

От этой мысли у меня самого затревожило сердце: ведь и на самом деле срыют и все, что лежит там, переломают, смешают с землей. Никто ведь ничего не знает про могильник. Да если бы и знали, то толку что: не бросят же канал и не возьмутся за раскопки! Надо торопиться.

На другой день, утром, я снова был на Желтом курганчике, разделся, поплевал на ладони и пошел снимать слой за слоем! Я уже так втянулся в работу, что руки и спина совсем перестали болеть. А загорел! Стал черным, как хорошо начищенный сапог.

Все у меня будто наладилось. Одна беда — мамка. Как приду вечером домой, так и начинает меня пилить: почему не купил то-то и то-то, почему не сделал это, почему не сходил туда-то. А сегодня расплакалась.

— Костя, — говорит, — сынок, ты зачем курган раскапываешь?

Я от неожиданности дернулся: уже знает! Мама завсхлипывала еще пуще:

— У людей дети как дети, а тут... Ну зачем, зачем тебе эти проклятые ценности. Ты что — разутый и раздетый? Может, тебе велосипед нужен или там транзистор какой?.. Так ты скажи: мы сэкономим и купим. А то вон что надумал...

Я и расстроился, и обиделся — все вместе, закричал, перебивая маму:

— Да не себе я, не себе те ценности. На кой они мне?! Для науки это! Горшки там всякие, посуда, наконечники от стрел, ножи и все такое. Ученые возьмут их, изучат, а потом скажут, что за человек захоронен, кто такой, когда жил и все прочее. А ты: «Разутый, раздетый!..» Выдумает тоже...

Мама маленько успокоилась, глаза вытерла, однако не повеселела.

— А почему другие ребяташки не копают? Почему только ты один? А? Все вон на полях работают, колхозу помогают, а ты... Даже твой Пашка Ключня и тот в школьной бригаде. Нынче председатель колхоза хвалил ребят: настоящие, говорит, помощники.

Я молчал. Ну что скажешь? Никто не понимает меня. Словно сговорились все мне мешать. А не подумают, что я, может быть, важнее важного дело делаю. Травку выщипывать каждый дурак сумеет...

— Соседи вовсю потешаются, — тихо говорила мама. — Смеются: сынок пошел точно в своего папочку, тоже, мол, легкой жизни ищет. Стыдно, говорят, мать ухайдакивается и на работе, и дома, а он не знает, куда силу девать — то безобразит, то бугры в степи перепахивает, клады ищет...

Дался же им этот Желтый курган! И я тоже. Что ни случись — про меня никогда помянуть не забудут. Я у всех, словно бельмо в глазу. Надоело...

А отца у меня нет. Вернее, он есть, но не живет с нами. Ушел. Уехал в райцентр. Уже два года.

Помню, как он уходил. Остановился на пороге, сказал, глядя на маму: «Ты всю мою жизнь заела, весь мой талант коровьим навозом накрыла. Я тебе этого никогда не прощу». Потом посмотрел на меня, хотел что-то сказать, но не сказал, повернулся и хлопнул дверью.

Мы с мамой остались вдвоем.

Он был когда-то веселым, умел выдумывать всякие штуки. Мы играли с ним, боролись и хохотали. Он работал в Доме культуры: руководил духовым оркестром. И сам играл. На трубе. Красивая была труба и сверкала, как солнце. Иногда он давал мне ее поддержать и подуть. Смеялся: «Давай, давай, Коська, дуй сильнее. Я тебя сделаю великим духовиком, почище Эдди Рознера».

Я не знал, кто такой Эдди Рознер, но радовался и дул в трубу изо всех сил.

Потом, не помню когда, все переменялось: папка стал молчаливым, хмурым, злым. Он больше не чудил, не играл со мной и не давал мне свою трубу. В доме стало тихо, скучно, хоть не заходи.

Днями он спал в маленькой комнатке на диване, а к вечеру брал трубу и торопливо уходил. Возвращался поздно и пьяный: то маленько, то здорово. Когда здорово — падал на диван и храпел на весь дом. Когда маленько — начинал зудить меня за то, что я плохо учусь. Но больше приставал к маме, замахивался на нее, кричал, что она разбила его светлую мечту, что затащила сюда, в эту глухую,

безводную дыру, где он из первоклассного музыканта превратился в обыкновенного лабуха.

Потом пьяно плакал: «За что, а? За что такая жизнь? Ведь меня тащили в симфонический оркестр! Первой трубой был бы, солистом! А теперь?.. И это все ты!..»

Однако, как я потом понял, зря он кричал на маму. Ничего она не тащила его сюда и не губила никакой светлой мечты. Папка сам поехал в Ключи. Мама тогда только что закончила сельскохозяйственный институт и ее послали сюда агрономом. А папка работал в каком-то заводском клубе. Бросил его и помчался за мамой.

Вот как было дело. А то, что он ругал маму и обвинял ее, то это просто от обиды. Так мне сказала мама, когда я однажды спросил ее об этом.

— Не каждый, сынок, рождается сильным, — сказала она мне. — Вот и папка наш... Своей жизни не сумел построить и нашу поломал. А вину за все свои беды и неудачи хотел на других свалить. Слабые, они всегда так...

За эти два года я ни разу не видал папку. А слышать про него слышал. Много раз и все насмешливое, неприятное:

«Вчера Петьку Брыскина видел, бежал на похороны со своей дудкой. Веселый! Как же — заработок!»

«А Петька-то, ну этот, наш свистун, снова женился».

«Слышь, рассказывают, Брыскин-таки допорхался: кто-то башку ему бутылкой проломил».

Лучше бы уж ничего не знать и не слышать... Не заметил, как пришел вечер. Я включил свет. За окном сразу стало темно. Мама смотрела туда, будто могла там что-то увидеть. Глаза у нее были усталые и печальные, под ними лежали темные полукружья.

Я хотел было спросить ее, чего бы поесть, да остановился растерянно: у мамы на виске белели седые волосы. Целая прядка! Как же это? Когда? Живем вместе, видимся каждый день и ни разу не заметил их!

Мне стало очень жалко маму.

— Мам, ты не огорчайся... Пусть говорят, что хотят... А я помогу тебе. Все сделаю: и воды натаскаю, и грядки прополю и

полью, и все остальное... А Желтый курган надо раскопать. Ведь все там может пропасть...

Мама медленно обернулась, внимательно посмотрела на меня и неожиданно улыbnулась.

— Хорошо, сынок. Я поняла. Делай, как нужно. Ты ведь уже взрослый...

Утром я встал с солнцем, но мамы уже не было. Попил молока, выкопал две грядки, потом натаскал в бочки воды, чтоб вечером не бегать к колодцу, и отправился на Желтый курган.

В этот день я работал, как черт. Да, я докажу, что никакой легкой жизни не ищущу, сделаю все, чтобы мою фамилию больше никто не упоминал, как сейчас, с разными усмешками да издевкой. Я понимаю, она у меня не очень красивая. Даже, если честно, совсем неважная. Брыскин! Какая-то кошачья. Но не фамилия создает человека, а человек фамилию. Так, кажется, сказал кто-то умный. И очень правильно сказал.

Вот уже пожалуй, полторы недели я прихожу сюда каждый день, работаю, как сказал Ключня, без выходных. Никакие игры, никакие прежние забавы и заподлянки меня больше не интересуют. Да, собственно, и заниматься всем этим некогда и не с кем: ребят-то в селе почти целыми днями не бывает — все на полях.

Однажды я встретил Детеньша. И Детеньш, сверкая от восторга круглыми черными глазками, рассказал, что к ним, прямо на полосу, приезжал корреспондент районной газеты, порасспросил их обо всем: кто как работает, кто первый придумал про памятник, когда сколотили школьный отряд и что уже сделали. А потом он сфотографировал всех за работой и просто так. А Эвку кроме того, еще и отдельно. И Толяна Рагозина тоже. «Читайте, — сказал, — на неделе. Фотоочерк. Узнаете, какие вы есть молодцы и герои». Веселый такой. Шутил все: «Бойцы, мол, хлебных нив. Гвардейцы».

Вот ведь как: не успели еще поработать, а уже шуму на весь район. А сколько раз я работал на полях? И в прошлом году, и до этого. Не перечтешь. И на картошке, и на свекле. А кто-нибудь хоть раз сфотографировал или просто похвалил? Никто. А тут сразу в газету. Даже Рагозина. Нашли работничка, гвардейца, ничего не скажешь!

Я просто-таки расстроился, но, понятно, и вида не показал. Не хватало еще. Спросил только:

— Рагозина-то на кой?

Детеньш весело захохотал:

— А Толян сказал этому, ну, корреспонденту, что он комиссар отряда. — И снова захохотал.

Ах, как остроумно и весело! Ну просто не хочешь, а засмеешься!

Всегда так: кому не нужно — слава сама лезет в руки. Где уж тут говорить о справедливости...

— Ну, а ты? — спросил Детеньш. — Копаешь или бросил уже?

— Еще чего! Я — не вы с Ключней. Не побегу туда, где полегче да попроще аплодисменты заработать. До конца биться буду. Приходи, посмотришь: уже по пояс в землю влез. Кабы работали втроем — ого-го где были бы! А так... Эх вы!..

И я ушел.

Назавтра, не в пример прошлым дням, работалось плохо. Я все думал о вчерашнем рассказе Детеньша. На душе было паршиво, не от зависти — от обиды. Я уже было хотел бросить копать, да вдруг лопата звякнула обо что-то твердое. У меня замерло сердце — наша степь не мусорная свалка. Здесь и обыкновенного камешка не найдешь. Значит...

Я отшвырнул лопату и пальцами стал осторожно разгребать землю. И вот в моих руках лежал осколок какого-то глиняного горшка, а по-научному сосуда.

Он был такой грязный, такой небольшой, но для меня бесценный. Сердце прыгало в груди: ура! Вот она, первая находка, вот оно, начало моей славы!

Глава десятая Колькины журавли

В сельской библиотеке открылась выставка проектов памятника. Ну это, конечно, громко сказано — выставка! Просто на столе, застланном красным материалом, были разложены десятка два, а может и побольше, цветных или обыкновенных карандашных рисунков. И все. А те ребята, которые не смогли нарисовать, взяли и написали на листках, какой бы они хотели построить памятник.

Председатель колхоза Василий Кузьмин Батраков сказал, а слово у него крепкое: те, кто займут на конкурсе первые три места, поедут в туристский лагерь в Горный Алтай. Но я спокоен и не переживаю: мне не ехать туда ни при какой погоде, потому что я ничего не рисовал и не писал. Я просто-напросто забыл об этом конкурсе. Оно и не мудрено. Почти год прошел с тех пор. А многие ребята, оказывается, помнили.

Каких только тут не было рисунков! Вот солдат с автоматом на груди, на другом — матрос в порванной тельняшке с гранатой в руке. А вон сразу два солдата: один, видимо, тяжелораненый, оперся о плечо другого, а тот, раздвинув ноги, крепко стоит и держит пробитое пулями знамя.

Нашел я и Буланкину фамилию. Ее листок, написанный крупным размашистым почерком и без рисунка, красовался в самом центре стола, чтоб, наверное, все сразу заметили и оценили «гениальную» Буланкину мысль. В этом тетрадном листке она опять выложила про того своего «юного воина» с шашкой в руке, который рвется на беспощадную битву с врагом на своей черной коняге.

Были тут и всякие разные пирамиды, и колонны со звездами на вершинах. А кто-то нарисовал просто большую красную звезду, которая лежала на черном постаменте.

Но больше всего мне понравился рисунок Кольки Денисова: над земным полушарием, где наша страна, широко распластав крылья, летят несколько журавлей. А под рисунком слова из песни:

*Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,*

А превратились в белых журавлей...

Да и не только мне понравился Колькин рисунок, как я заметил, многим. А здесь нынче собрались почти все пацаны и девчонки. Мы ждали скульптора, который специально приехал из Барнаула. Увидел я и Эвку. Она неторопливо ходила с Буланкой, подолгу рассматривала каждый рисунок и о чем-то тихо переговаривалась с ней.

Эвка загорела еще сильнее, ее рыжие волосы стали просто огненные. Зато нос оставался по-прежнему облупленным и весело розовым.

Заметив меня, она дружелюбно улыбнулась и произнесла:

— Добрый день.

Мне стало совсем хорошо, а выставка — еще интересней. Даже Игорь с жующим Рагозиным не портили настроения. А досаждал Толян всем порядком: вышагивал вразвалку вокруг стола, отпихивал плечом каждого, кто попадался на пути, небрежно брал листки и, едва взглянув, снова бросал их на стол. Хмыкал презрительно: «Ну, деятели культуры и искусства».

Но вот в библиотеку вошли Иван Саввич, учитель рисования и черчения Аркадий Львович, по прозвищу Ракурс, и высокий незнакомый мужчина, молодой, бородатый. Я понял — скульптор.

Аркадий Львович был возбужден, его толстые щеки, на которых, как два обруча, стояли огромные очки, розовели. Он бежал впереди скульптора, что-то объяснял ему, размахивая короткими ручками. Скульптор хмуρο слушал и молчал.

Когда они остановились у стола, Аркадий Львович зачем-то торопливо сгреб все листы, а потом по одному стал совать их скульптору, будто тот сам не смог бы взять.

— Вот взгляните на это, — говорил Аркадий Львович. — Очень тонко подмечено. Удивительно, не правда ли? А ракурс! Просто оригинальный ракурс. И этот рисунок, можно уверенно сказать, заслуживает внимания. Как просто и самобытно! Мои лучшие ученики!

А про Колькин рисунок сказал, как-то кисло улыбаясь:

— Ну, это типичное не то, дорогой коллега, совсем не то. Это, как говорится, из серии «В мире животных»...

Однако скульптор взял лист, долго глядел на него, то отдаляя от глаз, то приближая. Потом глуховато произнес свое первое слово:

— Да...

Обернулся к Ивану Саввичу:

— Будьте добры, пусть все эти работы к вечеру отнесут к вам в кабинет. Я еще раз просмотрю их.

И пошел к выходу. За ним двинулись остальные. Ребята растерянно запереглядывались: неужели ни один рисунок не понравился? А Аркадий Львович, который семенил последним, мельком глянул на нас, дернул плечами, будто сказал: «Рад бы помочь, да не могу».

Мы тоже потянулись на улицу. Одни — чтобы посмотреть, где скульптор выберет место для памятника, другие домой, а я — на Желтый курган. Вдруг снова повезет и я найду еще что-нибудь, да поценнее черепка. Сбежав с крыльца, я остановился. А не сказать ли о находке Детеньшу? Может, сейчас, когда дело повернуло на удачу, он возьмется мне помогать. Огляделся: нет Детеньша. Ведь только что был тут. Вместо него увидел Эвку. Она шла ко мне. Я замер. Эвка неожиданно засмеялась:

— Ну и вид у тебя! Как у мокрого суслика.

«Ну, начинается. Что будет дальше?» Однако Эвка на этот раз была настроена миролюбиво и серьезно.

— Вот что, Брыскин, у меня к тебе есть дело. Очень важное.

Сказала и примолкла, будто примериваясь: стоит ли говорить о своем важном деле. Потом быстро спросила:

— Ты все еще ковыряешь свой бугор?

— Ковыряю.

Она посмотрела на меня сострадательно, как на больного, и произнесла раздумчиво:

— Пожалуй, не стоит иметь с тобой дело, а? Не тот ты человек. Несерьезный.

Я испугался: неужели уйдет и я не узнаю про ее «важное дело»? А главное, такой случай упущу — не поговорю с ней. И я, хотя совсем не знал, что скажу, торопливо произнес:

— Эвка, ты погоди! Погоди малость...

— Ну, гожу. Что дальше?

Я совершенно неожиданно для себя, отчаянно выпалил:

— Я вчера кусок сосуда выкопал! Глиняного!

— Ну и что? — Эвкины губы стали медленно складываться в едкую улыбку, а в глазах запрыгали насмешливые искорки.

— Как — что?! Да ведь черепок-то старинный! Ему, может, тысячу, а может, и того больше лет! Ученые это враз определяют.

И я, не дожидаясь, что ответит Эвка, еще неожиданней, уже, по моему, совсем зря, ляпнул:

— Если найду много ценностей древних, ну черепков этих, то... Тогда можно свой музей создать. — И боюсь, что Эвка сейчас рассмеется, добавил почти безнадежно: — Очень даже можно, по моему...

У Эвки сразу пропала улыбка.

— Ой, Брыська, что ты придумал! Да это знаешь что? Знаешь?!

Она никак не могла подыскать нужного слова и только смешно шевелила губами. Потом, так и не найдя его, засмеялась и произнесла:

— В общем, Костя, ты просто молодец.

Я был ошеломлен! Во-первых, «Костя». Так Эвка меня еще ни разу не называла. Во-вторых, «молодец». Неужели я в самом деле придумал что-то стоящее? Пока размышлял да радовался, к нам подошли Игорь с Рагозиным, за ними, как привязанные, появились Клюня и Алька Карасин.

— Это кто тут молодец, сказал я усмехаясь, — весело выкрикнул Толян. — Покажите мне его побыстрей.

Это «сказал я усмехаясь» появилось у Толя на совсем недавно. Должно быть, перехватил у кого-нибудь или услышал в кино. Теперь он эту фразу сует в разговоре к месту и не к месту.

— Так это ты молодец? — удивленно вылупил глаза Толян, будто только сейчас увидел меня. Клюня подхихикнул:

— Молодец, спец, мертвец...

— Хорошо болтанул, Паха, сказал я усмехаясь, только, — Рагозин поднял указательный палец, — он пока еще не мертвец, а элементарный живой кустарь-гробокопатель. Мертвец — это потом. Интересно: еще не добыл дорогие кости? Ну, чего молчишь? Ты скажи хоть, что с ними будешь делать? Вон Паха говорит, мол, холодец хочешь сварить. Верно?

Ребята смеялись, Пашка закатывался больше всех, делал вид, что ему просто не вмоготу от рагозинской шутки.

Эвка брезгливо передернула плечами:

— Да бросьте вы, ребята! Тут дело серьезное... А вы все одно: зубоскалите да гогочете.

У меня сердце замерло: эх, не надо бы говорить! Зачем раньше времени шуметь? Вдруг что-нибудь не так получится или какая ошибка выйдет. Но Эвка уже выпалила:

— Костя в Желтом кургане старинный черепок выкопал! Если повезет, то и нам кое-что достанется, тогда можно будет свой музей открыть.

Однако ребята встретили новость довольно прохладно и в восторг не пришли. Один Игорь разулыбался мне.

— Брао-брао! Неужели — черепок?! Настоящий? Какой он? Мне не хотелось отвечать, но я выдавил:

— Небольшой... Будто закопченный... Наверное, от какого-то глиняного сосуда...

— Неужели от сосуда?! — ошарашенно воскликнул Игорь. — Это же находка века! Это вам не какой-нибудь наконечник от кривой стрелы! По черепку, да еще от сосуда, можно писать исторический роман... Верно, ребята?

— Еще как! — выкрикнул Рагозин. — Длинный, на два килограмма.

— Килограмма, гамма, драма! — пробарабанил Ключня и тоже захохотал.

Игорь снова обернулся ко мне.

— Ты его береги. Лучше всего запиши в сейф. В сельсовете. У Ивана Саввича.

У Эвки вдруг вспыхнули щеки.

— Игорек, зачем ты так? Нехорошо ведь, нечестно. Разве Костя сделал вам что-то плохое?

Игорь понял, что малость переборщил или, как он сам выражается в таких случаях, сделал проброс.

— О чем ты? — торопливо и примирительно проговорил он. — Это просто дружеский скулеж. Ерунда... Я рад. Свой музей — это здорово.

Но Эвка, как мне показалось, не поверила Игорю. Она хотела что-то сказать, но промолчала, обернулась ко мне.

— Так, значит, завтра приходи в сельсовет. К двенадцати. Там обо всем договоримся. Нас Иван Саввич звал. Всех.

Я только и смог, что головой мотнуть: хорошо! А Эвка, немного расстроенная, не попрощавшись ни с кем, направилась к девчонкам. Они стояли неподалеку и о чем-то оживленно разговаривали, столпившись вокруг Буланки. До меня доносилось лишь одно ее восторженное блеяние: «Ой, как романти-и-ично!»

В этот день мне так и не удалось поработать на Желтом кургане. Забежал к себе, чтоб чего-нибудь перекусить, а дома мама в постели — температура высокая. Я мигом слетал в амбулаторию за нашей фельдшерницей — молоденькой и красивой Ниной Павловной, потом приготовил маме поесть, потом... Да разве перечтешь все домашние дела? Их всегда набирается полно, только успевай поворачиваться.

Лег спать поздно, однако долго не мог заснуть, все думал: о чем это Эвка хочет завтра со мной поговорить?

Глава одиннадцатая Это был он...

Но назавтра мне не удалось повидать Эвку. Маме стало совсем плохо, и мы с Ниной Павловной на председательской «Волге» повезли ее в райцентр, в больницу.

Мама всю дорогу очень беспокоилась: как я буду жить один, кто присмотрит за мной, наконец, что станет с огородом — вон на дворе какая сушь, грядки надо поливать ежедневно.

Я гладил горячую, вдруг обессилевшую мамину руку и как мог успокаивал. Присматривать за мной?.. Да, что я, маленький? И в доме приберу и есть приготовлю...

— Только, пожалуйста, не надо переживать. Лучше выздоравливай побыстрее. А я тебе письма писать буду, обо всем рассказывать...

Маму положили в больницу сразу. Шофер наш, Венька Козлов, вытер подкладкой кепки лицо и поехал заправляться. А Нина Павловна потащила меня по магазинам.

На душе было так тяжело, так беспокойно, что хоть реви. Да я заревел бы, если б рядом никого не было.

Беготня по райцентру мне быстро надоела и магазины тоже. Я стал поджидать Нину Павловну на улице: пусть сама мнетя в толкотне, если ей это нравится.

Прошло, наверное, уже целых полчаса, а Нина Павловна все не появлялась. Я понял — она не выйдет из этого универмага, покуда не перемеряет все, что там есть.

Ноги у меня одеревенели и я заглядывался: где бы присесть. Неподалеку заметил скамейку и направился к ней. Навстречу мне шел мужчина, который показался очень знакомым. Не то тем, как размахивал руками, не то тем, как держал голову, немного закинув ее назад.

«Кто такой, — подумал я, — ведь я его знаю». И вдруг сердце дрогнуло: «Неужели — он?!»

Да, это был он, мой папка. Худой, небритый, в длинном измятом пиджаке. На правом рукаве белело густое известковое пятно, на штанинах засохли брызги грязи.

Я растерялся. Шагнул ему навстречу, хотел крикнуть: «Здравствуй, папка. А вот он я!»

Но папка глянул на меня впалыми, пустыми глазами и прошел мимо. Не узнал! Не узнал меня. Да как же это?

Я больше не раздумывал, бросился за ним, чтобы остановить его, но тут из-за угла вывернулся какой-то мужик в расплющенной шляпе и телогрейке, хотя на дворе была жарница адская, схватил папку за плечи, тряхнул, словно мешок с соломой, и закричал чуть ли не на всю улицу:

— А, попался, который кусался! Дак ты чо, решил сбежать от меня, а? Уже три недели, считай, ищу тебя. Ну, барбос эдакий! Когда деньги-то вернешь?

Отец, жалко улыбаясь, не то говорил ему что-то тихо, не то просто беспомощно шевелил губами.

— Ну, что лопочешь, как дистрофик? — кричал мужик. — Твердо говори! Не юли.

Мимо проходили люди, и никто на этих двоих не обращал внимания, будто их и не было вовсе.

Я стоял и не знал, что мне делать. Хоть бы этот крикун в телогрейке уматывал быстрее. Но он, по всему было видно, не думал уходить. Зато в это время из универмага выскочила раскрасневшаяся Нина Павловна, ухватила меня за руку.

— Ой, Костенька, скорей бежим, милый. Козлов нас, наверно, заждался и вовсю ругает. Я совсем забыла!..

Я шагал за фельдшерницей, а сам все оглядывался. Последнее, что я увидел, — это как мужик обнял папку своей лапицей и потолкал куда-то в проулок.

В Ключи мы приехали далеко за полдень. Зашел я домой, а там тихо, неприбрано, пахнет лекарством. Чужой, неприятный запах. И пусто.

В этот день я в первый раз понял, что такое пустота в набитом всякими вещами доме.

Не было мамы, и все вокруг стало другим.

Я бросился на диван и заплакал. Плакал долго, до одури. Не заметил, как и заснул.

Разбудил меня негромкий, но настойчивый стук в дверь.

Спросонья я никак не мог понять: кому нужно? Ведь ночь? Я вскочил и зажмурился: за окнами всюду сияло солнце. Вот так поспал! Крикнул:

— Там открыто!

Дверь отворилась, и на пороге появилась... Эвка!

Глава двенадцатая Эвка

На ней было нарядное зеленое платье, по которому, словно весной по яркому лугу, разбежались веселые цветы. Она сделала два-три шага мне навстречу, произнесла негромко:

— Здравствуй, Костя.

— Здравствуй, — ответил я сиплым не то со сна, не то от волнения голосом.

И замолк. Просто наглухо, совсем не зная, что еще сказать, что сделать. Кого-кого, а ее, Эвку, увидеть здесь, у себя дома, я никак не ожидал. Даже думать об этом не смел. И стоял теперь перед ней, как пень.

Наконец я выдавил:

— Чего пришла?

Сказал и тут же понял: дурак.

— А что, нельзя? Я заволновался:

— Почему же, это самое?.. Оно всем, говорю, можно...

— Я все поняла. Спасибо за приглашение. — И пошла в большую комнату.

В ней, как и в маленькой, где я только что спал, было все поразбросано, постель не заправлена. На кухне — гора немойтой посуды, пол неметеный. Я готов был сквозь землю провалиться от стыда, еще подумает Эвка, что у нас всегда в доме творится такое. Но она, будто ничего не заметив, спросила:

— Маму надолго положили в больницу?

И сразу пропала вся моя неловкость.

— Не знаю, Эвка. Может, надолго. Говорили, операцию придется делать...

Эвка заглянула мне в глаза.

— И ты сразу нос повесил? Да ты знаешь, какой у нас хирург? Такого не в каждом городе найдешь: любую операцию сделает!

Ну, понятно: это же Эвка! Если у нас польнок и жаворонки какие-то особенные и самые лучшие, то уж хирург — подавно.

Вдруг Эвка примолкла и подозрительно уставилась на меня.

— Ты чего улыбаешься?

Я испугался.

— Откуда ты взяла? Не улыбаюсь я. Наоборот...

Эвка сразу успокоилась.

— Так что ты не волнуйся. Все будет хорошо. Вот увидишь.

От ее уверенного тона, от спокойных слов мне полегчало и стало не так тоскливо.

Кому нужно знать, что вчера я пережил еще одно горе — встречу с отцом? Боже мой, какой жалкий, какой затюканный, какой помятый! И это — мой папка!

— Главное — не падай духом, — донесся Эвкин голос. — А мы тебе поможем.

Я встряхнулся.

— Поможете? Что поможет?

— Как — что?! В доме прибрать, полы помыть, в огороде... Позову девочек — вмиг все сделаем.

Я даже рассердился:

— Что у меня, рук нет?

Эвка ответила весело и просто:

— Ну и правильно! Терпеть не могу маменькиных сынков. Размазней всяких. — И тут же, почти без паузы, заявила: — Мы тебя вчера включили в поисковую группу.

Я опешил:

— В какую такую поисковую? Чего искать? Прошлогодний снег?

— Не остри. Это тебе не подходит... — Но тут же хлопнула себя ладошкой по лбу: — Ой, я совсем забыла: ведь тебя вчера не было в сельсовете! Ты знаешь, чей проект памятника принят? Коли Денисова! Скульптор расхвалил его «Журавлей» — ужас! Сказал: «Очень своеобразное и даже талантливое решение темы». Я так рада! Мы с Игорем сбегали чуть ли не до самого Сорочьего ложка и набрали для Коли букетик цветов...

Вот уж про этого чертова фитиля промолчала бы. Нужен он мне вместе с цветочками!

Эвка примолкла.

— Что случилось?

— Ничего не случилось! — грубовато ответил я.

Эвка продолжала рассказывать, все время настороженно поглядывая на меня. Про Игоря она больше не упоминала, и я постепенно повеселел.

— А еще Олег Сергеевич сказал...

— Какой еще Олег Сергеевич?

— Ну, скульптор... Он сказал, что постарается воплотить Колин замысел в бетоне, граните и розовом мраморе, чтобы поднялись его журавли ввысь перед школой, как вечная память о подвиге выпускников Ключевской школы. А на плитах постамента будут выбиты имена погибших. Здорово ведь, а?

— Здорово, — ответил я, и мне почему-то вспомнился сразу наш Аркадий Львович и его слова о Колькиных журавлях.

— Вот тебе и ракурс! Вот тебе и рисунок из серии «В мире животных»!

Эвка поняла, о чем я, отозвалась со смехом:

— Он и вчера шумел: «Это не серьезно. Это просто смешно, если не сказать более строго. Мы не позволим бросать наши трудовые школьные деньги на ветер!» Едва уговорили его Семен Митрофанович и Батраков.

— Но главное-то, главное!.. — говорила Эвка, так и светясь радостью. — Я нынче почти не спала, о нашем музее думала. Решила: утром обязательно поговорю с Семеном Митрофановичем. А он — надо же такое совпадение! — сам заговорил о нем в сельсовете. Понимаешь?!

Я кивнул, улыбнулся: радуется, будто ей самой выпало какое-то огромное счастье.

— Семен Митрофанович убедил всех: и Ивана Саввича, и Батракова. Он сказал, что памятник поставить — это лишь часть дела. А нам, мол, нужно, чтобы люди не только помнили, но и знали своих героев. А в этом поможет музей. Батраков согласился и отдал под музей весь верхний этаж колхозной конторы.

Сказал: «А когда достроим новую, отдадим вам и нижнюю часть. Владейте и не теряйте времени, собирайте все, что еще сохранилось в семьях, как дорогая память о павших за Родину».

Эвка перевела дыхание, добавила уже более спокойно:

— Вот мы и создали поисковый отряд. Пять групп. Чтобы можно было побывать в каждом доме и собрать все, что можно: документы, письма, вещи...

— Ну, а я тут при чем?

Эвка удивленно подняла брови.

— Здравствуйте? Ты-то в первую очередь при чем. Кто первым про музей упомянул? А теперь, видите ли, «при чем тут я»! Я тебя самым первым в список предложила. Вот.

— Спасибо!.. — произнес я, как мне показалось, с острым сарказмом. — Очень удружила... Можно было бы, между прочим, сначала меня спросить...

Я говорил, а сам знал, что исполню все, о чем попросит Эвка. И все-таки я сделал на всякий случай попытку:

— Может, без меня как-нибудь?..

Эвка никакого внимания не обратила ни на мой саркастический тон, ни на последние слова.

— Значит, договорились. Мы тебя командиром группы назначили. Вот.

Эвка любила слово «вот» и произносила его с самыми разными оттенками. Сейчас оно прозвучало, как точка, после которой не было смысла продолжать разговор, тем более спорить и что-то доказывать.

— Гляди-ка ты! — произнес я насмешливо, хотя мне очень понравились Эвкины слова. — И кто же в моей группе?

— Паша Ключня и Лиля Кашина.

— Что?!

Я нервно засмеялся: ну, подобрала группку! Один предатель, другая... Но тут я вспомнил, как Лилька сразу и благородно простила меня за ту идиотскую шутку, после которой я потерял Эвкину дружбу.

— Вот что, — сказал я решительно, — Ключня пусть убирается ко всем чертям, а Буланка ладно, остается. Эвка дернула плечом, поморщилась.

— Фу — Буланка! Неужели нельзя по-человечески?

— Ладно, пусть — Лилька. Только, чур, обходить будем свой конец.

Наше село состоит из трех частей, или, как у нас говорят, концов. У каждого конца свое название: Дальний, Головной и Марийкин.

Дальний, это который застраивался последним и тянется далеко в степь по обе стороны дороги на райцентр. Он какой-то бесформенный и некрасивый. Головной — наш центр. Отсюда начиналось село.

Он больше остальных и многолюдней. Марийкин же конец самый веселый и шумный. Здесь много ребят. Здесь живу я, Ключня, Детеньш и даже Буланка.

Почему наш конец называется Марийкиным? Потому, что когда-то, еще в дни гражданской войны, тут погибла от колчаковцев наша партизанка, молодая девушка Марийка. Ее расстреляли прямо в начале нашей улицы. Здесь и похоронили.

На ее могиле до сих пор стоит памятник. Раньше был деревянный, теперь высокая пирамида из нержавеющей стали, с алой звездой наверху.

Мы все очень гордимся, что живем на конце, названном Марийкиным. А еще тем, что тут стоит дом единственного в селе кавалера всех трех орденов Славы — Кузьмы Игнатьевича Батракова, бывшего танкиста, отца нашего председателя колхоза.

И вообще на Марийкином конце немало фронтовиков, у которых наград на всю грудь. Однако много и таких дворов, куда никто не вернулся. В иных семьях погибли двое-трое. А вот у Гвоздевых погибли сразу четверо: отец и три сына. Просто страшно представить. Сейчас о них мало кто помнит — одни старшие, и то не все. А зря. Говорят, что Гвоздевы угробили шесть фашистских танков. Они были бронебойщиками.

Да, это здорово придумал Микрофоныч — создать музей.

И вдруг я вспомнил:

— Ты хотела поговорить со мной, помнишь? О чем? Эвка засмеялась.

— Разве я тебе еще мало наговорила? По-моему, больше, чем нужно. А то дело сорвалось... Успокойся. Жаль, конечно...

И в ее голосе послышалась грусть.

Уже после я узнал от Альки Карасина: наша литераторша Инга Петровна надумала поставить спектакль «Горе от ума». Эвка, как всегда, первой ухватила за эту мысль, вызвалась помочь сагитировать девчонок и пацанов для игры. В первую очередь она рассчитывала на Игоря, который, понятно же, должен был сыграть Чацкого, ну а она, ясное дело, Софью. Однако Игорь наотрез отказался участвовать в спектакле. Эвка расстроилась и отступилась. Карасин сказал: даже заплакала.

Вот так. Всюду этот чертов фитиль.

Глава тринадцатая Кувшин или амфора

Когда Эвка ушла, я малость прибрал в доме, вымыл посуду, побыстрому приготовил поесть — глазунью, выпил чаю и побежал к Желтому кургану: как он там?

Там все было по-прежнему: чернел раскоп, почти мне по пояс; по обе стороны его высились кучи выброшенной земли. Лопата была на месте — в траве. Обошел я вокруг ямы, вздохнул и спрыгнул на дно.

В степи было тихо и жарко, словно в сухой бане. На небе никакого облачка, на земле ни малого ветерка. Пока я выбросил половину слоя земли — умылся потом. Отдохнул немного и снова принялся выбрасывать землю. Как и в первый раз, совершенно неожиданно из-под лопаты вывалился черепок. Я осторожно копнул еще и снова удача — целых три черепочка. Потом еще, еще...

Черепков оказалось много и всяких: мелких и средних. А днище сосуда так совсем было целехоньким. Я хорошо понимал: эти осколки — родные братья того первого, что хранится у меня в сарайке. Я перебирал черепки, и сердце мое трепетало. Что это: кувшин, амфора или какой-нибудь еще неизвестный сосуд? Может, в моих руках уже сейчас находится великое открытие?

Я снял рубаху, аккуратно сложил на нее черепки и отнес в сторону на траву, чтоб ненароком не повредить.

Работать больше не было никакого желания, хотелось бежать домой и попробовать собрать, слепить все эти кусочки в одно целое, посмотреть, что получится.

Но я пересилил себя и спрыгнул в яму: вдруг еще осколочек затерялся в земле? Однако, сняв еще один слой, я больше ничего не нашел и заторопился домой.

Первое, что я сделал дома, — это накопал за огородами глины, замесил из нее густое тесто. Потом на летнем кухонном столике, что вкопан у нас во дворе под небольшим навесом, я разложил черепки и принялся подгонять их друг к другу, словно кубики. Если осколки совпадали, я склеивал их глиной, если нет, то снова выискивал подходящий обломок. В конце концов чуть не обалдел — до того муторным оказалось дело.

С трудом распрямил спину, чтобы немного прийти в себя и передохнуть, как вдруг услышал негромкий сдавленный смех. Я вздрогнул и огляделся: кто? Во дворе никого не было, заглянул в сарай — тоже. Постоял, прислушиваясь, — тихо. Только где-то далеко лаяла собака да тарахтел мотоцикл. Значит, померещилось. Ерунда какая-то.

Но едва я присел за стол, снова раздался тот же смех. Даже показалось, что за оградой мелькнуло чье-то лицо. Я вскочил и бросился через двор к калитке, на улицу. Глянул туда-сюда — пусто. Добеги я всего лишь до узенького проулочка, что пересекает нашу улицу, и разгадал бы всю эту чертовщину. Я бы увидел там, за выступом покосившегося забора, две притаившиеся фигуры. Но я не побежал, а вернулся во двор.

Я думал, что мне и месяца не хватит собрать и склеить все эти черепки. Однако напрасно боялся: на третий день передо мной уже стоял готовый сосуд, очень похожий на кринку, в которых держат молоко. Таких кринок сейчас почти нет. Я их видел только у бабки Никульшихи, на подоконнике, когда ходили ее пугать.

Но я все равно был в восторге: пусть мой сосуд не какой-нибудь замысловатый кувшин или там изящная амфора, а просто не очень красивая кринка, зато древняя и, наверное, дорогая. Не зря же ее положили в могильник. Может, она — самая первая кринка в мире!

Я отнес ее в сарайчик, бережно поставил на верхнюю полку — пусть подсыхает на свежем воздухе.

Настроение у меня было — лучше не надо. Из больницы сообщили, что операцию маме еще не делали и, быть может, совсем не станут — обойдутся лекарствами. Это мне сказал председатель колхоза Батраков. Он специально звонил в райцентр.

— Главное, — добавил он, — ты, Костя, не кисни. Колхоз не даст в обиду ни тебя, ни мать. Понял? Твое дело — соблюдать дом.

А в доме у меня уже полный порядок: все прибрал, полы вымыл, на кухне — ни одной грязной посуды. Я терпеть не могу мыть всякие там чашки-тарелки, а особенно жирные кастрюли. Поэтому не очень-то стараюсь кашеварить: сготовлю глазунью или просто сварю несколько яиц, попью молока, чаю ли и — привет. И сыт, и посуды грязной нету.

Только вот огород меня уматывает. Погода сухая, жарища, знай каждый вечер поливай грядки. А таскать воду из колодца — не ложкой

махать. Всю ночь потом то ведра снятся, то колодезный журавль.

Теперь все дни у меня уходят на раскопки, а вечера на поливку огорода — не передохнуть. Даже никого из ребят давно не видел, кроме Детеньша. Тот раза три заходил ко мне, рассказывал всякие новости, помогал поливать огород.

Однажды прибежал взбудораженный, красный, с капельками пота на лбу, размахивает какой-то бумажной трубкой. Увидел меня, заорал еще от калитки:

— Брыська, погляди-ка, что я принес!

Он подлетел ко мне, торопливо развернул трубку. Это оказалась районная газета.

— Вот он — фотоочерк! — крикнул он мне, как глухому. — «Боевая дружина» называется. Гляди, вот напечатано. Это мы — боевая дружина. Понял? Эх, здорово написано! Как в книгах!

— Не ори, — сказал я. — И не суй мне своей газеткой в лицо. Я тоже грамотный, сам разберусь.

Фотоочерк занимал половину второй страницы. Бросались в глаза его жирный заголовок и три больших фотографии.

На верхнем снимке рядом с заголовком улыбалась, сморщившись от солнца, Эвка в своей голубой косынке. Здесь косынка, понятно, была не голубой, а серой. Под фотографией стояла надпись: «Командир отряда Эвелина Юхтанова». Ого, никогда не думал, что Эвка — Эвелина! Красиво, ничего не скажешь.

На другом снимке раскинулось широкое поле, по которому растянулись длинной цепочкой ребята с тяпками. «В битве за высокий урожай» — было написано под ним. На последней фотографии ребята уже не работали, а сбившись в кучу, сидели и лежали с открытыми ртами, будто кричали «ура». Подпись сообщала: «Хорошая песня — верный спутник ребят». Значит, они не орали, а просто пели.

— Ну и где же ты? — спросил я Детеньша.

Тот радостно произнес:

— Тут меня нет, я как раз бегал за водой для корреспондента — пить захотел. А вон там, где работаем, — есть. — И Детеньш ткнул пальцем в согнутую черную палочку: — Вот он я!

Я засмеялся.

— Это пенек какой-то с ручкой.

Детеньш обиделся:

— Вечно ты подковыриваешь... Не с ручкой, а тяпкой.

— Ах, извини! Пенек с тяпкой...

— А ну тебя! Давай сюда газету. — Он выхватил ее у меня и, засопев, хотел уйти.

Я остановил его:

— Да не дергайся ты, словно маленький. Пошутить нельзя...

— В гробу я видел все эти твои шуточки.

Но, однако, остался, присел на крылечко и принялся снова скатывать газету в трубку, бережно и аккуратно.

Фотоочерк мне не понравился. Ни о ком ничего интересного. И выражения какие-то непонятные: «...создав атмосферу единодушия», «...сконцентрировав усилия», «...горя неугасимым энтузиазмом». Прочитав такое, я никому из ребят не позавидовал. Да собственно, чего было завидовать, если я стою на пороге великих открытий и моя слава будет, пожалуй, погромче, чем у этого огородного ШПО, который горит неугасимым энтузиазмом.

Единственное, что пришлось мне в этом фотоочерке по душе, это то, что нигде не было Рагозина, ни на снимках, ни даже в тексте.

— Куда же делся ваш знаменитый «комиссар» отряда?

— Толян, что ли? А кто его знает. Может, места не хватило. Да, Брыська, Алька Карасин говорил, что ты будто бы нашел в Желтом курганчике много каких-то черепков. Верно ли?

— Верно. Вон они, в сарайчике. Иди посмотри. Детеньш пробежал глазами по углам пола, по двум полочкам.

— Где?

— А это что?! — сдерживая гордость, произнес я. — Кувшин. Склеил уже черепки.

Детеньш не только не пришел в восторг, как я ожидал, но на его полном румянном лице не мелькнуло ни малейшего волнения. Он, не торопясь, осмотрел со всех сторон мой грязноватый, неуклюже склеенный сосуд.

— Думаешь, древний?

— А то как же! — разозлился я. — Или он похож на посудину из вашего сервиза?

Детеньш снова осмотрел кувшин, зачем-то ковырнул ногтем еще не совсем засохшую глину.

— Слышь, Брыська, Алька Карасин и Ключня, кажись, что-то замышляют против тебя. А, может, и Толян.

У меня екнуло сердце.

— Откуда взял?

— Когда разговаривал с Карасином, Ключня все чего-то подмигивал, хихикал, намекал, что, мол, они кое-кому устроят великую шкodu. Я сразу догадался — тебе. Наверное, побить собираются...

— За что?

— А кто их знает... Помнишь, ты тогда Ключню ударил и прогнал? Может, за это.

Я подумал: вполне. Это Ключня может, только навряд ли он вдвоем с Алькой решится напасть на меня. А вот с Толяном... Тот любит драться, когда много на одного.

— Так ты, Брыська, поостерегись. Если что — прибегай ко мне, вдвоем-то авось отмахаемся.

— Добро, Юрка, спасибо.

Глава четырнадцатая «Кикахуть»

Это было вчера вечером, а сегодня... Сегодня я, наверное, самый счастливый человек на свете: я выкопал в Желтом кургане кусок бересты с древними письменами!

Как я ни готовился ко всяким новым находкам, — к тому теперь шло дело, — эта береста потрясла меня куда сильнее, чем кувшин. Глина — есть глина. Много ли узнаешь, глядя на его грязные обломки? Разве что он долго и честно послужил людям. А тут — письмо! Что в нем? Может, описан подвиг какого-нибудь великого воина? А может, — история жизни целого племени, еще не известного науке? Да мало ли что сокрыто в этой пожелтевшей, отмеченной веками бересте!

Когда я выкопнул бересту, когда увидел письмена на ней, сделанные какой-то красной краской, просто ошалел от радости: стал прыгать в яме, размахивать руками и орать черт знает что. Если бы кто случайно увидел меня в этот момент, то наверняка подумал бы, что я крепко спятил от жары.

Ни о какой работе больше не могло быть и речи. Я вылез из раскопа и побежал домой, чтобы немедленно взяться за расшифровку бересты.

По привычке заглянул в почтовый ящик, что висит у нас на калитке: там белел конверт. Вынул торопливо — письмо от мамы! Письмо совсем небольшое — в одну страничку. Мама почти ничего не писала о себе, только беспокоилась, как живу я, не голодаю ли, не бедокурю ли. А в конце опять-таки волновалась об огороде: «Пойми, Костенька, на зиму у нас должно быть вдоволь овощей. Ты уж постарайся, милый...».

Чудачка, честное слово! Я уже, считай, четыре письма отправил ей и в каждом подробно написал про свою жизнь, про огород, что поливаю его каждый вечер, и все растет в нем лучше не надо. А она все переживает. Ладно, на неделе съезжу к ней. Съезжу и обскажу все до точки, чтоб она больше ни о чем не беспокоилась.

Потом я отыскал в своем столе небольшое увеличительное стекло, чтобы никакая мелочь не ускользнула» уселся, положил перед собой бересту и углубился в ее изучение.

Это была пожелтевшая от времени, в каких-то грязных, по моему, жирных пятнах, прямоугольная полоска шириной в половину тетрадного листа. Все края у нее были обрезаны аккуратно и ровно, будто по линейке. «Ничего себе — древние, — подумал я. — Просто мастера».

Попала она сюда, видать, издалека — ведь у нас и в помине нет березы. Значит те, кто захоронил своего вождя или воина, пришли в нашу степь откуда-то из лесных краев.

Я был так взволнован, что не сразу обратил внимание на самое главное, текст был написан не какими-то иероглифами или другими непонятными знаками, а старинными русскими буквами. Вот это да! Значит, в Желтом кургане лежит какой-то далекий предок, русский человек! Это поразило меня еще сильнее и заставило взглянуть на свою находку по-другому.

Вот как выглядело это берестяное письмо из глубин седых веков и вот что было начертано на нем:

*Тогда по Руской земли рѣтко ратаевъ кикахуть, нѣ часто врани
гряхуть, трупиа себѣ дѣляче, А галици свою рѣчь говоряхуть, хотятъ
полетѣти на уедие*

Я долго и с большим трудом разбирал текст, однако, кроме нескольких отдельных слов, ничего не мог понять. Что это за «кикахуть» или «галици»? «Хотятъ полетети на уедие»? Это, наверное, «хотят полететь на уедие». Но что такое «уедие»? И кто хочет лететь на это самое «уедие»?

Словом, к вечеру у меня разболелась голова и я лег спать еще засветло. Спал плохо. Всю ночь чудилась огромная жаба. Она сидела в каком-то зеленом болоте, пучила на меня глаза и, широко разевая пасть, выквакивала: «Кикахуть, кикахуть!..»

С этим «кикахуть» я и проснулся, разбитый, с тяжелой головой. Нет, решил я, больше не буду зря ломать голову. Пойду к Микрофоньчу и покажу ему бересту. Он историк, авось разберет что к чему.

Микрофоньч жил неподалеку от школы в доме, похожем на сказочный теремок, с мезонином, балкончиком, с шатровыми башенками; карнизы, оконные наличники, колонки, балкончик — в замысловатой, словно кружева, резьбе. И дом, и украшения

Микрофоныч сделал сам. Долго делал, лет пять, поди. А жил все эти годы вместе с семьей во времянке — тесной и низкой землянухе, что устроил в огороде.

Помню, как посмеивались над ним сельчане, иные потихоньку крутили пальцем у виска. Зато сейчас нет красивей дома в нашем селе, а может, и в районе. Все, кто впервые видел терем Микрофоныча, ахали от восхищения и надолго застывали на месте, любуясь им.

Микрофоныча я застал во дворе у небольшого верстака. Увидав меня, он удивился:

— Кого вижу! Каким ветром? В гости или по делу?

— По делу, Семен Митрофанович. Здравствуйте.

— Здравствуй, здравствуй. Садись вот тут, — он пододвинул мне небольшую скамеечку, а сам присел на верстак. — Выкладывай.

Я заволновался: как объяснить ему про бересту и не выболтать о Желтом кургане? Заволновался и, как всегда, замямлил:

— Да вот, это самое... Хотел узнать, вернее, показать, ну, это самое...

Микрофоныч поморщился:

— Кончай жевать свое «это самое». Оно мне на уроках надоело. Говори толком, что у тебя.

Я молча полез за пазуху, вынул бересту, подал Микрофонычу.

— Нашел... Не разберу, что написано... Может, важное?..

Микрофоныч недоуменно повертел бересту в руках, пожал плечами и пробежал глазами по строчкам.

— Это из «Слова о полку Игореве». Знаешь такое?

Я кивнул: проходили по истории и литературе.

— То-то... А означает сие вот что: «Тогда по русской земле редко пахари покрикивали...».

«Ага, — подумал я, — значит, это дурацкое «кикахуть», которое мне всю ночь не давало спать, всего-навсего «покрикивать»? Черт бы его побрал!»

Микрофоныч между тем с удовольствием и чуть нараспев продолжал:

— «Но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки... («галици» — тут же отметил я), а галки свою речь говорили, собираясь полететь на добычу».

«Вот оно и «уедие» — добычка! Ловко, однако, Микрофоныч расщелкал бересту». Вслух сказал:

— А это «Слово» давно написано?

Микрофоныч даже присвистнул:

— Давно. Около восьмисот лет назад, а если точнее — в тысяча сто восемьдесят седьмом году. Только вот открыли его поздно: лишь в конце восемнадцатого века. Открыли и не сберегли: рукопись сгорела во время нашествия Наполеона на Москву.

— Как же так, — удивился я, — сгорела, а в книжках напечатана?

— Успели копию снять, потому и дошло до нас это удивительнейшее «Слово».

Я сидел совершенно сбитый с толку — почему и каким образом попала береста с отрывком из «Слова о полку Игореве» в Желтый курган? И вдруг меня прошила неожиданная мысль. «А что, если моя береста это лишь часть из настоящей рукописи, которая и не сгорела вовсе. Остальное все лежит себе полеживает в могильнике». Ух ты! Вот было бы здорово!

— Где ты ее взял? — донесся до меня голос Микрофоныча. — Кто-то прямо-таки отлично скопировал древнерусское письмо. Кто?

Я растерялся, не зная, что ответить.

— Да так... Нашел... Вернее, у нас дома валялась... Наверное, дедушкина.

Я и дедов-то своих ни одного никогда не видел — оба погибли в Отечественную войну. Микрофоныч глянул на меня прищуренным глазом, качнул головой.

— Ох, Брыскин, что-то не то. Да ладно, твое дело. Бери свою бересту.

Я взял, сунул за пазуху и, не мешкая, пошел со двора, но Микрофоныч остановил меня:

— Если ты по-серьезному интересуешься произведениями литературы и искусства Древней Руси или историей, то заглядывай ко мне в любое время, поговорим, почитаем. У меня есть кое-что очень прелюбопытное.

— Спасибо, Семен Митрофанович, — ответил я бодро. — Очень интересуюсь. Приду. Обязательно.

Микрофонъч даже несколько опешил от такого шустрого ответа.
Я у него по истории больше тройки никогда не получал.

Глава пятнадцатая «Дело пахнет карасином...»

Наступили горячие дни. Я готов был работать не только с утра до вечера, но и ночью: так хотелось найти еще что-нибудь. Я копал, а все мои мысли вертелись вокруг кувшина, бересты, рукописи «Слово о полку Игореве». В самом деле, почему в Желтом курганчике должна лежать какая-то малая частица рукописи? Почему не вся или хотя бы половина? Или вдруг тут захоронен какой-нибудь еще не известный ученым совсем другой вариант «Слова»? Эх, скорей бы уж решить все загадки.

Но как я ни старался, ничего больше не находил в Желтом курганчике, будто кто заколдовал его.

И вот сегодня, едва я стал копать, как вывернул из пласта обыкновенную темную бутылку, в каких продают минеральную воду. Я удивился несказанно: неужели древние уже тогда могли делать стекло и такие бутылки?

Я еще, наверное, долго бы раздумывал над этой новой загадкой, да увидел, что горлышко заткнуто пробкой, а в самой бутылке что-то болтается. Вытащив пробку, я тряхнул бутылку. Из нее выпала бумажка, свернутая в тонкую трубку. Я развернул ее. Там, на тетрадном листке, синела огромная дуля с длинным и острым ногтем на большом пальце. Под дулей было написано тем же жирным синим карандашом: «Привет Брысяку от его далекого предка!»

Долго и тупо глядел я на эту синюю дулю. Кто устроил: Рагозин или Ключня? А в общем, какая разница — кто? Настроение у меня испортилось, работать расхотелось. Я вылез из раскопа, присыпал землей лопату, чтоб не утащили, и побрел домой. Едва миновал ремонтные мастерские, чтобы свернуть на свою улицу, из проулка вывернулась пестрая шумная тройца — Игорь, Рагозин и Алька Карасин.

Игорь и Рагозин были в своих неизменных сомбреро. Джинсы Игоря на коленках стали почти белыми. Рагозин шлепал по пыли резиновыми сапогами с подвернутыми голенищами. В такую-то жару! Его челюсти безостановочно двигались — жевал жвачку. Алька Карасин шагал позади важный и неприступный — нес ревуший во всю мочь Игорев магнитофон.

— Здоров, Брысяк, — сказал Рагозин, подходя. — Чо не веселый? — И тут же Альке, кивнув на магнитофон: — А ну, поприжми ему глотку маленько.

Я не ответил. Помня предупреждение Детеньша, стоял, настороженно ожидая, что последует дальше. Однако ничего особого не последовало, никто пока не собирался меня бить и даже ссориться. Напротив, и Игорь, и Толян были настроены довольно добродушно и почти дружески. Игорь спросил, как обычно, с чуть приметной насмешкой:

— Что нового? Говорят, ты еще кучу черепков откопал?

— Откопал.

— И больше ничего? — Мне показалось, будто Игорь огорчился.

— А тебе что надо? Золотые чашки-тарелки? — О бересте я говорить не собирался — не к чему им знать о ней. — Тогда бери лопату и приходи завтра на Желтый курганчик.

Игорь сокрушенно развел руками.

— С удовольствием бы, да вот не обучен обращаться с лопатой, говорят — очень сложный инструмент и дело утомительное. Я уж подожду. — Добавил, хитро подмигнув: — На меня работают время и дураки.

Эта фраза его, видимо, имела еще какой-то смысл, скрытый для меня, потому что и Толян, и Карасин дружно расхохотались.

Толян хлопнул меня по плечу.

— Не унывай, Брысяк, главное, работай и тебе обязательно повезет. А мы — ладно, копать не станем: пусть вся слава — тебе. Авось похвальную грамоту получишь.

Они уже двинулись дальше и Алька собирался врубить магнитофон на полную катушку, когда Игорь вдруг приостановился, обернулся к нему:

— А что, Карасин, в самом деле он, — Игорь кивнул в мою сторону, — влюблен в красноносую? Алька обрадовался.

— Еще как! Аж пищит.

Игорь хмыкнул презрительно:

— Было б отчего пищать!.. — Повернулся ко мне: — Это же ходячий моральный кодекс! Ее разговоры нельзя проглотить без масла. И что ты нашел в ней особенного?

— В ком? — спросил я хрипло, потому что начинал догадываться, о ком идет речь.

— Не прикидывайся недовинченным. В этой красноносой мартышке. Не понимаешь? В Эвке.

Как он может говорить такое об Эвке? Об Эвке?! Она его слушает, открыв рот, верит ему, как другу, она к нему всей душой, то и дело: «Игорек, Игорек», а он — красноногая мартышка! Ах ты подонок, ах ты гнусная тварь!

Я, почти не размахиваясь, двинул Игоря в подбородок. Голова его мотнулась, как маковка на ветру, а сам он отлетел назад, быстро перебирая ногами. Пока он приходил в себя, я еще раз успел дать по его красивой роже.

Больше мне не удалось ударить — сзади подскочил Толян и перехватил мою руку. Игорь крикнул ему:

— Не лезь! Отойди! Я сам.

— Ну, кажись, дело пахнет карасином! — раздался испуганный голос Альки. — Не надо, ребята, кончайте!

Игорь стоял в трех-четырёх шагах, опустив полусогнутые руки, и не сводил с меня прищуренных злых глаз. Вот медленно, словно крадучись, он стал приближаться ко мне. Я ждал нападения и готов был встретить его кулаками. Но я не знал, с кем имею дело. Игорь, не дойдя до меня, резко распрямился, неожиданно стремительно выбросил вперед свою длинную ногу... Этого я не ожидал. У нас в селе ребята так не дрались. Это считалось нечестно и против правил...

Удар пришелся прямо в живот. Я потерял дыхание и согнулся. Вот тогда Игорь подскочил ко мне и стал бить куда попало кулаками и ногами. Я упал, прикрыв руками голову.

— Нельзя! — вдруг заорал не своим голосом Карасин. — Лежачего не бьют!

И вслед за этим кто-то сильно отбросил Игоря в сторону. Я мгновенно вскочил на ноги. Сразу увидел Альку. Он стоял перед Игорем бледный, с трясущимися губами, в его руке по-прежнему надрывался магнитофон. Неужели Алька?! Точно — он! Вот так Карасин! Вот тебе слабак и трус!

Алька пытался что-то сказать, но губы его не слушались. Толян с любопытством глядел на него, торопливо жуя жвачку. Игорь будто

опомнился. Тяжело перевел дыхание, вытер рукавом пот со лба, выдавил глухо:

— Ладно. Пока довольно. Для науки. Попросит — еще добавлю. А теперь идемте.

Он круто повернулся и пошел. Рагозин, разочарованно сплюнув, двинулся следом.

— А ты чего стоишь? — бросил он Альке. От этих слов Карасин будто очнулся.

— К чертям! — заорал он внезапно. — Эй ты, возьми свой... — Он не договорил, догнал Игоря и бросил к его ногам магнитофон, который вякнул по-кошачьи и умолк.

Игорь непонимающе уставился на Карасина.

— Ты что, сдурел?

— Пошел отсюда, гад! — выкрикивал Карасин. — И ты, — повернулся он к Рагозину. — Подлиза! Тварь! Козел!

Это было настолько неожиданно и крепко, что я на время забыл про боль, а Игорь и Рагозин, к моему удивлению, прихватив наконец успокоившийся магнитофон, молча и послушно пошли прочь.

— Ну и ну! — сказал я. — Ты, оказывается, отчаянный! Карасин устало махнул рукой, произнес слабым голосом:

— Ерунда... Ты погляди, какой ты...

Да, вид у меня, наверное, был неважный: губы разбиты, опухли, из носа капала кровь, правая щека горела, как будто ее жгли огнем, — кожа, видимо, была содрана. Но, главное, очень болел левый бок и грудь — даже трудно вздохнуть.

Карасин растерянно глядел на меня.

— Что делать-то?

В этот момент мы увидели Буланку. Она шла к нам наверное, только что вышла из дома: она жила на этой улице. Я так растерялся, что даже застонал:

— Вот это влип! А ну бежим туда, в проулок. Но Карасин обрадовался.

— Погоди. Это хорошо. Она — девчонка что надо!

И заторопился ей навстречу, остановил, заговорил о чем-то, размахивая руками. В ответ я дважды услышал знакомое «Ах, как романти-и-ично!» — первый раз громко и восторженно, как обычно, второй раз потише и без особого энтузиазма.

Увидав мою рожу, она не заойкала испуганно, не стала соболезновать и жалеть, а сказала только:

— Пойдем к нам, умоешься.

Я замотал головой — еще чего! Вдруг кто-нибудь из ее семьи дома и объясняйся, что да почему. Буланка поняла:

— Никого нет. Один дедушка. Он в постели: болеет. Идем, не волнуйся.

И я пошел. По дороге Буланка то и дело заглядывала мне в лицо. Наконец не выдержала, спросила:

— Это правда — из-за Эвочки?

Если бы взглядом можно было убивать, то я уложил бы Карасина на месте. Что за человек — ни одного слова держать не может! Чувствуя вину, Карасин поотстал от меня шага на два, да еще и голову повернул в сторону, чтобы я не видел его лица.

Двор у Буланки был большой и ухоженный. Умывальник я заметил сразу же: он висел на невысоком столбике, вкопанном неподалеку от аккуратненькой бревенчатой баньки. Пока я обмывал свое распухшее лицо, Буланка принесла флакончик с йодом. Она вынула из-под коротенького рукавчика носовой платок, осторожно промокнула им ободранную щеку.

— Как бурундук, — сказала. — В полосочку...

Везет мне: у Эвки я — суслик, у этой — бурундук. Однако улыбка моя мгновенно угасла. От йода у меня дух захватило и на глазах выступили слезы.

— Больно? — спросила жалобно Буланка.

Я разозлился:

— Да отстань ты со своими дурацкими вопросами!..

Буратинный носик Буланки огорченно сморщился.

— Прости, я больше не буду, — совсем как маленькая произнесла она.

Мне стало неловко: вот взял и снова обидел ее.

— Не обижайся, Лиля... И спасибо. Большое...

Буланка расцвела, будто услышала невесть что такое. И морщинки с ее остренького носа сейчас же сбежали.

До дома я добрался вполне удачно: никто из знакомых вблизи меня не видел. Чувствовал я себя нехорошо и с ходу прилег на диван.

Карасин засоби́рался домой, хотя я видел, что ему хочется что-то сказать мне.

— Что? Говори, не мнись.

— Ладно, завтра, — и осторожно прикрыл за собой дверь. Я тут же забыл и про Карасина, и про его странное обещание что-то рассказать мне завтра.

Глава шестнадцатая Подлость

Утром я поднялся с трудом: болели голова, бок, грудь. Вышел во двор: тихо, со степи веет чуть приметный ветерок, тянет дымом и польнком. Присел на ступеньку, подставил лицо солнцу. Скрипнула калитка. Я открыл глаза — Карасин. Рано прибежал. Молодец.

— Ну как? — спросил он, разглядывая меня.

— Худо. Не жалел, гад, ботинок... Садись. — Я отодвинулся, освобождая место.

Но Карасин не сел, произнес неожиданное:

— Слышь, Брыська, ты на меня не будешь обижаться?

— Здоров были! Это за что? За вчерашнее добро, что ли?

— Да нет... другое... Говорить не хочется... — Карасин по привычке оглянулся по сторонам, словно боясь, что кто-то еще услышит, сказал виновато:

— Ты только не очень... В общем эти, ну как их, экспонаты, что ты нашел в кургане, — мы подсунули...

Если бы меня трахнуло поленом по голове, я, пожалуй, был бы не так ошарашен.

— Врешь?! — еще не веря в такую подлость, выкрикнул я.

— Точно. Ключня придумал. Когда он рассказал нам про Желтый курган, про сокровища и что ты хочешь добыть их. Игорь с Толяном здорово развеселились, хохотали и придумывали всякие шутки. Игорь сказал: «В вашей дыре до того скучно, что и Брыська со своими глупыми раскопками — развлечение. Пусть копает на здоровье. Когда доберется до захоронения — придем мы и поможем». Я тогда еще спросил Игоря, чего, мол, тогда помогать, если Брыська сам все раскопает. Игорь поморщился, ты знаешь как, потом сказал: «Ты, однако, непроходимо туп, Карасин. Поможем собрать ценности, если они там окажутся. Теперь ясно?» Ключня тут и придумал эти «экспонаты». Сказал: «Брыська будет быстрее копать. Они его воодушевят. Я его знаю».

Я слушал Альку, молчал, а у самого кулаки сжимались от обиды и злости: что придумали! А Карасин, между тем, продолжал:

— Кринку Ключня у бабки Никульшихи упер. (Ну точно, подумал я.) Мы разбили ее и закопали в кургане. А бересту Толян добыл. У

кого-то из туски выдрал. Игорь взял ее с собой, чтобы Колька что-нибудь написал на ней старинными буквами да позаковыристей. Тот и постарался. Здорово получилось, просто как по-настоящему. Верно ведь?..

Я спросил сдержанно:

— Ты хоть знаешь, что там написано?

Алька отмахнулся презрительно:

— А, ерунда, наверное, какая-нибудь... — И неожиданно прыснул: — Ну и смехота была.

— Что за смехота?

— Да как ты клеивал кринку, а потом носился с той грязной берестой. Мы с Ключоней прямо животы надорвали.

Так вот кто за мной подглядывал тогда! А я-то думал, что мне показалось. Веселились, животы надрывали...

— Все у тебя?

— Все! — повеселел Карасин.

— Эх, и сволочи же вы!..

Карасин обидчиво выкрикнул:

— Я-то при чем? А?! Ведь не я все это выдумал.

— Ладно, — сказал я. — Не ты, так не ты... Слышь, Алька, иди домой, мне что-то нехорошо.

Алька кивнул и быстренько ушел. А я стоял, бездумно глядя на калитку. Мне еще никогда не было так тяжело, так обидно, как сейчас.

Потом я пошел в сараюшку, достал проклятую кринку, взял молоток и изо всей силы хрястнул по ней. Я дробил ее в мелкие крошки, а у самого, против воли, катились слезы.

— Ладно, — бормотал я, — увидим, увидим еще!.. Я покажу вам, покажу, это самое...

Что «увидим», что «покажу» — я не знал.

Все сложилось к одному: болезнь мамы, драка, этот подлый обман. Настроение такое — хватайся за голову и реви в голос, на весь дом.

Совсем я невезучий. Ни в чем. С самого детства. Помню, еще в детсаде я очень хотел на новогоднем празднике быть Винни-Пухом. Я так просил нашу воспитательницу Ираиду Федоровну, просто умолял, а она мне — Зайца. Я не надел костюмчик косоглазого с круглым

ватным помпончиком вместо хвоста и весь утренник проплакал. С той поры, поди, и пошло: то беда, то неудача.

Из дома я не выходил — читал, смотрел телевизор и работал в огороде: полел, подвязывал помидоры, поливал. Радовался: приедет мама, а у меня полный порядок, нисколько не хуже, чем у нее бывало.

Работаю, а сам представляю, как зайдет она сперва в дом, потом в огород и ахнет: «Какой ты, Костик, молодчина. Я совсем зря волновалась».

Однажды я поливал грядку с огурцами и вдруг услышал знакомый скрип калитки. Меня обнесло жаром — мама! Бросил ведро, выскочил во двор — Эвка.

— Здравствуй, Костя...

Она, видимо, что-то почувствовала, спросила:

— Ты не рад, что я пришла?

Я заторопился:

— Откуда взяла?! Наоборот. Я всегда рад.

Она сегодня была какой-то не такой, как обычно — не веселой, не колючей. Глаза ее смотрели грустно.

Эвка несколько раз внимательно посмотрела мне в лицо, задерживаясь на изодранной щеке, но ничего не спросила и не сказала. От этих взглядов мне становилось не по себе: о чем она думает? Хоть бы уж шутила, что ли.

В дом Эвка зайти отказалась. Спросила о маме, о раскопках, поинтересовалась: не начали ли мы с Буланкой собирать экспонаты для музея.

— Семен Митрофанович уже беспокоится: очень медленно движется дело... — И тут же без всякого перехода сообщила: — А наш школьный отряд завтра уезжает работать на вторую бригаду. Я так люблю жить на полевых станах... — И снова неожиданный поворот: — У тебя как с продуктами? Может, чего-нибудь надо? Ты не стесняйся, говори.

— Ничего мне не нужно. Все есть. Да и Детеньш не даст умереть с голоду — каждый день чего-нибудь приносит, хоть ругайся.

Эвка вздохнула, провела рассеянным взглядом по двору.

— Да... Ну, мне пора...

Я огорчился.

— Так быстро? Зачем приходила?

— Просто. Проведать. До свидания, Костя, — и легко прикоснулась пальцами к моей щеке.

Я вышел за калитку и долго смотрел вслед. Совсем странная. Что с ней? Может, какая беда, а я и не догадался спросить. И мое настроение стало еще хуже.

Глава семнадцатая «На деревню дедушке...»

Маме все еще не получшело. Желтая, худая, на лице одни глаза — большие, печальные. А в них тревога: как я?

— Да хорошо, хорошо, мам. Все хорошо. Огород зеленый, разросся, что межей не найдешь. Видишь, уже редиску тебе привез, лук вот... Поливаю каждый вечер. Особенно огурцы. Плети уже вон какие — с метр, поди. А полоски на щеке — ерунда. Просто шоркнулся о стенку сараюшки, когда воду нес. Ты только не беспокойся обо мне, выздоравливай поскорее. Скучно без тебя...

Мама то гладила меня по голове, то ласково трогала глаза, губы, то просто держала мою ладошку в своей руке и спрашивала обо всем: о селе, о соседях, о доме и, конечно же, больше всего обо мне, чем я занимаюсь, что ем, не бедокурю ли, не дерусь ли...

Я нынче никак не думал побывать у мамы, да вдруг утром неожиданно-негаданно к дому подлетела председательская «Волга». Я выбежал во двор, а там уже Василий Кузьмич Батраков.

— Костя, а ну живо собирайся — в райцентр поедем. Пока я там буду дела решать, ты у мамки погостишь. Я забежал растерянно, не зная за что схватиться: умываться ли, одеваться ли во что-нибудь покрасивее, или гостинец маме собирать.

Батраков будто услышал мои мысли, поторопил:

— Ты не суетись — собирайся. А передача уже наготовлена.

— А если лучку, Василий Кузьмич? Да редисочки, а? С наших грядок?

Батраков одобрительно мотнул седоватой головой:

— Это можно. Хорошо. Только по-быстрому.

То, что Батраков назвал «передачкой», оказалось огромным тюком. Когда мама увидела его — испугалась:

— Куда столько?!

Батраков лишь засмеялся:

— Ешь, Аннушка, поправляйся, а не совладаешь сама — вон сколько тут народа. Помогут, я думаю.

Василий Кузьмич был недолго — торопился очень. Передал приветы, коротко рассказал о колхозных делах, пожалел, что мама

болеет, что без нее ему, Батракову, трудноато приходится. Потом глянул на часы, поднялся.

— Ну, Костя, давай гостюй у мамки, досказывай остальные новости. А я побежал. — Взял мамину руку: — Выздоровливай, Аннушка, постарайся побыстрее. Ждем тебя.

Мы с мамой наговорились вдоволь, даже пообедали вместе. Она повеселела, на губах нет-нет, да появлялась прежняя улыбка — быстрая, чуточку лукавая...

Совсем неожиданно вошел шофер Венька Козлов. Произнес торопливо:

— Костюха, нам пора. — Глянул на маму, увидел, как сразу потемнело ее лицо, кашлянул виновато: — Вы уж простите, Анна Михайловна... Батраков ждет. Спешит: дел у нас невпворот.

Мама молча кивнула, крепко прижала меня к себе.

— Иди, сыночек...

— Ты плачешь, мама?

— Нет, нет, — сказала, а сама торопливо провела пальцами по глазам.

— Иди. До свидания...

Дома меня ждала новость, которой я, честно говоря, не знал радоваться или огорчаться: строительство канала перешло уже на земли нашего района. От Ключей это примерно километров пятнадцать, от силы восемнадцать. А свой временный поселок строители поставили совсем рядом — в восьми километрах от нас.

Канал это, понятно, хорошо. Ну, а Желтый курган как? Что с ним делать? Лег он мне на плечи, словно глыба. Сейчас самое время по-настоящему браться за работу, а у меня после той подлости, что устроили ребята, продолжать раскопки никакой охоты — руки не поднимаются. И бросить тоже сил нет — ведь столько уже сделано!

Мыкался я, мыкался по двору, наконец решил пройтись по селу, авось кого из приятелей встречу. Никого я не встретил, должно быть, уехали с полевым отрядом, а вот неожиданно познакомился со строителями канала.

Их было двое. Один пожилой, лысый с фиолетовыми щеками и таким же носом, другой — молодой, вихлястый, будто без костей. Называли они друг друга до противности ласково: лысый молодого величал Симочкой, а тот лысого Вовой. Они стояли на площади, а

возле, с любопытством разглядывая их, толпилась кучка ребятни. Когда я подошел, вихлястый, подмигивая, говорил:

— Мы с Вовой скреперисты-бульдозеристы, боевой авангард нашей стройки. Проще выражаясь — разведка. Задание: ознакомиться с данным населенным пунктом и произвести рекогносцировку. Первым делом добыть сведения: имеется ли тут горючее для заправки, где и какое?

Семилетний Буланкин братишка Василек, белобрысенький и тоже с острым носиком, обрадовался, что может помочь строителям:

— Есть, есть у нас заправка! Вон там, за селом. Горючего целых три цистерны. Поговорите с Василием Кузьмичем, председателем нашим, он даст. Он добрый.

Лысый Вова гулко захохотал, будто покатил пустую железную бочку по колдобинам.

— Уложил, стервец! Как есть наповал!

Симочка сокрушенно качнул головой.

— Ай, ай, мальчик, какой ты жестокий. Так и убить можно дядю.

Василек растерянно дернул плечами и отступил на шаг: что он сказал такого смешного и глупого?

— Ну, а ты чего молчишь? — обратился Симочка ко мне. — Или нихт форштеен?

Что такое «нихт форштеен» я знал, а что ответить про горючее, чтобы не рассмешить Вову и окончательно не добить его, не знал.

В это время я увидел Игоря и Рагозина: они вышли из Дома культуры и направились к нам. Заметив меня, Игорь на какое-то мгновение остановился, но тут же решительно двинулся снова.

— Ты что — глухой? — спросил меня Симочка. И больше не дожидаясь ответа, обратился к Игорю и Рагозину: — Может быть, вы знаете, где тут можно по-быстрому заправиться горючкой?

Толян недоуменно дернул плечами, зато Игорь понимающе усмехнулся:

— Чего ж не знать... Тут недалеко. На следующей улице. Магази́чик с зелеными ставнями. Симочка облегченно вздохнул:

— Слава аллаху! А то мы с Вовой уже было испугались: может, думаем, в такой глуши люди ничего не пьют, кроме воды. А вода, замечу в скобках, тут совсем нам не по вкусу. Так, значит, как пройти? По этой улочке?

— Я проведу. Нам по пути.

— Ты мне нравишься, парень. Очень душевный. И, вижу, порядочный. У нас с Вовой есть небольшое, но очень деликатное дело... Я чувствую, ты нам поможешь.

Какое деликатное дело было у вихлястого Симочки и лысого Вовы, мне в этот раз узнать не довелось: у конторы колхоза, взвизгнув тормозами, вкопанно остановился пропыленный обшарпанный газик, и все разом обернулись. Я тоже глянул туда: из газика торопливо выпрыгнул невысокий, но широченный в плечах мужчина в белом костюме.

Симочка, будто над его головой просвистел камень, мгновенно втянул шею в воротник пиджака, просипел сдавленно:

— Черт побери — Жора. Рвем когти...

Я больше не видел ни Симочку с Вовой, ни Игоря с Рагозиным. Я бросился к конторе, потому что узнал его! Это был тот самый человек, что вместе с длинным, археологом, приезжал в грозу на Желтый курган.

Я бежал, а сам лихорадочно думал: что скажу ему и станет ли он слушать меня. Но я не поспел: мужчина перед самым моим носом скрылся за дверью. Я присел на ступеньке, решил — хоть до вечера буду сидеть, а дождусь. Однако ждать пришлось всего ничего — минут пятнадцать. Дверь распахнулась, и вылетел он, торопливый, быстрый, какой-то шумный. Пока я раздумывал, он уже сбежал с крыльца и огибал машину, чтобы сесть за руль. Я бросился за ним.

— Дядя! Погодите!

Он, видимо, не понял, что это его окликают, отворил дверцу у машины.

— Дядя, — заорал я снова.

Он обернулся.

— Ты что, меня? Чего тебе?

— Дядя...

Он перебил:

— Меня зовут Георгий Демьянович. «Дядя, дядя»... Ну?

— Георгий Демьянович, мне бы адрес узнать длинного, то есть не длинного, а археолога, ну того, с которым вы приезжали на Желтый курган...

Георгий Демьянович крепко потер пальцами лоб.

— Погоди, погоди... Ничего не понимаю: какой длинный, какой археолог, какой Желтый курган?

Я долго жевал мочало, раза четыре произнес свое «это самое...», пока наконец Георгий Демьянович не понял меня, не сообразил, что мне надо. А сообразив, виновато развел руками:

— Ясно, милый. Ясно, но прости: ничем помочь тебе не смогу. Я даже фамилию археолога не помню. Одно знаю, работает он в педагогическом институте, а зовут его, если мне не изменяет память, Антоном Юльевичем. Вот и все. Так что прости еще раз и до свидания. Мне, брат, очень некогда.

Георгий Демьянович хлопнул дверцей, и машина, будто бешеная, рванулась вдоль нашей «главной» улицы, вздымая огромное белесое облако.

Когда пыль осела, я увидел пустую безлюдную улицу. Так же пусто было у меня в душе.

В который уже раз передо мною возникает этот, кажется, неразрешимый вопрос: что делать дальше? И вдруг я подумал: а что если взять и написать письмо этому археологу. Авось и поможет чем. Адрес? Да просто: педагогический институт, Антону Юльевичу. Точь-в-точь как «на деревню дедушке Константину Макаровичу». Ладно, ничего, дойдет. В городе один педагогический институт, а в институте наверняка нет двух Антонов Юльевичей.

Совсем отвык писать. Почерк — будто палкой по песку. До самого обеда потел, однако написал. Может быть, не так уж складно, но зато выложил все, что заботило. Я рассказал, как раскапывал Желтый курганчик, о том, сколько уже повыбросил земли: ямища — по самые плечи, но что на этом дело у меня застопорилось. Не потому, что я из сил выбился, чепуха! А потому, что не успею докопать — очень уж быстро работают строители, канал вот-вот подойдет к курганчику.

Я просил Антона Юльевича как можно быстрее приехать к нам в Ключи.

«Тут мы вдвоем что-нибудь обязательно сообразим. Может создадим археологическую партию. Я сам подберу подходящих ребят. У нас немало таких. Например, Эвка Юхтанова или Детеньш, то есть Юрка Снопков, Колька Денисов и другие...»

Я заклеил конверт и отнес письмо на почту. Возвращаясь, я увидел Ракурса — Аркадия Львовича. Он вышел из сельсовета и направился в сторону Дальнего конца. Опять, наверное, двинул «сверять и уточнять» списки погибших на войне сельчан.

Странный человек. Они, эти списки, давным-давно составлены и хранятся в сельском Совете. А Аркадию Львовичу все в них что-то выискивает, проверяет, а потом сидит над ними в сельсовете, не нравится, почти каждый день ходит по домам, чего-то шевелит губами и водит под каждой фамилией своим коротким пухлым пальцем. Водит, водит и вдруг хмыкает радостно, достанет из портфеля какие-то бумажки и начнет быстро черкать в них авторучкой.

Однажды Иван Саввич спросил его: «Что вас заботит, Аркадий Львович?» Тот ответил, медленно поправив на носу очки: «Боюсь я, дорогой Иван Саввич, допустить несправедливость: вдруг на бронзовую плиту памятника случайно попадет фамилия кого-нибудь недостойного такого почета. Это было бы жестоким ударом для честных людей».

Иван Саввич нахмурился: «Ну-ну, давайте». И вышел из кабинета.

Глядя на неторопливо удаляющегося Аркадия Львовича с толстым коричневым портфелем в руке, я вспомнил, что так ни разу и не вывел свою «поисковую группу» — Буланку — на сбор экспонатов для музея.

Глядь, а Буланка — вот она! Бежит с полной кошелкой из магазина.

— Здорово! — засмеялся я. — Только подумал о тебе, а ты тут как тут.

Буланка удивленно-радостно уставилась на меня.

— Обо мне?! А что подумал?

Я хотел было по привычке отпустить шутку насчет ее серо-желтой челки или буратинского носа, да вовремя спохватился.

— Я думал, что ты со своим ШПО на прополке.

Буланка вздохнула:

— Нет, дома. Из-за дедушки. Все болеет он, а оставить не на кого. Там сейчас так... — она не договорила, но я понял, что она хотела сказать, и добавил про себя: «Романти-и-ично!» — Ну и что ты обо мне думал?

— Как — что? Ты знаешь, что ты в моей поисковой группе?

Буланка смущенно улыбнулась:

— Знаю... Только я думала, что ты против меня... Я почему-то...

— Вот ерунда! — перебил я ее. — Настоящая ерунда. Наоборот, я рад. Ты вот что: забегай ко мне, когда будет время, начнем помаленьку обход.

Буланка пришла в восторг.

— Ой, Костя, обязательно! Завтра же прибегу. После обеда, ладно?.. Это так романтично узнавать чужую жизнь!..

Глава восемнадцатая Чуда не совершилось

Колхозная контора перебралась в новое здание — каменное белое, с четырьмя высокими колоннами у парадного входа. Это было дней пять назад, а сегодня в старой конторе уже орудуют несколько плотников, Микрофоныч и почти все ребята. Не видно только Игоря, Рагозина и Клюни. Мы ломаем перегородки прежних маленьких и темных кабинетов, ставим новые, чтобы в будущем музее были просторные и светлые залы.

У Микрофоныча в одной руке топор, в другой — план музея. Он с удовольствием рассказывает каждому:

— Наверху у нас будет два экспозиционных зала: правый — боевой славы наших сельчан, левый — трудовой. А внизу мы устроим краеведческий отдел и лекционный зал. Зачем? Как это зачем? Тут будет очень удобно читать лекции на исторические темы, проводить беседы, а когда нужно, то и уроки истории. А в наглядных пособиях, я думаю, здесь не будет недостатка.

Здорово: и весело, и работа ладится. Одни подтаскивают доски, другие строгают и пилят, третьи помогают плотникам. А те только командуют нами да постукивают молотками. Ни усталости, ни скуки, одно удовольствие. С утра и до ночи работал бы вот так, безо всякого отдыха.

Неожиданно мое сердце заныло — это я вспомнил про свой курган. Радость приугасла. Время идет, а я так ничего и не делаю. Жду письма от археолога Антона Юльевича, а его все нет и нет.

— Эй, Брыська, — закричал Детеньш. Он тащил на плече толстую длинную доску. — Ты чего, устал? Или все дела переделал?

Я не ответил, подумав: вот если бы так дружно да всей этой компанией навалиться на Желтый курган! Уже, поди, давным-давно раскопали бы его и мне сейчас не нужно было бы переживать и ломать голову, придумывая, что делать. Ладно, Антон Юльевич приедет. А если нет? Тогда все пропало! Придут строители, сроят машинами Желтый курганчик, как обыкновенный холмик, и развеют его в пух и прах.

Дурак, какой дурак, что сразу не обратился к ребятам, не позвал их на помощь: на свои силы понадеялся! Эх, и дорого же обойдется

эта моя глупая самоуверенность!

— Ты чего стоишь и морщишься?

Я вздрогнул: Детеньш, уже без доски и без своей широкой улыбки глядит на меня испуганно и сострадательно.

— Может, заболел, а? Может, тебя солнцем шарахнуло? Ключня тоже вот так морщился, когда его хватил удар. Айда-ка, слышь, вон туда, там попрохладней. — И он хотел было повести меня, как больного.

Я вырвал руку.

— Еще чего! Просто немного задумался.

Детеньш обрадовался:

— А-а!.. У меня тоже бывает такое. — И тут же без всякого перехода произнес: — Тогда пойдем, притащим брус. Плотники просят. А мне одному не поднять...

За неделю старая колхозная контора стала неузнаваемой: поставили все перегородки, поштукатурили, покрасили. Светло, просторно. Дело осталось за оборудованием: витринами, столиками, шкафами, ну и, понятно, за экспонатами. А их-то у нас пока не густо: наши поисковые группы едва только начали обход своих участков. Мы с Буланкой тоже всего лишь раз выходили на поиск. И не очень удачно. Обошли восемь дворов, а раздобыли совсем мало.

В одном доме нам дали три фронтовых выцветших письма-треугольника и фотографию пожилого красноармейца в буденовке и в шинели без погон; в другом отыскали два довоенных значка: ПВХО и МОПР. Нам объяснили: ПВХО — значит «Готов к противовоздушной и химической обороне», а МОПР — «Международное общество помощи революционерам». В третьем доме хозяйка, седенькая старушка, отдала нам единственную память о своем сыне — крепко поношенную бескозырку. Ее прислали друзья, моряки-североморцы, после гибели сына...

Я расспрашивал, а Буланка записывала в блокнотик все, что мы узнавали. Делала она это хорошо и быстро. А туг, у старушки, вдруг тихо отложила ручку, завсхлипывала и выбежала во двор...

В остальных домах мы ничего не получили. Не потому, что нам не дали. Просто там нечего было дать: порастеряли все, повыбросили. Некоторые же, чьи близкие когда-то воевали, сами уже умерли, иные

уехали, и в их домах теперь живут совсем далекие люди, которые знать ничего не знают. Вот что такое время...

Шли мы обратно медленно и молча. Буланка тихонько вздыхала. Глянул я искоса на нее — нос припухший, глаза красные. Усмехнулся про себя: вот тебе и романтично узнавать про чужую жизнь!..

— Ладно, Лилька. И не реви больше, а то на остальные поиски слез не хватит.

Дома я, как всегда, перво-наперво заглянул в почтовый ящик. Там лежало письмо. От мамы? Нет, почерк совсем незнакомый. Неужели от Антона Юльевича?

Я нетерпеливо разодрал конверт.

«Дорогой Костя!

Очень жаль, но придется тебя огорчить: Антон Юльевич Сосницкий сейчас находится в санатории, в Крыму, где отдыхает после тяжелой болезни.

Вернется он примерно в середине августа. С приветом...»

Вместо подписи несколько жидких петелек.

Ну вот и все. Конец. Никакого чуда не будет.

Утром я пошел к Микрофону.

У входа в музей неожиданно столкнулся с Симочкой. На этот раз он был мрачным и озабоченным. На лбу блестели крупные капли пота. Он нес большую старую дерматиновую сумку, видно тяжелую, потому что Симочка шел сильно перекосившись. Он узнал меня и даже почему-то обрадовался.

— Привет, мой юный друг, и скажи: куда запропали Игорь и Толян Рагозин?

— А я почему знаю?.. — Хотя знал, что они (Алька Карасин сказал) уехали в райцентр в гости к тетке Рагозина. Симочка огорчился:

— У-у, какой сердитый! Разве можно со мной так разговаривать? Я — кто? Строитель ударной стройки! Я к тебе сюда, в чертово пекло, воду тяну, как осла за уши, а ты грубишь. Нехорошо.

— А я что? Говорю: не знаю. Да и наплевать мне на них обоих.

Симочка перебрал сумку из руки в руку.

— Хорошо, хорошо — плюй, хотя это и неприлично. Только мне нужно увидеть их во что бы то ни стало. Из-за этого я протопал такую

даль, да и тут почти полсела уже обежал... Значит, не поможешь? Жаль. Может, подскажешь, где живет Никита Зверев? Знаешь такого?

Кто у нас не знал этого сквальгу и барышника! В колхозе он числится столяром, но редко увидишь в мастерской — все торчит на своем огромном приусадебном огороде или на рынке в райцентре.

Я назвал улицу, рассказал, как найти усадьбу Никиты Зверева. Симочка схватил мою руку, затряс ее.

— Спасибо, мой юный друг, спасибо! Но будь добр и щедр до конца: проведи меня к этому славному Никите и вызови его ко мне.

Я выдернул руку из мокрой Симочкиной ладони и молча взбежал на крыльцо.

Микрофоныч был на месте, но вокруг вертелись несколько девчонок и все пытались куда-то утащить его, шумели и спорили. Я решил переждать, авось они утихомятятся и оставят Микрофоныча в покое. Пока пошел на улицу. Едва переступил порог — Эвка.

Я знал, что ее бригада еще позавчера закончила прополку (Буланка сказала), но встреча все равно оказалась для меня неожиданной.

Удивительно: когда я вижу Эвку после хоть небольшого перерыва, она всегда кажется мне чуть-чуть иной, чем была прежде, и всегда красивей. В этот раз показалось, что она загорела пуще прежнего и похудела. От этого ее глаза стали словно бы больше и темнее. Еще я заметил, что она почти не улыбается и смотрит серьезно.

Увидела меня, кивнула приветливо и тут же спросила с тревогой:

— У тебя что-то случилось?

Я не ответил, только рукой махнул.

— С мамой хуже?

— Да нет... Дело такое... С Микрофонычем надо поговорить. Насчет Желтого кургана.

— И все?

— Все.

— Ну так и поговори. Смотри, сложность какая.

— Вот и сложность. Около него девчонок куча, чуть на части не рвут.

Эвка качнула головой.

— Бедняжка беспомощный... Идем. Помогу. И точно, в одну минуту она их утащила куда-то, а я подступился к Микрофонычу:

— Семен Митрофанович, мне бы поговорить...

Он вскинул на меня глаза.

— Опять о древнерусском тексте?

— Нет, тут другое... Важное...

— Вон даже как!.. — И еще раз глянул на меня, теперь уже с любопытством. — Ну, коли важное — поговорим. Пойдем туда. — Он указал на скамейку, что стояла у окна.

Я принялся рассказывать про Желтый курган все, от начала и до конца. Только, понятно, умолчал о заподлянках, что устроили мне ребята.

Я говорил, а сам с тревогой ждал, вот-вот Микрофоныч расхохочется и скажет что-то вроде того: «Ну, братец, и здоров же ты на выдумки».

Однако он слушал меня молча и серьезно. Потом вдруг встал, потом сел, снова встал и больше уже не садился: заходил взад-вперед.

— Почему же ты раньше молчал?

— Да вот, это самое... — ответил я, потому что сказать было нечего.

— Вот именно, — усмехнулся Микрофоныч. — Эх, Брыскин, вечно у тебя позднее зажигание срабатывает... Сколько времени упущено!

— Много, — подтвердил я уныло. — Да тут еще ответа на письмо ждал... Почти две недели.

— Какого ответа? От кого?

— Ну, от этого, от археолога. От Антона Юльевича. Сосницкого. Микрофоныч так и подался ко мне.

— Сосницкого?!

— От него.

— Ну, брат! — сказал Микрофоныч, глядя на меня так удивленно, словно впервые видел. — Письмо-то при тебе?

Я отдал ему листок. Микрофоныч долго и внимательно изучал его, будто пытаюсь за теми несколькими строчками найти что-то такое, что помогло бы нам получить ответы на все наши вопросы.

Он был взволнован и расстроен. Свернул медленно листок, отдал мне.

— Антон Юльевич — мой бывший преподаватель и заведующий кафедрой истории. Ученый, археолог, необыкновенный энтузиаст. Он и нас, студентов, увлек археологией... Ах как жаль, что я ничего не знал, что не довелось повидать Антона Юльевича.

Микрофоныч слегка пристукнул ладонью по подоконнику, произнес огорченно:

— Вот ведь незадача. — Глянул на меня, и вдруг подмигнул озорно: — Но мы все-таки что-нибудь придумаем! Верно? Я мотнул головой:

— Верно, Микро...

И запнулся. Но Семен Митрофанович будто не заметил моей оплошки.

— К вечерку... Нет, уж лучше завтра утречком заходи ко мне. Этак часов в восемь, а? Не рано?

— Нет, в самый раз, — весело и облегченно ответил я.

Глава девятнадцатая Дядя Максим

Так легко и свободно я себя уже давно не чувствовал. Поискал Эвку, но ее и след простыл: ни в музее, ни во дворе.

Вышел на улицу. Увидел Детеньша и Пашку Ключню. Они торопливо пересекали площадь. Куда это вдруг так спешит Детеньш, да еще с Пашкой? Я направился к ним.

Пашка, видать, крепко струсил, решил, должно быть, что я собрался расчитаться с ним за его проделки. Пока я подходил, он не спускал с меня глаз, готовый в любой момент дать тягу. Но я даже не стал на него смотреть — настолько он стал мне неприятен. Я обратился к Детеньшу:

— Куда бежишь?

Юрка ответил хмуро и коротко:

— В сельсовет.

Только сейчас я заметил, что он чем-то очень расстроен.

Оказалось, что в списках погибших фронтовиков нет фамилии Юркиного дяди Максима. Эти списки Аркадий Львович вывесил для того, чтобы сельчане могли проверить, не перепутано ли там что. Списки требовал скульптор для отливки мемориальных плит памятника.

— Сам видел?

— Пашка вот сказал...

Я взглянул на Ключню. Тот, сообразив, что с моей стороны никакого возмездия не последует, приободрился.

— Сказал, взял, пронзал...

Я оборвал:

— Кончай молоть.

Пашка торопливо кивнул:

— Точно. Я два раза прочитал списки и — нет! И сразу к Юрке.

Я много знал о Юркином дяде. Видел его на фотографии, что висит у Снопковых на самом видном месте. Небольшая, в коричневой деревянной рамке, слегка уже пожелтевшая. На ней трое улыбающихся молодых солдат в простых, должно быть, выдавших виды гимнастерках с помятыми погонями. Двое в фуражках, с лихими чубами и усиками, у третьего на голове сидела некрасивая широкая

пилотка. Он казался совсем мальчишкой, остриженный под машинку, с большими оттопыренными ушами и коротким курносым носом. Зато у него на груди белела, как маленькая луна, медаль. Если хорошо присмотреться, то можно прочесть короткое и грозное: «За отвагу».

Этот солдат и есть родной Юркин дядя Максим. Детеньш его никогда в жизни не видел, потому что, когда шла война, Детеньша еще и в помине не было. Его матери, тете Клаве, тогда самой всего-навсего восемь лет исполнилось.

А дядя Максим домой не вернулся. Вместо него в Ключи пришло тяжелое и неясное: пропал без вести.

Детеньш никак не может согласиться с этим не то письмом, не то извещением. Как это — пропал без вести? Чуть что, он сразу лезет в спор:

— Быть такого не может, чтобы солдат взял и пропал. Что он — муха? Погиб — другое дело. Вот дядя Максим и погиб, а не пропал.

Хоть и не видел Детеньш своего дядю, но очень гордился им. Юркины тетки (а их у него немало — четыре) рассказывали, что он был веселым, боевым парнем. Дядя Максим играл на гармошке, пел, но, самое главное, умел сочинять стихи. Они даже когда-то печатались в нашей районной газете. Детеньш однажды осторожно вынул из синей папки и показал мне эту пожелтевшую прорвавшуюся на сгибах газету. Кроме газеты, в папке хранились несколько писем с фронта и обыкновенная ученическая тетрадь в выцветшей обложке. В ней рукою дядя Максима записано десятка два его последних «мирных» стихотворений.

Мне особенно нравится одно, коротенькое и какое-то очень доброе и светлое. Называется оно «Утро». Я даже запомнил его:

*Собирайтесь, дети,
В школу вам пора...
Ходит легкий ветер
Посреди двора.
Вот и солнце встало
Из-за синих гор,
В гости забежало
К каждому во двор.
А мороз незванный
Скок — и на порог.*

*Щеки мне румянит
И тебе, дружок.
Каждому немножко
Добрый Дед Мороз
Утром на дорожку
Пощипает нос...*

Я думаю, если хороший человек что-нибудь делает, то у него все получается добрым и светлым. И стихи тоже.

Дядя Максим, так уж сложилась судьба, был в семье единственным парнем. Остальные — девчонки. Я уже говорил — четыре. А если с Юркиной матерью, тетей Клавой, то целых пять. Кстати, Детеньш тоже один мальчишка в доме, правда, не на пять сестер, как дядя Максим, а на три. Но все равно многовато. Детеньш всегда сильно переживает, что у него нет брата и что от этого ему очень тоскливо жить. Ну это я так, к слову...

Для Детеньша дядя Максим не просто дядя, а настоящий герой, на которого он изо всех сил хочет походить. Вот почему Детеньш всегда хватается за любое дело, которое затевают Микрофоньч и Эвка. Он вслед за Эвкой бросился сажать деревца возле школы, участвовал в художественной самодеятельности — пел. Надо честно сказать, скверно пел, каким-то диковатым тонким голосом, притом одну и ту же песню «Три танкиста». Потом он собирал металлолом и макулатуру, теперь вот работает со ШПО на колхозных полях и тут, на ремонте музея.

Он даже стихи пытался сочинить, но как ни силился, как ни ломал мозги — ничего не получилось.

Когда у ребят заходит разговор об Отечественной войне, особенно после какого-нибудь интересного фильма, Детеньш непременно упомянет про своего дядю Максима и примется взахлеб рассказывать об его медали «За отвагу», о том, что дядя ушел на фронт добровольцем, сразу же после окончания десятилетки — в 1943 году, что если бы он не погиб, то обязательно стал героем.

Помню как-то раз, кажется, Петька Суриков из восьмого, услышав эти восторженные выкрики Детеньша, засмеялся:

— Ну, опять понесло Снопкова! Чего ты вечно лезешь со своим дядькой? Гляди-ка, нашел героя! Медаль «За отвагу!» Да у других не

то что медали — орденов куча и не орут на все село... Заткнулся бы ты со своим Максимом.

Всегда спокойный и смирный, Детеньш вдруг бросился на Петьку с кулаками, и худо пришлось бы тому, если бы не вмешались мы. Нет, при Детеньше о дяде Максиме можно говорить только уважительно, только с восторгом, как это делает сам Детеньш.

И вдруг такое: дяди Максима не оказалось в списках!

В сельсовет мы вошли втроем и сразу же увидели доску с длинными списками, отпечатанными на машинке. Но сколько мы ни искали фамилии Юркиного дяди, так и не нашли. Молча уставились друг на друга: в чем дело?

В это время из кабинета председателя сельсовета вышел Ракурс. Детеньш обрадованно бросился к нему.

— Аркадий Львович, а моего дяди в списках нет, наверное, пропустили?

Ракурс приостановился.

— Как фамилия?

— Петушков. Максим Тимофеевич.

Ракурс открыл портфель, вынул оттуда стопку бумажек, перебрал их, потом, заглянув в небольшой блокнотик, сказал спокойно:

— Петушков?.. Эту фамилию мы пока воздержались ставить в списки!

— Почему?! — чуть ли не в один голос спросили мы. А Детеньш добавил: — Ведь он погиб. В сорок четвертом году. В июне. У нас сообщение есть.

Ракурс поправил очки, оглядел нас поочередно, сказал сочувственно:

— Я знаю... Только там говорится: не погиб, не пал смертью храбрых, а пропал без вести. Понимаете: пропал! А что такое — пропал? Вы мне это можете объяснить?

Мы не могли. Но в словах и в тоне Аркадия Львовича послышалось что-то несправедливое и скверное.

Я сказал:

— Он хорошо воевал. У него медаль «За отвагу».

Аркадий Львович ответил неопределенно:

— Всякое бывало... — и добавил успокаивающе: — Мы постараемся еще кое-что уточнить... И вышел.

Мы стояли, как оглушенные. Детеньш шевельнулся первым:

— Вы поняли, о чем он думает?

— Нет, — откликнулся Пашка.

— Что мой дядя Максим от страха сдался в плен или еще что там... Поняли?

Мы не знали, что ответить. Но то, что Аркадий Львович сказал, очень походило на Юркино предположение.

— Брось! — выкрикнул я, чтобы заглушить в себе эту мысль. — Ты брось! Идем к Ивану Саввичу, поговорим. Мало ли чего...

Детеньш не дослушал меня, повернулся и вышел. Мы с Пашкой переглянулись.

— Да, черт побери... Что скажешь?

— Брехня это, вот что!

Я тоже так думал, да толку что: кому от этого легче станет? Надо было как-то помогать Детеньшу. В первую очередь поговорить бы с Иваном Саввичем, объяснить ему все.

Однако вскоре, так уж случилось, идти к председателю сельсовета необходимость отпала.

Глава двадцатая Она протянула мне руку

Мы идем по влажной и чуточку парной степи. Идем к Желтому кургану едва намеченной тропкой. Не я ли ее проложил?

Над нами разноголосно звенят жаворонки. А в травах весело, по-приятельски пересвистываются невидимые суслики.

Вчера прошел короткий, но шумный ливень. Это он обмыл небо, оживил степь и наполнил ее ликованием. Мы тоже радуемся. Радуемся всему: и жаворонкам, и сусликам, и этому голубому чистому небу, и ласковой степи, пахнувшей разопревшим полыньком. А я радуюсь еще и тому, что скоро, теперь уже очень скоро, Желтый курган, наконец, раскроет нам свою тайну.

Мы — это я, Эвка и Микрофоныч. Он в белой сетчатой безрукавке, на плече линялый брезентовый рюкзачок, на голове широкополая соломенная шляпа. Удивительно, но он несколько не походил на учителя и тем более на моего грозного классного руководителя, от которого я столько вытерпел. Просто обыкновенный человек, еще совсем не старый, не сердитый, а добродушный, с карими чуть насмешливыми глазами.

Она в брюках, в белой кофточке и по-прежнему молчаливая и грустная. Я, конечно, понимаю почему: из-за Игоря. Все переживает, никак не может успокоиться.

Надо же было тогда этому болтуну Альке Карасину выложить все, как есть, Буланке. С того самого дня Эвку словно бы подменили: она почти не выходит вечером на улицу, не бывает в Доме культуры.

Игоря тоже не стало видно: стыдно, наверное, а может быть, просто не перед кем воображать и строить из себя героя. После нашей драки, вернее, после того как он измолотил меня ногами, почти все ребята отошли от него: такое у нас не прощают. Даже Пашка Клюня откололся. Верным остался только один Толян Рагозин.

Колька Денисов, когда узнал о драке и из-за чего она произошла, в тот же день унес из своей комнаты, где он жил вместе с Игорем, свою постель и теперь спит на сеновале.

Я иду рядом с Эвкой, искоса поглядываю на нее. О чем она думает? Мне вовсе не радостно, что у Эвки порвалась дружба с Игорем, хотя я так хотел этого. Мне просто обидно за Эвку и жалко ее.

— Ну где твой Желтый курган? — спросил Микрофоныч. — Мне, признаться, в этой стороне ни разу не привелось бывать — пустое место.

— Ничего не пустое, — с некоторой обидой ответил я. — Живет тут степь... А Желтый курган, вон он. Нет-нет, левее, бугорок такой...

Вскоре мы уже стояли вокруг развороченного кургана, на краю ямы.

Я ожидал, что Микрофоныч похвалит меня: ишь, скажет, молодец какой, столько повыбросал земли! Теперь, мол, нам предстоит совсем мало работы! Но он вдруг огорчился:

— Ну и наковырял ты тут! Разве можно так орудовать? Ты не раскопки вел, а колодец рыл. А вдруг эта твоя яма лишь краем захватит погребение или вовсе мимо пройдет? Как тогда? Еще один колодец рядом рыть?

Я стоял огорошенный и смущенный — вот так похвалил! А он продолжал доколачивать:

— Да если бы ты каким-то чудом и вышел прямо на погребение, все равно оно было бы потеряно для науки.

— Это почему же?!

— Да в такой тесноте да темени ты просто бы разрушил захоронение, разворочал бы его. Это, во-первых. А, во-вторых, раскопки без научного описания, без плана, теряют почти всю ценность.

Вот так на! Значит все, что было сделано, не только зря, но я к тому же еще едва не угробил захоронение. Я украдкой глянул на Эвку: почудилось, будто губы ее дрогнули в усмешке, мол, что же ты, Брыскин, так опростоволосился? Я еще раз взглянул, но она уже отвернулась и следила за Микрофонычем. Показалась мне эта ее усмешка или нет, только я расстроился еще сильнее. Эх, зря позвал ее сюда! Теперь вот оглядывайся на нее да нервничай: что она подумает, что скажет?

Микрофоныч рылся в своем рюкзаке, вынимая какие-то колышки, топорик, рулетку, клубок шпагата. Глядя, как весело он суется, как бодро напевает, настроение у меня помаленьку улучшалось. Оно, наверное, стало бы совсем хорошим, если бы не Эвка.

Она вдруг спросила:

— Послушай, Костя, ты как-то говорил мне, что будто нашел тут какой-то старинный черепок? Помнишь? Еще обещался для музея что-то дать?

Я покраснел, замямлил:

— Ерунда... Обознался... Никакого, это самое, черепка...

— Здравствуйте! — воскликнула Эвка, удивленно уставясь на меня. — Как это обознался? Что же тогда было? Я не знал, что ответить.

— Да так, это самое... Чепуха. Какая-то кость.

— Что?! — вдруг вклинился в разговор Микрофоныч. — Кость?! Чья кость? Какой формы? Ты сохранил ее, надеюсь? Выхода не было.

— Нет, — едва выдавил я. — Выкинул... — И почувствовал, как сразу теряю всякое уважение в Эвкиных глазах.

— Эх, ты! — сказала Эвка, как умела говорить только она одна. — Археолог несчастный...

Провалилась бы к чертям собачьим эта кость, а еще бы лучше мой язык! Ну зачем я тогда ляпнул Эвке про тот черепок от Никульшихиной кринки? Зачем расхвастался и наобещал ей древних экспонатов для музея?

Вид у меня был, вероятно, настолько унылый, что Микрофоныч сказал, что та кость скорее всего не имеет никакой ценности, так как находилась в верхних, более поздних слоях. А потому попала туда случайно и к погребению, по всей вероятности, не относится.

«Вот именно», — горько усмехнулся я про себя.

— Так что, Брыскин, — продолжал Микрофоныч, — успокойся. Что было то сплыло. Теперь мы дело поставим приблизительно правильно. Говорю «приблизительно» потому что, как я тебе уже говорил, немного знаком с ведением раскопок. Для начала моих знаний хватит, а там видно будет.

Микрофоныч вручил мне кольшки и топорик, а сам с Эвкой принялся намечать рулеткой границы нового раскопа. Там, где должны быть углы, я забил кольшки, потом соединил их шпагатом. Получился огромный прямоугольник, в центре которого зияла моя яма.

Микрофоныч удовлетворенно крикнул:

— Хорош будет раскопчик, просторный, удобный. Верно, Брыскин?

Но я не пришел в восторг.

— Это почти силосная траншея. Ее вручную и за год не отроешь. Лишняя работа...

Микрофоныч поднял широкие брови.

— Лишняя работа — это убрать землю, что ты тут накидал.

А насчет времени ты, Брыскин, глубоко ошибаешься. На этой площадке смогут одновременно работать по десять-двенадцать человек. Так что живо «обгоним» твою яму.

Потом я достал лопату, и мы по очереди побросали из моей кучи землю за границу нового раскопа. Да, трудно будет перекидать ее — уж точно отмотаешь руки.

— Все, — сказал Микрофоныч, утирая платочком лицо. Он работал последним. — Для первого знакомства с Желтым курганом — хватит. Пойдемте отдохнем немножко и — домой.

Мы с Эвкой выбрали травку погуще, сели. Микрофонным, прихватив свой рюкзачок, устроился рядом.

— Притомились?

Эвка засмеялась:

— Да вы что, Семен Митрофанович? На прополке почти целыми днями с тяпками. — Она скосилась на меня. — Может быть, Костя вот...

Я, как всегда с Эвкой, не нашелся, что ответить, смешался, покраснел. А чего было краснеть? Отмахнулся бы какой-нибудь шуткой и — делу конец. Так нет же, обязательно надо растеряться, покраснеть, а потом еще и обидчиво надуться. На выручку мне снова пришел Микрофоныч.

— Не скажи, Эва. Столько земли вынуть — не каждому по силам. Нет, в данном случае Брыскин оказался просто молодцом.

«Об этом надо было сказать пораньше, — горько подумал я. — А теперь на кой мне все эти хорошие слова...»

Между тем Микрофоныч опять заглянул в свой рюкзачок и стал вынимать уже не колышки, а хлеб, поджаристые котлеты, сало, лук, редиску и пышные румяные пироги. В центр поставил термос.

— Чай. А теперь налетай, ребята, у кого на что глаз лежит.

Я вдруг так захотел есть, что даже под ложечкой заныло, вспомнил, что я сегодня еще не завтракал, потому что мне уже до чертиков надоели яйца, а другого чего, на скорую руку, не оказалось.

И я налетел. На пироги и котлеты, которых я не ел, кажется, целую вечность — с тех пор, как маму положили в больницу.

Микрофоныч аппетитно ел розовые пластики сала с луком, хрустел редиской, а сам весело поглядывал на нас, будто спрашивая: «Ну как, вкусно?»

Я от удовольствия только тряс головой и мычал, а Эвка смеялась и потихоньку подсовывала мне то пирог, то котлету.

Она заметно оживилась, стала, наконец, почти прежней — озорной и колючей.

Микрофоныч говорил:

— Вот так и мы, бывало, в студенческие годы, рассядемся всей партией вокруг эакого «стола», а разговоров — на всю ночь, несмотря на усталость. Да, интересное было время. Какие путешествия совершали мы с Антоном Юльевичем в глубь веков! Прекрасные и незабываемые...

Эвка мгновенно загорелась.

— Ой, расскажите, Семен Митрофанович! Пожалуйста...

И я попросил.

Микрофоныч будто даже чуть засмушался:

— Право, и рассказывать тут вроде нечего... Тут надо самому поработать на раскопках, увидеть все, потрогать руками, услышать. Каждый снятый слой земли, словно бы перевернутая страница книги, увлекательной и волнующей. Разве не удивительно, например, раскапывая древнее поселение, шаг за шагом узнавать, кто в нем жил, чем занимался, на каком языке говорил, была ли тогда письменность и, наконец, просто какими были в то время люди...

Микрофоныч примолк, устремив взгляд куда-то по-над степью, будто всматривался в тот далекий мир, о котором только что рассказывал. Потом встряхнул головой, вздохнул.

— Да, жизнь исчезает, а земля хранит память о ней, о тех, кто когда-то был и кого больше никогда не будет. Что это за память? Многое: обломки камней, черепки, кости, орудия труда и оружие, рисунки, письма, останки человека. По ним, по этим дорогим для нас памятникам древности, археологи и определяют приметы исчезнувших культур и цивилизаций.

— Просто как фантастика, — задумчиво проговорила Эвка. — Только это — правда! Прямо представить не могу, до чего интересно и

необыкновенно.

— Кстати, — произнес Микрофоныч, попеременно поглядывая то на Эвку, то на меня. — Кстати, вы знаете, что означает само слово «археология»?

Эвка покачала головой, а я опять покраснел. Ну, обалдуй, не мог нигде за столько времени узнать, что такое археология. Так тебе и надо — красней! Сейчас Микрофоныч выдаст тебе еще... Однако Микрофоныч даже не сделал укоризненно-болезненного лица, как любил это делать на уроках, а спокойно и просто сказал:

— Археология — это буквально «слово о древности». Впервые это слово употребил еще в четвертом веке до нашей эры великий греческий философ Платон. В его время археология опиралась лишь на письменные источники и повествовала только о личностях правителей, войнах да переворотах. Тысячелетия изменили смысл термина. Сегодня археология — это наука, которая изучает прошлое по вещественным материалам, добытым из земли. Так трудами археологов, например, была воссоздана история многих народов Сибири.

Остановился на секунду, задорно подмигнул нам.

— Вот и мы тоже, быть может, пусть хоть маленькую кроху, но внесем в эту историю. Внесем, Брыскин?

— Внесем!

— А коли так, — сказал Микрофоныч, подымаясь, — коли все основные вопросы решены — пора домой. Нужно готовиться к работе.

Когда мы пришли в село и когда Микрофоныч свернул на свою улицу, я тронул Эвку за плечо. Она обернулась.

— Что?

— Слышь, Эвка... Ты, это самое, не думай, что я хвастун или болтун какой...

Эвка ничего не ответила, а только с любопытством уставилась на меня.

Я заторопился:

— Это я про тот черепок, о котором тебе говорил... Помнишь? Правду я тогда тебе сказал. Был черепок... Только не настоящий. Пацаны подшутили надо мной...

Эвка нахмурилась, однако продолжала выжидательно молчать.

— Подсунули они мне этот черепок... Да и все прочее тоже.

— А что «все прочее?» — живо спросила она.

Я рассказал. И про Никульшихину кринку, и про бересту, и даже, дурак, про синюю дулю.

Эвка слушала не перебивая, только лицо все больше и больше мрачнело, а когда я закончил, неожиданно произнесла:

— Бедный Брыська!..

Я моментально разозлился.

— Знал бы, ничего не рассказывал. А то сразу «бедный!» Никакой я не бедный, просто...

Я не досказал: встретил Эвкин взгляд, теплый и участливый. Мне даже показалось, что она вот-вот протянет руку и погладит меня, как кота.

— И брось смотреть на меня так, — выкрикнул я. — Что я, слабак какой?!

— При чем тут слабак, — ответила Эвка. — Просто ты хороший.

Это меня сразило. Я стоял и молчал, совсем забыл, что еще хотел сказать. А она все-таки протянула ко мне руку, только не погладила, а легко сжала мои пальцы.

— До свидания, Костя. — И вдруг добавила: — И спасибо... За все...

Я совсем оторопел, хотел было узнать: за что? Но она уже вбежала в калитку.

Оказывается, я довел ее до самого дома.

Глава двадцать первая В гости к строителям

Микрофоныч сообщил: завтра экскурсия на строительство канала. Ее, эту экскурсию, председатель сельсовета Иван Саввич готовил давно, но все как-то не получалось: то у строителей что-то не ладилось и им было не до приема экскурсантов, то у нас машин свободных не было, то шофер вдруг заболел. А тут вдруг все устроилось.

Я сразу бросился к Детеньшу, которого не видел уже два дня. Я был все время занят, а он почему-то ни разу не зашел ни ко мне, ни в музей.

Торопился к Юрке, а сам представлял, как он обрадуется: ведь что там ни говори, а таких интересных поездок, как эта, у нас в последний год не было.

Детеньша я нашел в огороде — чинил ограду. Увидел меня улыбающегося, опустил жердочку, положил топор — так и подался ко мне. Я весело хлопнул его по плечу.

— Все, Юрка, едем!

— Куда?

— На экскурсию. К строителям. Завтра. В семь утра. Так что гляди не просп. Машины — у конторы.

Детеньш сразу сник, медленно нагнулся, поднял топор, взял жердочку.

— Не поеду я...

— Почему?

Детеньш только вздохнул и отвернулся.

— Почему? — повторил я, не зная, что и подумать: Юрка так ждал этой экскурсии, столько разговоров было о ней.

— Как я поеду? Теперь все в меня будут пальцем тыкать, скажут: «Его дядя Максим струсил, в плен фашистам сдался». Первым тот же Петька Суриков завопит, вот, мол, какой он герой, твой дядька Максим. Как я буду? А? Как?

— Дурак! — закричал я. — Во-первых, это еще неизвестно, а, во-вторых, как только вернемся с экскурсии, сразу зайдем к Ивану Саввичу и все выясним, и решим.

Однако сколько я ни уговаривал Детеньша, как ни убеждал его ехать, он наотрез отказался. На другой день я снова забежал к Юрке, авось передумал за ночь. Нет. Даже слушать не стал: махнул рукой и молча пошел в дом.

У колхозной конторы, когда я пришел, уже стояли три грузовика со скамейками, а вокруг пестрела толпа ребят. Говор, смех, толкотня.

Впервые за несколько дней я увидел Игоря и Толяна Рагозина. Они стояли в стороне, насмешливо поглядывали на нас, переговаривались и время от времени раздражались хохотом. Я понимал: все это показуха. Им совсем не весело и не смешно. Особенно Толяну. Он хоть и гоготал во все горло, но глядел на шумную суматоху вокруг машин с завистью. Ему, видно, очень хотелось ехать, но он не двигался с места из солидарности с Игорем.

Из сельсовета вышли Иван Саввич и Микрофоныч, вслед за ними торопливо выскочили Эвка и Пашка Ключня. Эвка сразу увидела Игоря. От неожиданности остановилась, будто получила сильный удар в грудь. Однако она тут же, закусив губу, сбежала с крыльца. Игорь что-то торопливо сказал Эвке, наверное, поздоровался. Но она прошла мимо, будто не видела и не слышала его. Точно так она когда-то проходила мимо меня. И я не позавидовал Игорю.

Игорь сделал несколько шагов за Эвкой, позвал:

— Эва, на одно слово...

Она не оглянулась даже, а только ускорила шаг, почти вбежала в круг девчонок и затерялась среди них.

— Ну, что, все в сборе? — громко спросил Микрофоныч, оглядывая ребят.

— Все, все! Поехали!

— Юрки Снопкова нету.

— И Денисова.

— Да вон он!.. Шпарит, как угорелый!

Действительно, через площадь что было духу несся Колька. В одной руке он держал свой альбом, а другой бешено махал нам, чтоб мы вдруг не уехали без него. Пробегая мимо Игоря, он не посмотрел на него, не приостановился, не позвал с собой.

В это время раздалась команда: «По местам!»

Все дружно кинулись к машинам. В какую-нибудь минуту площадка возле конторы опустела, только у крыльца остались две

одинокие фигуры в сомбреро. Они уже не ехидничали и не хохотали.

Хлопнули одна за другой дверцы кабин, заработали моторы.

— А вы чего стоите? — раздался участливый голос Лильки Кашиной. — Быстрее к нам! У нас вон сколько свободных мест.

Толян резво обернулся к Игорю: бежим?! Игорь не ожидал приглашения, растерялся:

— Стоит ли...

Ему хотелось ехать, очень хотелось, но, видимо, было неловко: вот если бы его позвали ребята, а не какая-то там Буланка!.. И он стоял, не зная на что решиться.

Между тем первая машина тронулась, за ней вторая, третья.

— Ну?! — заорал Рагозин. — Чего мнешься? Аида!

Игорь еще какое-то мгновение колебался и вдруг рванулся за нашей, последней машиной. Вслед за ним бросился Рагозин, бухая тяжелыми резиновыми сапогами.

Машины с каждой секундой набирали скорость. Игорь бежал, крепко сжав челюсти. Он далеко оставил Толяна, который махал руками и что-то отчаянно кричал.

— Постучите шоферу! — заволновалась Буланка. — Скорей! Пусть остановится.

Пашка Ключня вскочил, потянулся, чтобы стукнуть по крыше кабины, но Колька Денисов перехватил его руку, бросил коротко и твердо:

— Не смей! — потом добавил негромко: — У них будет полно своих развлечений...

— Каких?

— Разных, — неопределенно ответил Колька.

Игорь не догнал машину, остановился с перекошенным от усталости ртом, бессильно опустил руки. Постоял так, провожая нас взглядом, и побрел назад, навстречу Толяну, который все еще продолжал бежать.

В кузове было горячо и шумно — шел спор. Одни осуждали жестокий поступок Кольки Денисова, но большинство доказывали, что он прав, что так и надо учить всяких эгоистов и самонадеянных пижонов.

Я в споре участия не принимал: о Толяне, тем более об Игоре, голова у меня не болела. Я думал о Детеньше, о том, что сказал он

мне вчера. От одной мысли, что дядя Максим мог оказаться трусом, мороз продирает по коже.

Дорога была легкой, укатанной. Она плавно вилась меж неоглядных зеленых хлебов, среди картофельных и свекловичных полей; кое-где мы проносились мимо разлапистой кукурузы.

Солнце уже начинало припекать, но скорость и встречный ветерок охладили лицо, лохматили волосы. Мы ехали уже часа три, а ничего похожего на стройку не было. Степь и степь. Но вот далеко впереди, у горизонта, появилось какое-то возвышение, наподобие удлинённого холмика, только цвет у него был необыкновенный — бело-синий. Вскоре я уже видел, что это никакой не холм, а высокое длинное здание.

— Что это, что? — спрашивали ребята друг у друга, но никто не знал, а Микрофончик сидел в первой машине.

— Ой, как романтично!.. — выдохнула Лилька. — Волшебное видение.

Вскоре мы подъехали и остановились у забетонированного котлована. Он был хоть и не широк, но очень длинный и глубокий. Перегородив его надвое, от берега до берега, и протянулось это здание — главная насосная станция канала.

Первым, кто встретил нас, был мой знакомец Георгий Демьянович. Невысокий, быстрый и шумный.

— Милые мои, рад вашему приезду и с удовольствием побыл бы с вами, но — увы! Дела. Поэтому поручаю вас нашему инженеру Валерию Федоровичу, — он тронул за руку молодого парня с вьющимися волосами. — Валерий Федорович уже старый строитель и сумеет показать и рассказать вам все в лучшем виде, увлекательней, чем я, даю слово.

Инженер смущенно улыбнулся и покачал головой. И сразу понравился мне. Я уже не жалел, что он будет сопровождать нас, а не Георгий Демьянович.

А Георгий Демьянович продолжал:

— Знакомиться со строительством начнем с насосной станции. Отсюда и пойдет обская вода в самую глубь Кулунды.

Потом вы побываете на наших самых горячих точках, а в заключение погостите на вахте, посмотрите, как живут строители, ну

и, конечно, отпробуете нашего фирменного блюда — пельменей. Ну как, принимаете такую повестку дня?

— Принимаем! — в один голос гаркнули мы.

Глава двадцать вторая Знакомая фотография

Насосная станция стояла над степью, как могучая крепость в несколько этажей. Часть этих этажей уходила глубоко под землю, к самому днищу котлована, будущему хранилищу воды. Отсюда насосы погонят воду по каналу в Кулунду.

Мы долго ходили по станции, поднимались по звонким железным лестницам, побывали в машинном зале, посмотрели гигантские насосы, высотой, пожалуй, не меньше, чем в два этажа. Потом пошли всякие мастерские, пульта управления, кабинеты... Наконец мы оказались на самом верху станции. Впереди, и не так уж далеко, сверкала наша знаменитая Обь. На том берегу ее, чуть ли не к самой воде, подступил темно-зеленый лес. По реке плыл катер, тащил за собой две груженные баржи. А позади — степь, неоглядная и удивительно многоцветная, будто раскрашенное кусками полотно... Там, за горизонтом, лежит наше село, безлесое, пыльное, высушенное солнцем и горячими ветрами. И вот туда, к нам, скоро двинет поток прохладной воды.

Инженер Валерий Федорович, между тем, рассказывал, что каждый насос станции, а их тут шесть, будет подавать в канал по восемнадцать тысяч кубометров обской воды в час, а все они в одну секунду — целых двадцать два кубометра. В одну секунду!

— Это будет настоящая река. Ее сила для Кулунды станет просто богатырской. — Валерий Федорович вдруг разволновался. — Давайте, ребята, немного помечтаем. Представьте себе...

Я слушал Валерия Федоровича, смотрел на прямую и широкую трассу канала, которая начиналась тут, у станции, и рассекала степь надвое, и видел не вороха вынутой земли, не скудную травку, что сиротливо желтела вокруг, а пенистый поток воды, густые кроны деревьев, склоненные над полосой канала, а по сторонам высокие травы, хлебные поля, слышал всюду песни невиданных здесь нестепных птиц...

— Ну, а теперь, — донесся до меня голос инженера Валерия Федоровича, — давайте спустимся вниз и проедем вдоль канала.

И вот мы мчались по асфальтовой дороге. Кое-где Валерий Федорович останавливал машины и показывал нам то мосты,

переброшенные через канал, то ливнепропуски, проведенные под его дном, то дюнkersы. Дюнkersы — самые сложные и интересные сооружения. Их строят, если на пути канала попадает речка. Тогда строители прорывают под дном речки тоннель, через него пропускают две огромных квадратных трубы, и канал, «поднырнув» под речку, идет дальше.

Солнце уже стало склоняться к закату, когда мы наконец добрались до самой «горячей» точки. Здесь был конец дороги, здесь кончался и канал. Перед нами лежала знакомая степь, безлюдная и горячая. Даже хлебов не было видно. Пустая степь. И только тут бурлила, гремела жизнь: множество машин шаг за шагом вгрызались в твердую толщу земли, вспарывали ее, выворачивали, оставляя после себя прямую, как стрела, трассу канала.

Мы стояли на краю берега и смотрели, как одни машины, в основном бульдозеры, пробивали, углубляли канал, срезая пласт за пластом землю и выталкивая огромные вороха ее наверх, другие выравнивали, прямили, словно по линейке, делали канал таким, каким мы видели его на всем протяжении пути. Днище и берега канала рабочие покрывали прочной полиэтиленовой пленкой, чтобы вода не уходила в грунт.

Пока мы оглядывались, Валерий Федорович и Микрофоныч оживленно разговаривали с высоким немолодым мужчиной в пропыленной кепке и в клетчатой рубашке с короткими рукавами. На смуглом загорелом лице его белели светлые усы. Мужчина несколько раз бросил на нас взгляд, улыбнулся и согласно кивнул Микрофонычу. Потом быстро взошел на свежую насыпь и поднял руку. Машины замерли, шум стих. Из окошек кабин завыглядывали чумазые, запыленные механизаторы.

Мужчина подошел к нам. Валерий Федорович познакомил:

— Алексей Степанович, мастер участка. Алексей Степанович широко улыбнулся:

— Мы тут договорились... Словом, ребятки, кто желает поглядеть, как управляются наши механизаторы, ну и познакомиться с ними поближе, бегите по машинам. Какая кому по душе.

Кто-то из ребят выкрикнул «ура», и все разбежались по участку. Я рванул к бульдозеру, который стоял далеко впереди остальных. Бульдозерист, молодой парень в полосатой тельняшке и берете

десантника на чубатой голове, словно поджидал меня, еще издали заулыбался, поблескивая белыми зубами.

— Давай, давай, подлетьш, — крикнул он весело. — Жарь быстрее, работу держишь.

Когда я подбежал, он протянул мне руку и я вмиг очутился в кабине.

Парень оглядел меня карими, приветливыми глазами.

— Ну, что, будем знакомиться, подлетьш?

Я даже немного обиделся.

— Почему «подлетьш»? Я — Костя Брыскин.

— Оттого и подлетьш, что Костя Брыскин. Иначе бы звали Константином... как отчество?

— Петрович.

— Вот, звали бы тогда Константином Петровичем, ясно? Ну не дуйся, не дуйся. Это у меня такое любимое словечко. Подлетьш — молодая птица, которая еще не встала на крыло. Другими словами: еще не может хорошо летать. Ты тоже пока не можешь, верно? На папкиной шее сидишь...

— У меня нет папки, — неожиданно для самого себя сказал я. И расстроился: зачем?

Парень крикнул, промывчал что-то, потом торопливо заговорил:

— А меня Вадимом зовут. Я, брат, тоже без отца рос... Ну что, двинули?

Я кивнул.

Бульдозер сразу же взревел, дернулся и стал осторожно пятиться вниз. Вадим, поглядывая назад, выкрикивал:

— Братья-сестры есть? Видал — нету! А у меня два брата да сестренка. Из-за них десятилетку не закончил, в эспетэушку пошел. Чтобы профессию получить. Маме помогать...

— В какую эспетэушку? — не понял я. Вадим укоризненно глянул на меня, но тут же снова обернулся назад.

— СПТУ. Сельское профессионально-техническое училище. Или не слышал о таких?

— Слышал.

— А спрашиваешь!.. Училище мелиорации закончил. Бульдозер перестал пятиться и вдруг рванул вперед, начав глухо рычать и подрагивать: видимо, захватил толстый слой земли.

— А что это — мелиорация?

— Ну, даешь, подлетьш!.. Мелиорация — такая отрасль сельского хозяйства... Ну, как тебе объяснить? Словом, задача ее — напоить землю водой. Или поубавить, где ее через край. Понял?

Я отрицательно помотал головой.

— Ну как же!.. — огорчился Вадим. — Вот наш канал для чего? Чтоб привести в нашу степь воду, чтобы полить ее, напоить досыта. Это и есть мелиорация. Всякие водохранилища, оросительные системы — тоже мелиорация. А для чего? Чтобы вся степь живой стала, колосилась хлебами, пахла цветами... Теперь понял?

— Понял.

— Ну и молодец.

Вадим улыбнулся и на какое-то время задумался, потом обернулся, спросил вдруг:

— Вишен хочешь?

Я удивился и чуточку растерялся.

— Хочу. А что, есть?

— Будут. — Вадим широко провел рукой, указывая на степь. — Тут будут. Вокруг, через шесть-семь лет. И яблони, и груши, и сливы... До отвала с тобой наедемся, а?

Я рассмеялся.

— Ха, да через семь лет моего духа здесь не будет, не то что...

— Убежишь?

— Укачу.

— Куда же это?

Я беспечно махнул рукой.

— А хоть куда! Надоела мне жарница да пыль. Ни речки, ни леса. Пусть живут здесь те, кому все это нравится. Вадим бросил на меня искоса быстрый взгляд.

— Вон ты какой...

— Какой? — вздернулся я, почувствовав в его тоне что-то обидное.

Вадим сосредоточенно двигал рычагами, разворачивая бульдозер, выровнял его, произнес, кивнув влево:

— Видишь вон те круглые кустики?

— Перекати-поле, что ли?

— Их. Тоже вот сидят на родной земле, растут, цветут, а сами поджидают случая, чтобы сорваться с корня и катить неизвестно куда. Гонит их ветер иной раз за сотни километров, пока они не застрянут где-нибудь, да так и останутся там, пока не сгниют...

— Я не перекаати-поле.

— Понятное дело... Но мысли-то какие: «укачу», «надоело», «пусть другие тут живут»... Чуешь, а?

Я не ответил. Ну и разговор получился! Хоть открывай дверцу и выпрыгивай из кабины.

Вадим, не дождавшись ответа, тоже примолк, переключив все внимание на работу. Машина слушалась его, как живая: она то резво разворачивалась, то отступала, то, опустив нож, устремлялась вперед, гоня перед собой огромный земляной вал. Я засмотрелся на Вадима — так спокойно, ловко и красиво работал он. Даже обида прошла.

Вадим повернул ко мне свое загорелое, слегка припорошенное пылью лицо:

— Ну что, отошел маленько? Я не сдержался, засмеялся:

— Отошел!

Вот ведь какой — все замечает, все понимает!

— А я, брат, отсюда — никуда! — произнес он раздумчиво. — Столько работы! Говорят, собираются еще один канал строить, там, севернее, где-то у Бурлы.

И подмигнул мне дружелюбно, совсем по-свойски, будто мы были с ним давно знакомы.

— Вот так-то, подлетьш, дорогой мой Костя Брыскин. Сбежать — штука нехитрая.

В это время мы увидели на высоком ворохе земли Алексея Степановича. Он махал рукой.

— Все, — сказал Вадим, останавливая бульдозер. — Вас созывают. — Хлопнул меня по плечу. — Давай газуй, а будет время — приходи в гости. На вахту. Мы теперь с вами как-никак соседи.

Я кивнул.

— И ты приходи к нам. Ко мне. Некоторые ваши уже давно бывают в Ключах.

— Кто такие?

— Фамилий не знаю. Одного зовут Вова, другого Симочка. Скреперисты-бульдозеристы.

Вадим засмеялся:

— Ну, звонари... Вон один скреперист работает, — ткнул он пальцем куда-то назад.

Я выглянул: там медленно взад-вперед ползал неуклюжий каток, утрамбовывая дорогу.

— Это — Симочка. А Вова укладывает полиэтиленовую пленку... Часто бывают?

— Да будто бы нет. Видел два раза. Симочку. Недавно. С какой-то сумкой. Тяжелой.

Вадим вдруг насторожился.

— С тяжелой? Как узнал?

— Да разве не видно? Нес, едва по земле не волок. А что?

Тут раздались нетерпеливые автомобильные гудки. Я заторопился:

— Побежал... До свидания, Вадим.

— Так приходи.

— Обязательно. Может, на той неделе... В общем, как выберу время.

Однако судьба распорядилась иначе: я прибежал уже на другой день.

Ехали мы к поселку строителей полные впечатлений. Буланка не закрывала рот, восхищалась увиденным, слышалось ее знаменитое «ой, как романти-и-ично!». Эвка сидела у кабины рядом с Колькой Денисовым и с интересом листала его альбом. Пока нам готовили обещанные Георгием Демьяновичем пельмени, Валерий Федорович показывал вахту. Так строители называют свой временный поселок. Он весь состоит из колесных вагончиков: несколько спальных, красный уголок, столовая, магазинчик и даже баня.

Мы быстро обегали безлюдную вахту, осмотрели все, что было возможно, заглянули в каждый вагончик, но ничего особенного в них не увидели. Лишь одно бросалось в глаза — чистота; ни одной койки не заправленной, у окон тумбочки, покрытые белыми салфетками, на них кое-где даже полевые цветы в стаканчиках. И всюду пучочки белесого степного полынка — для запаха.

— Ну все, ребятки, — сказал Микрофоньч, — идемте, нас приглашают к столу.

Прямо на воздухе, под тентом, стояли накрытые столы. А я замешкался. Уже было совсем начал спускаться по небольшой лесенке, да глаза вдруг остановились на фотографии, что висела над одной из коек. Небольшая серенькая фотография, но что-то в ней было такое, что я тут же убрал ногу со ступеньки и вернулся в вагончик. Вернулся и замер в изумлении: на меня глядели три улыбающихся солдата. Двое крайних были в фуражках с лихими чубами и усиками, третий, средний, — в пилотке, а на груди его блестела медаль...

Не может быть! Неужели дядя Максим? Точно — он! И сомневаться нечего. Но как попала эта карточка сюда, на стройку, в этот тесный вагончик, пахнувший полыньком?.. Кто повесил ее тут?

Я почти не притронулся к «фирменным» пельменям — аппетит пропал.

Глава двадцать третья Загадка проясняется

Я долго не мог уснуть — заново переживал нашу экскурсию. Все, что увидел за день, все, что слышал, вдруг нахлынуло на меня, начисто отогнав сон. Но какие бы мысли ни толкались в моей голове, я не переставал думать о серенькой фотографии с тремя молодыми улыбающимися солдатами...

Как она оказалась в вагончике? Чья она? Случайно ли попала туда или чей-то родственник сфотографирован с Юркиным дядей? Чей? Кто? Скорей бы уж утро! Вот ахнет завтра Детеньш, когда узнает про фотографию, вот обрадуется!

Однако утром я передумал: стоит ли волновать человека, пока мне самому ничего не ясно? Вот схожу к строителям, разузнаю все толком — тогда. Дорога на вахту не длинная — восемь-девять километров. Я рассчитал так, чтобы поспеть к часу, когда строителей привезут обедать. Пришел чуть раньше. Первым, кого встретил, был Толян Рагозин. Он сидел в тени крайнего вагончика и со вкусом курил, увидал меня, от удивления даже вскочил и зажал в кулак сигарету.

— Не бойся, — сказал я усмехнувшись. — Не пойду доносить твоему отцу.

— А я и не боюсь, — несколько смущенно произнес Толян и сунул в рот сигарету. — Ты чего сюда?

Меня будто какой бес подтолкнул, брякнул:

— Горючку принес. Симочке и Вове. Очень просили вчера.

Чего угодно я ожидал от Толяна: изумления, улыбки, насмешки, но он отнесся к моим словам вполне серьезно.

— Правильно сделал. Они — хорошие мужики. С ними стоит иметь дело. Особенно с Симочкой. Коронный парень.

— Чем это?

— Услужишь ему — заработаешь. Тебе-то деньги во как нужны. Не дурак — понимаю. Мать в больнице, пахана нет. А я видал, какие курю? — Толян вынул из кармана семидесятикопеечную пачку сигарет «Космос». — Вот так. А на Игоря ты тогда зря кинулся. Парень он что надо. Это он надоумил и помог Симочке, ну и мне, конечно, устроить дело. Бизнес.

Ого, подумал я, Толян и — бизнес! Не иначе Игоревое слово, а может, и Симочкино. Я уже было открыл рот, чтобы спросить, что за дело помог устроить Игорь, как надо услужить Симочке, чтобы покупать такие дорогие сигареты и почему он сидит здесь, но Толян опередил. Он подозрительно оглядел меня с ног до головы.

— А где у тебя горючка?

— Какая горючка?

— Ну, для Вовы и Симочки.

— А! — сказал я беспечно. — Сусликам спойл, пока шел. Гляжу — стоят, бедняги, свистят грустно. Ну я и угостил их, чтобы им жилось веселей.

Рагозин понял — я его разыграл. Но моя шутка не показалась ему остроумной.

— Идиот! Гляди, помалкивай о нашем разговоре. Худо будет.

— Ладно, не пугай. А тебе советую: брось ты этого Симочку, а то навыслуживаешься на свою голову.

Толян хмуро сказал:

— Не твоя забота. Мотай.

Я пошел к кухне, где гомонили две поварихи и переливал воду из конной водовозки в бачки старик с редкой седой бородой.

Строители приехали на своем голубом потрепанном автобусе. Я искал глазами Вадима. Но его не было. Зато Вова и Симочка были тут как тут, соскочили на землю первыми. Они о чем-то тихо перемолвились и быстро пошагали, но не к столовой, а к вагончику, где их поджидал Рагозин.

Симочка случайно обернулся и увидел меня, ахнул, будто от великой радости.

— Кого вижу! Привет, привет, мой юный друг. Не нас ли с Вовой пришел поприветствовать в торжественный момент нашего явления к обеду? Нет?!

Симочка широко развел руками — так огорчил его мой ответ. Строители тем временем не спеша умывались, рассаживались за длинным столом под тентом. Где же Вадим? Тут я услышал треск мотора и оглянулся: к вахте стремительно мчался мотоцикл с коляской. Поравнявшись со мной, он остановился. Мотоциклист сдвинул на шлем очки и на меня глянули знакомые карие приветливые глаза.

— Вадим! — бросился я к нему. — Это чей такой?

— Как чей? Мой.

— Ух, ты!.. Хорошая машинка.

— Хочешь, научу ездить?

— Еще бы!

— Приходи по выходным, всю степь обкатаем. А сейчас зачем прибежал? Лучше бы к вечеру, после работы. Сегодня бы и начали.

Слова Вадима вернули меня к моим заботам.

— По делу я...

— Выкладывай.

— Такая тут штука... Кто вон в том вагончике живет? Нет, нет, во втором справа?

— Наши мастера, прораб... А в чем дело?

— Я вчера видел там фотографию. На стенке она висит... Мне бы узнать: чья она. Очень надо...

Вадим улыбнулся.

— Задача нетрудная. Вон они все обитатели вагончика. А фотография принадлежит мастеру Бачурину.

Я заторопился глазами вдоль стола.

— Это которому?

— Крайний, с усами. Да ты его знаешь. Он вчера вас встречал на нашем участке — Алексей Степанович.

— Да ну?! Так я побегу.

Однако Вадим остановил меня.

— Погоди, дай поесть человеку. Кстати, и нам не мешает пообедать. Как смотришь?

Я слегка струсил.

— Еще вдруг кто поперет, скажет: «Этот-то чего сюда прилез?..»

Вадим захохотал.

— Ну чудак! За кого ты нас принимаешь? Строители — народ гостеприимный.

Мы откатали мотоцикл в сторонку, умылись и сели почти рядом с Алексеем Степановичем. Никто меня не прогонял, никто даже косо не глянул в мою сторону, наоборот, все угощали наперебой.

Нам подали уже компот, когда заявили Симочка и Вова. У Вовы лицо было багровым, глаза покраснели, а под ними набрякли мешки. Симочкины же щеки повяли и пожелтели, словно осенние

листья, на губах застыла длинная неживая улыбка. Они сели с краешку, тихие, стараясь не привлекать к себе внимания, и принялись торопливо хлебать борщ.

Кто-то засмеялся:

— Уже нагорючились!

— Наш авангард!

Вова не поднял головы от стола, будто и не слышал, Симочка же откликнулся:

— Господа, прошу не отвлекать рабочий класс от основной жизненной операции — приема пищи, ибо, как говорил некий известный ученый...

— Ладно, цыц, рабочий класс, — грубо прервал Симочку пожилой строитель, что сидел против меня. — Кажется, скоро придет конец нашему терпению...

Симочка до самого конца обеда больше не произнес ни слова.

Строители вставали из-за стола, расходились, кто к своим вагончикам, кто просто покурить...

Поднялся и Бачурин, глянул на часы, куда-то было заторопился, Вадим остановил его:

— Алексей Степанович, минуточку! Тут к вам гость.

— Что за гость? Где?

Вадим приобнял меня за плечи.

— А вот, Костя Брыскин. Из соседнего села. Из Ключей.

Я смущенно поздоровался. Бачурин кивнул и с любопытством оглядел меня.

— Я слушаю.

Под его внимательным взглядом я еще больше засмутился.

— Вчера, это самое, мы были у вас в гостях и я увидел фотокарточку... Над вашей койкой... Вот и решил, это самое, может, думаю, узнаю что про Юркиного дядю.

Бачурин и Вадим засмеялись. Вадим сказал:

— Да, подлетьш, сразу видно, что из тебя не получится оратор.

А Бачурин добавил:

— Ты, парень, не волнуйся. И не торопись. Никто не гонит. Немного успокоился и рассказал про Детеньша, про его дядю Максима, имя которого почему-то пока решили не ставить в списки

для памятника, дескать, он не погиб, а пропал без вести. А это, мол, еще не известно, что такое...

Бачурин вежливо, но твердо остановил меня:

— Не пойму: я-то тут при чем?

— Вот те на! — выкрикнул я ошалело. — Ну как же, у вас же фотокарточка висит! Точь-в-точь, как дома у Юрки Снопкова. Три солдата и все улыбаются. А тот, что посередине в пилотке и с медалью, и есть Юркин дядя Максим.

Я никогда не думал, что люди могут так мгновенно и сильно бледнеть. Не успел я договорить, как Бачурин стал блее белого, его светлые усы показались даже темными.

— погоди, не части!.. — глухо произнес он и так ухватил меня за плечо, что я даже слегка присел. — погоди, как звали его, этого твоего дядю?

— Не моего — Юркиного. Максим. Максим его звали. Петушков. Он добровольцем ушел воевать. Стихи писал...

— Не может быть... — едва выдохнул Бачурин и оглядел нас так, словно в первый раз видел. — Это же... Это же... Потом вдруг повернулся к Вадиму:

— Заводи мотоцикл. Сбегаем в Ключи, время еще есть. Успеем.

Вадим, должно быть, так и ничего не понял во всей этой истории, потому что недоуменно пожал плечами, однако расспрашивать не стал, пошел к мотоциклу.

Вскоре мы уже катили по нашей «главной» улице. Вот что значит техника! Это не пешком шлепать.

Через минуту мы уже остановились возле усадьбы Снопковых. Бачурин спрыгнул с мотоцикла и, не дожидаясь нас, вошел во двор. Я бросился за ним.

Дома был один Детеньш. Он сидел возле сенок, чистил картошку, недовольный и сердитый. В последний год ему особенно достается: две старшие сестры одна за другой повыходили замуж, а третья, Санька, уехала в Барнаул поступать учиться в педагогический институт. Теперь все домашние дела перешли на Детеньша. Оттого он еще сильнее страдает и нервничает.

Увидав меня с двумя неизвестными мужчинами, Детеньш осторожно положил в кастрюлю нож, поднялся и медленно вытер руки о штаны.

— Здравствуй, хозяин, — сказал Бачурин. — Можно в гости?

— Можно, — неуверенно произнес Детеньш, забыв поздороваться, и вопросительно глянул на меня. Я подмигнул ему, подтолкнул к дверям. Мы вошли в дом. Бачурин быстро огляделся.

— Где фотография?

Я кивнул на горницу.

— Там.

Он торопливо заглянул туда и сразу же увидел фотокарточку.

— Да, это она, — взволнованно воскликнул Бачурин. — Значит, здесь он и жил, наш Петушок?

— Какой еще петушок? — хмуро переспросил Детеньш.

— Максим Петушков...

— Вы воевали с дядей Максимом?!

Бачурин тихо ответил:

— Да, милый, да... Это был мой друг.

Глава двадцать четвертая «Эх, спасибо, Брыська...»

Сегодня — суббота. Все ребята, да что там ребята — многие взрослые ждут не дождутся пяти часов. На это время в лекционном зале нашего еще не совсем устроенного музея назначена встреча с Алексеем Степановичем Бачуриным.

Весть о том, что мастер строительного отряда, который пробивает в нашей степи канал, воевал вместе с Максимом Петушковым, быстро облетела село. Каждому хотелось увидеть самого Бачурина и, конечно же, послушать о боевых делах своего земляка. На небольшом столике, покрытом красным, Микрофоныч разложил тетрадь со стихами, пожелтевшую газету, где эти стихи печатались, и уже знакомую фотографию — все, что осталось как память о дяде Максиме.

Эвка с девчонками нарвала полевых цветов, и теперь разноцветные букетики украшали и трибуну, и столик, и подоконники.

К полудню все было уже готово к встрече, оставалось только ждать Бачурина. А это-то оказалось самым трудным, особенно для Юрки и его родни.

Детеньш просто изнывал от нетерпения, каждые полчаса приставал ко мне:

— Слышь, Брыська, не съездить ли нам за Бачуриным, а? Может, попросить у председателя машину и сбегать? А то вдруг Бачурин забыл, а?

Я даже рассердился:

— Да уймись ты! Сиди и жди.

Но Детеньш ни сидеть, ни ждать уже не мог, срывался и бежал куда-то, чтобы снова и снова рассказывать встречному-поперечному про Бачурина все, что знал и что нафантазировал. Вот уж никогда не подумал бы, что Детеньш может стать вдруг таким болтуном!

Смотрел я на Детеньша, как он мечется, не находя места, а у самого на сердце была такая тоска — не сказать: вчера вечером получил письмо от мамы. Худо ей. Пишет, что все-таки, наверное,

будут делать операцию. Как всегда, она беспокоилась о доме, об огороде и очень сильно обо мне: здоров ли, сыт ли...

Ох, как мне надоело одному, как осточертела столовская еда и моя глазунья! За время, пока мамы нет дома, я, наверное, съел уже столько яиц, что хватило бы в другой раз на десятерых. Правда, наши соседи часто зовут меня к себе то обедать, то ужинать, да я не очень-то разбежался — стесняюсь. Никак не могу есть у чужих. Раз пошел к Зое Павловне позавтракать, очень уж просила. Едва я взялся за ложку, она села напротив, уставилась жалостливо и принялась так вздыхать, будто я у нее не есть собрался, а помирать. Хлеб в горле застревал, не знаю, как и отмучился.

Да и не в еде дело. Я готов целый год есть столовские щи и свою глазунью, только бы мама поскорей вернулась домой...

В конце письма она написала: «Костенька, я так измучилась, так истосковалась... Очень хотела бы взглянуть на тебя хоть краешком глаза. Найди время, сыночек, приезжай. Попроси Василия Кузьмича, он даст машину, не откажет. Жду тебя, мальчик мой, очень жду...»

Я всегда считал, что люблю маму, что готов для нее сделать все, что возможно. Помочь, защитить, жизнь отдать. Только бы представился случай. И вот она заболела... Все мои мысли — о раскопках, разъезжаю по экскурсиям, с городским пижоном счета свожу, музейными делами занимаюсь. А мама одна, больная, страдает, за меня тревожится, переживает. И плачет! Конечно же, плачет. И меня нет.

Я представил ее глаза, лицо, мокрое от слез, и даже застонал. «Найди время, сыночек, приезжай...». Ах, какая я скотина, какой... Защитил! Помог! Не нашел дня навестить ее.

Жалость, раскаяние и еще уж не знаю что заполнили сердце — не вмоготу. Завтра, завтра же утром поеду к ней. На автобусе, на попутке, хоть пешком пойду...

Поднял голову, а возле музея уже полно ребят — не заметил, как и поднабрались. Галдят, спорят: когда приедет Бачурин, с какой стороны и на какой машине. Не доспорили, откуда-то примчался Алька Карасин, глаза шальные, выдохнул хрипло:

— Приехал!..

Ребята заволновались:

— Когда? Где он?

— В сельсовете... С председателем разговаривает... И Микрофоньч там... Орденов — куча!..

Ребята, не сговариваясь, ринулись к сельсовету. Однако с полпути вернулись: Бачурин с Иваном Саввичем и Микрофоньчем уже шли к музею, окруженные таким плотным кольцом — не подступиться. Однако Детеньш пробился и зашагал рядом с Бачуриным, гордый и счастливый.

У Бачурина и в самом деле на груди поблескивало несколько орденов и медалей. Я стоял в сторонке, поджидая, когда все войдут в помещение. Вдруг кто-то тронул меня за плечо, я вздрогнул, оглянулся — Вадим! Улыбается, поглядывает чуть прищуренными глазами.

— Вот так да! Откуда взялся?

— Решил тебя попроведать, а попутно и Алексея Степановича привез. Не рад, что ли? Вишь, невеселый какой.

— Рад...

— Тогда почему же губы книзу?

Я вынул из кармана мамино письмо, протянул Вадиму — чего говорить-то!..

— Да, брат... — только и сказал он, сворачивая письмо. — Ты вот что: жди меня завтра, ну часам к десяти. Отвезу к маме. А пока не трави себя. Завтра разузняем что и как: может, операция пустяковая...

Как бы там ни было, но мне стало немного полегче и посветлей.

Лекционный зал был уже полон, все скамейки заняты. Мы с Вадимом пробрались к одному из окон и уселись на подоконнике. Отсюда было хорошо видно и трибуну и зал. Я огляделся. Ого, сколько народу. Одной Юркиной родни поднабралось человек пятнадцать. Были тут и все наши учителя, и библиотекарьши, и работники Дома культуры. В первом ряду восседал важный и празднично одетый дед Ишутин. Увидел я отца нашего председателя колхоза Батракова Кузьму Игнатьевича при всех трех орденах Славы. Он сидел, тяжело опершись обеими руками на палку. Не часто нам доводилось видеть его при наградах. А тут надел. И пришел. Болеет и все-таки пришел.

Увидел Игоря и Толяна Рагозина. На этот раз они вели себя вполне нормально, сидели смирно и не насмешничали. Говорил один Рагозин, а Игорь нетерпеливо рыскал глазами по залу, должно быть, искал Эвку. Когда увидел — даже щеки вспыхнули. С этой минуты он

то и дело украдкой бросал на нее быстрые взгляды, почти не слушая и не отвечая Толяну.

А люди все подходили и подходили, пристраивались в проходах и у стен. Последним пришел Ракурс, Аркадий Львович, со своим портфелем, растерянно огляделся: куда податься? Кто-то потеснился, освободив ему место. Аркадий Львович присел на краешек скамейки.

В это время появился Бачурин. Все, кто был в зале, разом поднялись и зааплодировали. Алексей Степанович не ожидал этого, растерялся, заулыбался смущенно и как-то виновато. Он медленно прошел к трибуне и никак не мог начать говорить — так разволновался. Вдруг в тишине раздался негромкий глуховатый голос:

— Не робей, солдат, здесь все свои!..

Это сказал Кузьма Игнатьевич. Бачурин благодарно кивнул ему.

После дружеских слов Кузьмы Игнатьевича, он, видимо, почувствовал себя уверенней и свободней. Коротенько рассказал о себе, о строительстве канала, а потом, чуть помедлив, заговорил о войне. Ребята сразу притихли, наострили уши: только и ждали этого.

— Служил я в разведке, а разведчики, как у нас говорили, — глаза и уши командования. Всегда впереди армии. Перейти фронт, добыть секретные сведения, взять «языка», взорвать какой-нибудь важный объект — прямое дело разведчика. Так что первая пуля врага всегда для него, для разведчика. Потому и брали в разведку что ни на есть самых боевых ребят, ну и, само собой, физически крепких. И вот однажды, это было летом сорок четвертого года, наш полк стоял тогда перед Минском, пришел к нам новенький. Этаким солдатик небольшого росточка, беленький, хрупкий. Ну и разведчик, подумали мы, да его любой, самый хилый фашист одолеет. Неужели во всем полку не нашлось никого более подходящего? Только зря мы поторопились осудить его. Снял солдатик свою шинелишку, а на груди — медаль «За отвагу»! Смутились мы, не глядим в глаза друг друга — совестно. У нас-то, у большинства, еще не только никаких наград не было, но даже стоящего перехода за линию фронта не числилось. Молодые, только-только воевать начинали. А этот солдатик, оказалось, на фронте уже около года (срок немалый для войны), успел двух «языков» добыть, получить ранение, отлежать месяц в госпитале, получить медаль, снова вернуться на фронт. Вот так мы и познакомились с Максимом Петушковым. Но по имени или по

фамилии у нас его мало кто знал, разве что командир. Атак все: Петушок да Петушок. А Максим и впрямь был задиристый, собранный, живой: ни часу без шутки-подначки, без песни, без улыбки. Мы любили его...

Я забыл на время о своих горестях: приятно, когда о твоём односельчанине говорят так хорошо! Посмотрел в зал — как там народ? Всем, видимо, тоже нравилось, что и как рассказывает Бачурин: слушали его, то тревожась и хмурясь, то улыбались, весело переглядываясь друг с другом.

А Бачурин рассказал о том, как они ходили в разведку, как перебирались за линию фронта, как брали «языков», как в коротких и яростных схватках с врагом теряли своих товарищей, что почти во всех боевых вылазках участвовал Максим Петушков и не было разведчика смелее и надежнее его.

— Он, нам казалось, совсем не боялся смерти. По крайней мере никто из нас ни разу не видел, чтобы он в какой-то опасный момент растерялся или спасовал. Наоборот, всегда подбадривал, говорил: «Не трусь, ребята, для нас еще не отлита фашистская пуля». Однако смерть уже ходила где-то рядом с нами... Как-то раз к нам в блиндаж пришел командир, пасмурный, озабоченный. Мы сразу смекнули: не иначе предстоит какое-то особое серьезное дело. И точно: оказалось, срочно нужен «язык» и не просто какой-нибудь рядовой фриц, а офицер, желательно постарше чином.

На поиск мы пошли впятером. Командиром группы был назначен старшина Силантьев, был у нас такой архангельский мудрый, неразговорчивый мужичок. Не стану я рассказывать о том, как мы перебирались на ту сторону фронта, как четверо суток хоронились по немецким тылам, выслеживая подходящего фашиста. Расскажу о главном...

Бачурин примолк, и в наступившей тишине не слышно было даже шороха, лишь позванивали медали Кузьмы Игнатьевича Батракова. Детеньш сидел рядом с дедом Ишутиным, весь подавшись вперед, словно Бачурин тянул его к себе невидимыми нитями.

— Мы отыскиали своего фашиста, — произнес Бачурин. — Это был капитан, худой, узкоплечий, однако же оказался крепким: не смогли взять без шума. Началась суматоха, пальба. И дело наше сразу пошло кувырком. Силантьев приказал троим: мне, Максиму и Феде

Чугунову, самому могучему хлопцу нашей разведки, по-быстрому уводить пленного, а сам со своим товарищем-земляком остался прикрыть нас. Уводить-то уводить, а куда? Дорога, по которой мы должны были возвращаться, оказалась перекрытой. Мы замешкались. Силантьев махнул рукой вправо, где тянулся неглубокий овраг, выкрикнул: «Туда и к лесу! Быстро!» Мы бросились к оврагу, гоня перед собой пленного. Пока наши товарищи вели бой, мы успели добраться до леса. Остановились передохнуть. Позади все еще гремели выстрелы. Но вот прострочила последняя какая-то куца очередь и все смолкло. Каждый понял: друзей нам не дожидаться. Мы шли всю ночь, а к утру выбрались к какой-то небольшой полуразбитой деревушке. Сверились по карте — Малые Комарики. Максим присвистнул: «Ого, вот это дали крючок! Теперь до вечера разгибать придется». И только он сказал это, за кущей деревьев послышался мотор автомашины. Гуденье быстро приближалось и, наконец, где-то близко оборвалось. Мы замерли: кто? Но долго гадать не пришлось: раздались немецкие команды, крики солдат. Облава! Мы переглянулись: что делать? Максим нашелся первым: «Надо обходить деревню с другой стороны. Вот тут, по этим кустам». И мы побежали, подгоняя своего фрица. Но едва пробежали метров двести-триста, как позади захлопали выстрелы. Я оглянулся и тут же почувствовал удар в плечо. Упал. Ко мне подскочил Максим, спросил: «Двигаться сможешь?» — «Не знаю, — говорю, — попробую». Поднялся, будто ничего, только пошатывается. «Ну, а теперь, — произнес Максим, — жмите, ребята, сколько сил хватит и во что бы то ни стало доставьте фрица к своим. А я... Попробую подольше задержать гадов. Бегите...» Спорить не приходилось... Мы бросились вперед, а Петушок наш остался...

Бачурин умолк, глядя куда-то в окно.

— Пленного мы доставили к своим. Живым и невредимым. Федя продолжал воевать, а меня отправили в госпиталь... За этот поиск нас наградили. Дали по «Звездочке». — И Бачурин невольно тронул на груди алый орден Красной Звезды.

— И все? — тихо выдохнул Детеныш, но все услышали его голос, полный отчаянья и надежды. — Вы больше ничего не знаете про дядю Максима?

— Знаю, Юра, знаю... После госпиталя я возвращался на фронт. Уже по освобожденной земле, по тем местам, где мы вели свой последний поиск. Я хотя и спешил в часть, однако не смог проехать мимо Малых Комариков. Я долго бродил по кустарнику, где мы прятались, а потом уходили от облавы, нашел место, где принял последний бой наш Петушок. Это была небольшая котловинка, усыпанная стреляными, еще не успевшими поржаветь автоматными гильзами. Посидел там, подобрал несколько гильз и отправился в Малые Комарики перехватить какой-нибудь попутный транспорт. От деревни мало что осталось, но люди жили, уже понастроили землянок. У крайней землянки я повстречал двух мальчиков лет семи-восьми, спросил, когда, мол, они успели сюда приехать да еще соорудить такое прочное жилье. Один из них, худой белобрысенький, этак снисходительно ответил: «А мы и не уходили отсюда». — «Как, совсем?!» — «А чего ж, — говорит, — мы в погребе отсиделись, а как наши пришли — выбрались». Я вдруг, сам не знаю почему, спросил: не помнят ли они, как за несколько дней до нашего наступления там, за селом, где у них широкий кустарник, шел бой. «А чего ж, — снова проговорил белобрысенький. — Знаем. Это наш солдат по полицаям палил. Там он лежит, вон под березкой». — «Как то есть лежит?» — не понял я, а у самого сердце замерло. «Понятно как — схороненный». Боже мой, я, как сумасшедший, бросился туда, к березке, что стояла на входе в деревню. Еще издали увидел бугорок, а над ним невысокий столбик с перекладиной на манер креста. На той перекладинке было выведено химическим карандашом: «Здесь лежит советский солдат-герой Максим Петушков. Вечная ему память». Спрашиваю белобрысенького: «Кто его хоронил?» — «А все хоронили, — говорит. — А главное тетка Кораблева. У нее даже пилотка его хранится. Тетка Кораблева рассказала, что нашла Максима на другой день после стрельбы. Нашла случайно в брошенном полузасыпанном погребе, куда он, израненный, забрался, чтобы не попасть в лапы карателей. Тетка Кораблева застала его еще живым, он успел назвать ей свое имя...»

Мы слушали Бачурина, не шевелясь и не дыша: вот это история! Пожалуй, похлеще иных приключенческих книг. Даже ордена и медали Кузьмы Игнатьевича Батракова на какое-то время перестали позванивать, Юркина мать и тетки беззвучно плакали — боялись

помешать Бачурину. Один лишь дед Ишутин то и дело ерзал по скамье, видимо, хотел задать какой-то вопрос, да никак не решался.

А Детеньш сидел все так же напряженно и неподвижно, подавшись вперед, и глядел, глядел на Бачурина, словно ожидая от него еще каких-то слов, может быть, самых главных. Но тот тихо и устало произнес:

— Ну вот и все... — Помолчал несколько, будто припоминая, не забыл ли чего сказать, повторил: — Да, все... Когда прощались, тетка Корблева, Мария Никифоровна Корблева, вручила мне это...

Бачурин медленно вынул из кармана небольшой пакет, так же медленно развернул его и все мы увидели выцветшую пилотку с алой солдатской звездочкой.

— Беспокойная у меня профессия. Куда только не забрасывает она, но я всюду вожу с собой эту память о моем друге, святую для меня вещь. Сегодня она, наконец, нашла свой постоянный дом... Я передаю ее вам, дорогие товарищи.

Что тут началось! Ребята заорали «ура», запрыгали, забили в ладоши. Взрослые переговаривались, улыбались, кто-то вытирал платочком глаза. Аркадий Львович вскочил, обернулся к Ивану Саввичу, сияющий, улыбочивый, произнес:

— Ну вот и еще одно доброе имя спасено для истории!..

И хотя Ракурс широко улыбался и сказал хорошие слова, в моем сердце невольно жила к нему какая-то неприязнь. Я не мог забыть, как он сказал тогда о дяде Максиме: «...Не пал смертью храбрых, а пропал. Что такое пропал? Вы мне можете объяснить?..»

Вдруг ко мне подошел Детеньш:

— Спасибо, Брыська... Костя... Эх, спасибо... Это все ты... Друг...

Я даже растерялся.

— Да брось ты, Юрка. Чего уж там, это самое...

Однако Детеньшево спасибо оказалось для меня больше, чем любая награда...

Глава двадцать пятая Мама

Вадим заехал за мной, как и обещал, в десять утра, а в половине двенадцатого мы уже были в райцентре. Я побежал к маме, а Вадим остался во дворе, у мотоцикла: что-то не ладилось с мотором.

— Ты жми, — сказал он, — а я пока разберусь, в чем тут дело. И не торопись, спешить некуда. Хоть до вечера...

Когда я вошел в палату — растерялся: где мама? С четырех коек на меня глядели, как мне показалось, совсем одинаковые бледные и худые женщины. Но вдруг встретил глаза, такие родные и ласковые.

— Мама!..

Я бросился к ней.

— Ты чего такая? Может, кормят плохо? Так я, так мы...

Мама торопливо гладила меня по голове.

— Хорошо меня кормят, сынок, хорошо... Ты не беспокойся... Просто мне не хочется есть... — И тут же другим голосом, немного удивленным и радостным: — Как ты вырос, милый... Совсем взрослый. А брови выцвели... И веснушек нынче больше...

— Мам, может, домой, а? Чего ты так долго тут? Дома, может, получше... Я за тобой ходить буду, а?

— Теперь уж скоро, Костенька... Вот сделают операцию и — домой. Заживем с тобой!.. Хорошо заживем. Ты у меня теперь вон какой — хозяин...

— А когда сделают операцию?

Чуть запнувшись, мама ответила:

— Скоро... На днях... На той неделе, наверное.

Я вздохнул и стал рассказывать и про экскурсию на строительство канала, и про Вадима, и про встречу в нашем музее с Бачуриным.

История о дяде Максиме ее очень тронула. Мама все время удивленно произносила: «Что ты говоришь?! Неужели?!..» А вот новость о том, что мы создали музей, неожиданно расстроила ее.

— Боже мой, — тихо и горько проговорила она, — как я, оказывается, давно из дому... Жизнь идет, а я все лежу и лежу. Ох, до чего ж соскучилась по работе, по Ключам нашим... Просто слов нет...

Но тут же улыбнулась слабо:

— А как у тебя идут раскопки? Наверное, уже добрался до своих «древних ценностей»? Не забыла!

— Да нет, не добрался. Тяжеловато одному. Сейчас там Микрофонч... Семен Митрофанович командует. Я все рассказал ему про Желтый курганчик. Быстрее раскопаем, да и веселее, когда все вместе...

Мама легонько сжала мою ладонь.

— Хорошо, сынок, правильно поступил. В одиночку ни дела, ни радости. Жизнь не любит таких людей: всегда они жалкие, несчастные.

Она помолчала, снова и снова разглядывая меня, будто сроду не видела, положила мне на плечо легкую исхудавшую руку.

— Скоро тебе в школу, а нового костюма так и не купили. Ведь еще весной говорила: пойдем возьмем...

— Ладно, пока в старом похожу.

— И учебники, поди, не думал покупать?

— Успею. Ты, мам, хоть об этом не переживай.

— Ну как же, милый, восьмой класс серьезный — тоже выпускной. Костенька, прошу тебя: берись за учебу с первого же дня и по-настоящему. Ведь этот год станет... ну, предварительной проверкой, что ли, не только твоих знаний, но и твоей готовности держать экзамен еще главнее — на аттестат зрелости. Мне неловко подгонять тебя да повторять надоевшие истины. Ведь ты вон какой большой. Наверное, и ростом уже догнал меня?

— Обогнал, — засмутился я. — На один сантиметр.

Маме было тяжело говорить, она заметно притомилась, капельки пота заблестели у нее на висках. И все-таки она засмеялась, не скрывая этой своей радости и гордости, и обернулась к своим подругам, видали, мол, как вымахал мой сынок? Женщины участливо глядели на нас, тихонько улыбаясь — сочувствовали маме.

Я сначала очень стеснялся их, разговаривал с оглядкой, а кое о чем даже рассказывать не решался. Потом понял: они уже давно знают все и про меня, и про весь наш колхоз, и перестал стесняться.

Мама снова повернулась ко мне, продолжая улыбаться.

— Ну как, Костенька, ты все еще не надумал, кем хочешь стать?

Этот разговор у нас с мамой давнишний. Каждый год она по несколько раз выпрашивала меня, что я думаю делать после школы.

Ей очень хотелось, чтобы я поступил в сельскохозяйственный институт и непременно бы стал, как и она, агрономом. А я не очень-то торопился задумываться над своим будущим, таким неясным и таким далеким. Отмахивался:

— Там будет видно.

Одно твердо хотел — в армию! И не куда-нибудь, а в авиадесантные войска. Сейчас мне пришлось ответить то же самое.

— Впереди еще полно времени. Придумаем чего-нибудь...

На этот раз мама вдруг огорчилась, как никогда раньше.

— Что же ты, Костенька?.. Пора бы уже решить. Это так важно для меня, просто необходимо, если бы ты знал...

Я пожал плечами:

— Да почему, мам? Чего торопиться? Мне еще вон сколько учиться — целых три года! Говорю — успеем, придумаем.

Мама растерянно глянула на меня, будто я ее очень озадачил. И сказала:

— Да, да, сынок... Ты прав: еще три года... Целых три года. Боже мой, как это много...

И вдруг прижала край подушки к лицу и заплакала. Я испугался, схватил ее руку.

— Мам, ты что?! Мам? Не плачь. Хочешь агрономом — так агрономом! Я постараюсь!..

Я все прижимал мамину руку к себе, будто это могло принести маме облегчение. Наконец мама успокоилась.

— Ну вот, кажется, прошло... Видишь, какая я стала плакса...

А потом сказала:

— Третьего дня у меня Батраков был... Мы с ним много и хорошо поговорили. И о тебе тоже.

Я лихорадочно стал перебирать в памяти: что же я такого натворил, чтобы надо было обо мне говорить с самим председателем колхоза? Мама поняла.

— Нет, нет, не волнуйся. Просто Василий Кузьмич обнадежил и очень успокоил меня. Он пообещал, что всю заботу о тебе возьмет колхоз. Сколько это будет необходимо. Так что ты, сынок, знай и если придет такая нужда, обращайся прямо к Батракову.

Я обиделся:

— Все время говоришь, что я уже большой, а сама мне нянек ищешь. Обойдусь. Дома у меня полный порядок. Приедешь — увидишь.

Мама отвела глаза.

— Боюсь, не скоро увижу...

Я растерянно посмотрел на маму: что с ней? То убеждает, что скоро вернется домой, то вдруг такие слова.

— Почему не скоро?

— Мало ли... После операции полежать придется, сам понимаешь. Поэтому и беспокоюсь. Был бы у тебя еще кто-нибудь близкий — бабушка, тетка, дядя, может, я и поуверенней себя чувствовала. А то — никого! Двое нас на всем свете. Случись что со мной, как жить будешь? К кому голову приклонишь?

Я молчал. Что тут скажешь?

— Послушай, Костенька, — голос мамы совсем упал, едва слышен. — Может, с отцом увидишься, поговоришь? Какой он ни есть, а отец, родной человек: может, посоветует что, поможет в трудный час, а?..

Впервые за два года она заговорила о папке, да еще вот так. Это поразило меня больше всего. Неужели ей так худо? На моем лице, видимо, отразилось что-то, мама вдруг замолчала, притянула меня к себе, прижалась к моей щеке.

— Все обойдется, милый, все будет хорошо... Просто я сильно устала и соскучилась... Вот и лезет всякое в голову.

В палату заглянула сестра, сказала, что больным пора готовиться к обеду и отдыху. Это значило, что мне надо уходить. Мама вздрогнула, но не отпустила, а еще крепче прижала к себе, словно меня кто-то хотел отнять. Она торопливо поцеловала в лоб, в щеку, в нос, потом отстранила немного, заглянула в глаза, улыбнулась и снова принялась целовать...

— Ну, ты чего, мам? Я теперь часто буду приезжать к тебе, каждый выходной... Вадим мне так и сказал. На весь день. А ты... А ты, будто я на целый месяц уезжаю...

Уходил я с тяжелым сердцем. Все мне почему-то казалось, что я чего-то не понял и не сказал маме. Самого главного не сказал. И это мучило меня, хоть возвращайся.

Вадим ходил вокруг мотоцикла с тряпкой и натирал и без того сияющие детали. Увидел меня, забросил тряпку в передок коляски, спросил участливо:

— Перерыв на перекур?

— Нет, все, Вадим...

— Мог бы еще погостить. Я же говорил: хоть до вечера... Значит, заводить Коломбину?

Он почему-то называл свой мотоцикл Коломбиной. Я кивнул.

— А по какой причине у тебя опять губы книзу?

Я поднял глаза: Вадим сам-то был сумрачный, невеселый. Все он понимал.

— Худо, Вадим, очень...

— Знаю — никакие утешения не помогут. Сам пережил такое. Но, — он слегка ткнул кулаком меня в грудь, — но это не значит, что надо опускать крылья. Ты хоть и подлетьш, но все равно мужчина. Так держись, черт побери! Держись, Костя, потерпи: поднимется мама. Операцию сделают и поднимется. А операция, кстати, не очень уж сложная.

Я недоверчиво взглянул на Вадима.

— Откуда знаешь?

— С главным врачом разговаривал. Он обнадежил. Ничего, говорит, страшного. Через неделю-другую после операции встанет.

— А операция когда?

— Операция-то? Так... В пятницу, кажется. Ну да, в пятницу. А в воскресенье мы нагрянем. Добро?

Приехали мы в Ключи, когда солнце уже почти касалось горизонта: носились по степи. Забрались куда-то далеко-далеко, увидели небольшой колок — островок из березок среди пустой равнины, улеглись там на прохладную зеленую траву, какая растет у нас только по веснам. Лежали и глядели сквозь листья на далекое блеклое, словно выцветшее, небо; следили, как в нем лениво плавал коршун.

Разговаривать не хотелось. Я думал о маме. Не выходили из головы ее разговоры об отце и моей будущей профессии. Ну, о папке ладно, все как будто понятно: мама беспокоится, что я так надолго остался один, и боится, чтоб со мной ничего плохого не случилось. Но почему ее так сильно огорчил ответ, что у меня впереди полно

времени и мы еще успеем с ней подумать о моем будущем? Что я такого сказал? Почему она заплакала, да еще так горько? Ведь времени и вправду полно — целых три года! Мама сама потом повторила: «Три года, как это много...».

Внезапно я подумал, а что, если маме именно сейчас, когда так тяжело и трудно, хотелось услышать ответ на свой вопрос? Может быть, от этого ей стало бы лучше? Она сказала: «Это так важно для меня!..»

Я стремительно сел, словно в спину толкнула пружина. А я? Вместо того чтобы постараться успокоить ее, продолжил, как безмозглый попугай, свое «успею»!

Вадим повернул голову, поглядел на меня внимательно, но ничего не сказал. И только, когда я снова прилег, вздохнул неожиданно:

— Однако пора ехать... А жаль. Хорошо тут. Верно?

— Хорошо, — ответил я, хотя меня уже не радовали ни березки, ни прохлада.

— Вот я и говорю, — словно бы продолжая разговор, проговорил Вадим, — дай нашей степи вволю воды — через три-четыре года не узнаешь. Нам уже не понадобится с тобой накатывать сотню километров, чтоб найти вот такую тень и зеленую траву... Все будет под боком.

Вадим уже взялся заводить мотоцикл, когда я неожиданно для себя спросил:

— А в этой эспетэушке долго учиться?

— В какой эспетэушке?

— Ну, в которой ты учился.

— А, в училище мелиорации!.. Три года. А что?

— Ого! — произнес я. — Училище, а так долго.

Вадим нахмурился, сказал грубовато:

— Не пойму — чего огогокаешь? Ты, может, училище спутал с какими-нибудь трехмесячными курсами кройки и шитья?

О ПТУ я никогда не думал и не интересовался ими. У меня была одна забота — во что бы то ни стало закончить десять классов, а там, дескать, все само собой утрясется, то самое проклятое «успею». Поэтому на вопрос Вадима я лишь пожал плечами и, видимо, очень пренебрежительно, потому что Вадим обиделся не на шутку.

— Ишь ты, мальчик с чистоплюйским гонором! Значит, по-твоему, училище — дело третьего сорта? Для менее достойных? Так, что ли?

Я молчал: во-первых, ничего подобного не считал, во-вторых, не ожидал такой горячей и неожиданной отповеди. Вадим, видя мою растерянность, смягчился.

— Училище для многих — родной дом: и кормит, и одевает, и учит. Когда мои товарищи, с которыми я учился в школе, сдавали экзамены за десятый класс, я уже имел профессию, тот же аттестат зрелости, да еще и шоферские права: в нашем училище каждый должен был уметь водить машину... Вышел, как говорится, вооруженный до зубов: хочешь — иди работай, хочешь — работай и учись дальше, в техникуме, в институте, где пожелаешь. Вот она какая, эспетэушка! Так что ты зря пожимаешь плечами да кривишь губы.

— Я не кривлю...

— Не ты, так другие такие же подлетьши... — Вадим резко дакнул стартер, мотор взревел. — Садись! И не дуйся. Я — любя... — Улыбнулся, подмигнул и рванул с места в карьер.

Глава двадцать шестая Неожиданный гость

Я уже позавтракал и заканчивал прибирать комнаты, когда пришел запыхавшийся Детеньш.

— Наконец-то дома! — выкрикнул он довольно. — Здорово! Ты где вчера пропадал весь день? Я аж три раза забегал, а тебя все нет и нет.

— А что случилось?

— Да ничего такого... Эвка спрашивала. Мы как раз на Желтый курганчик собирались, а она все: позови да позови.

— Зачем, не знаешь?

— Нет. Сказала только: очень нужно.

Я разволновался: для чего понадобился Эвке, да еще и очень? От нетерпения готов был тут же сорваться и бежать к ней. Но спросил:

— Ну, как там курганчик? Работали уже?

— Ого-го! — радостно выпалил Детеньш. — Еще как! Вот пойдешь — поглядишь, что стало с Желтым курганчиком. Микрофоныч две смены установил. Десять человек работают с утра, остальные с обеда. Я — с утра. А ты в какую пойдешь?

— Не знаю, решу еще...

Детеньш глянул на будильник, что стоял на серванте, испуганно округлил глаза.

— Ого! Мне пора. Ждут. — И уже от дверей напомнил: — Так ты зайди к Эвке на всякий случай, может, что важное.

Дверь с силой захлопнулась, но тут же снова открылась, в щель всунулась Юркина голова.

— Она у нас за бригадира, когда Микрофоныча нет. Работает то в первую, то во вторую смену.

И дверь снова захлопнулась.

Ну как же! Понятно — Эвка! Кто же еще? Брыскин-то ведь к Желтому курганчику никакого отношения не имеет, так, сбоку припека. Но ни обиды, ни зависти и никаких других особых чувств не шевельнулось в моем сердце.

Было уже десять. Я стоял в раздумье: куда идти? К Эвке или на Желтый курган? Очень хотелось увидеть, как ведутся «по-научному»

раскопки и что уже сделали ребята. Однако я все-таки решил сначала забежать к Эвке.

Ее дома не оказалось. Эвкина бабушка сказала, что она пошла к матери на работу. Я отправился туда же. Дорогу выбрал самую короткую: не по улице, а меж огородами, через пустырек, на котором одиноко торчала прокопченная до черноты кузница со станком дляковки коней. Кузница была давно заброшена, но коней тут ковали до сих пор.

Когда я вышел на пустырек, услышал Эвкин голос. Она кого-то там ласково и нежно уговаривала:

— Киса, кисонька!.. Ну не упрямься. Встань вот тут... Какой ты умненький и красивенький. Хочешь, я тебя поцелую?

Сердце у меня гулко забилося. С кем это она так? Я сжал кулаки. Воображение разом нарисовало смазливое лицо Игоря, который стоит против Эвки и ехидненько улыбается. Неужели простила его? Неужели... Я не додумал, решительно бросился за кузницу. Заглянул и застыл остолбенело: в зарослях лебеды с каким-то отрешенным видом стоял мой старый знакомец — тощий и мосластый Валет. Эвка гладила его длинную морду с уныло отвисшей губой и пыталась подтолкнуть к лежавшей на боку железной бочке. Вот так киса! Вот так красивенький! Ничего не скажешь!..

Эвка, увидав меня, несказанно обрадовалась, попросила, будто я специально для этого и пришел сюда:

— Помоги мне сесть на него.

— Зачем?!

— Прокачусь маленько. Дедка Ишутин попросил пригнать его на конюшню... Я уже, наверное, полчаса мучаюсь и никак не могу забраться. Не подходит он к бочке и — все.

Я засмеялся, ухватил Эвку за ноги и подкинул на спину коня. Усевшись удобней, она воскликнула радостно:

— Ой, как высоко и смешно!

— Ты не вертись, а то слетишь, тогда будет смешно...

Я побродил вокруг кузни, нашел обрывок веревки, сделал повод, сказал Эвке:

— Ну, поехали. Держись за гриву, да покрепче. И повел Валета за конец веревки. Так и добрались до конюшни. Эвка была в восторге.

— Ой, Костя, как славно! Обязательно научусь ездить. По-настоящему.

— Скажи, чего искала меня вчера?

— И вправду! Только не я, а Семен Митрофанович... То есть я по его просьбе.

Я хотел было съязвить, что, мол, не понадобился ли ему еще один бригадир на всякий случай, да удержался.

— Вот уж не думал, что когда-нибудь нужен буду Микрофону. Эвка нахмурилась:

— Терпеть не могу, когда вы называете Семена Митрофановича Микрофону. Особенно ты... Он получил письмо от Антона Юльевича Сосницкого... Ну, твоего знакомого археолога. Там тебе большущий привет.

Это было интересно и приятно. А главное, совсем неожиданно.

— Мне? Большущий?! Откуда он узнал про меня?

Эвка замахала руками.

— Не знаю, Костя, не знаю. Спроси у Микрофону, то есть...

Но не договорила, засмеялась и побежала в ветпункт.

Все оказалось просто: Микрофону разузнал крымский адрес Антона Юльевича, написал ему туда письмо. В этом письме было сказано и про меня. И вот вчера пришел ответ... Микрофону протянул мне листок, кивнул:

— Читай, если в каникулы еще не разучился грамоте.

Письмо было коротким.

«Милый Семен! Ты своим письмом влил мне столько сил и бодрости, сколько не могло дать ни Черное море, ни крымское солнце.

Буквально на неделе лечу домой, а оттуда незамедлительно — в Ключи. Спасибо тебе и твоим ребятам за доброе и большое дело. Особый привет Косте Брыскину. Молодец парень, просто рыцарь. Так и скажи ему.

Крепко всех обнимаю...».

— Прочел? — спросил Микрофону своим обычным серьезным тоном, хотя глаза его светились улыбкой.

— Прочел, — ответил я. — Однако что-то уж слишком...

— Что — слишком?

— Ну, это самое: рыцарь... — Знал бы Антон Юльевич, что ни про какую-то там науку думал я, когда раскапывал Желтый курган, а

про Эвку, про то, как снова завоевать ее дружбу. — Какой там рыцарь...

— Ладно, Брыскин, — сказал Микрофоныч. — Что хорошо, то хорошо. Вот еще учился бы получше — тогда совсем было бы замечательно.

— Может, и буду, — произнес я тихо.

Микрофоныч даже не тем концом сунул себе в рот папиросу.

— Не понял.

— А чего? — засмеялся я. — Только захотеть, а там... Ишь, нашли трудности — учиться!

Микрофоныч крикнул, будто поднял мешок картошки, покачал головой:

— Ну, Брыскин, теперь гляди. Начнется учебный год, припомню я тебе эти слова...

Мы разговаривали неподалеку от раскопа, в котором деловито копошились ребята. Что весело, то весело стало тут: шум, говор, смех. Работа идет быстро на удивление. Растаял Желтый курган, будто его и не было, исчезла и моя яма с холмиками земли по бокам. Посреди степи чернел просторный и глубокий раскоп.

Отрабатывал я свою «смену» не разгибаясь, как, впрочем, большинство ребят: очень уж хотелось побыстрее добраться до захоронения, поглядеть, что там.

Бузотерил один Пашка Ключня. Точно так же, как и полтора месяца назад, когда мы втроем только начинали раскапывать Желтый курган, он поработал лишь в первый день, потом больше стоял, опершись на лопату, и привычно молотил языком. Барабанил без умолку, плел все, что приходило на ум, и, конечно, лепил свои рифмы. Иногда кто-нибудь не выдерживал, кричал:

— Заткнись, звонарь, надоело!

Ключня притихнет минут на пять-десять, а потом все начинается сызнова.

А работа быстро подвигалась вперед. Микрофоныч с каждым днем волновался все сильнее, все чаще предупреждал:

— Ребята, копайте осторожней, только, пожалуйста, осторожней и аккуратней. Мы уже близко к цели.

Да, мы были где-то совсем рядом с захоронением, но и канал не стоял на месте. Он подходил к нам все ближе: каких-то пять-шесть

километров степи отделяло нас от строителей.

Сегодня Микрофоныч был взбудоражен, суетлив, то и дело спускался в раскоп, брал землю то в одном месте, то в другом, долго мял, рассматривал ее.

— Ну, ребятки, пожалуй, вот-вот Желтый курган начнет нам раскрывать свои тайны...

Ребята возбужденно загалдели, а Ключня протолмачил какую-то бессмыслицу, должно быть, не подвернулось под язык ничего путного:

— Тайны, майны, расчуфляйны!..

А назавтра, когда мы уже собирались идти на раскопки, откуда-то вынырнула оранжевая «Нива» и остановилась возле нас. С шумом отворилась дверца, и из машины, согнувшись чуть ли не вдвое, выбрался... Антон Юльевич! Я узнал его сразу: он был все такой же худой, все в том же плаще и обвислой шляпе.

К нему уже подбегал Микрофоныч. Антон Юльевич с ходу обхватил его своими длиннющими руками.

— Каков здоровяк, а?! Какой красавец! Как же это я запомнил, что ты тут учительствуешь? Вот радость-то!

Наконец они расцепились, и Антон Юльевич оглядел нас.

— Так это и есть наш боевой отряд?

Микрофоныч весело кивнул:

— Именно боевой, Антон Юльевич! За какие-то считанные дни сделана такая огромная работа.

Археолог благодарно улыбался, перебегая взглядом с одного лица на другое, спросил вдруг:

— А где же тут Костя Брыскин?

Микрофоныч кивнул на меня:

— Да вот он, рядом с вами.

До меня еще не дошло, как следует, что Антон Юльевич назвал мою фамилию, а он уже подшагнул ко мне, нагнулся, крепко обнял и неожиданно чмокнул где-то за ухом. Произнес негромко:

— Спасибо. Не ты бы — пропал наш могильник...

Потом уже ко всем, бодро и радостно:

— Ну, что, друзья, не будем терять дорогого времени? Тогда — вперед!

И мы шумной гурьбой двинулись за Антоном Юльевичем и Микрофонычем.

Глава двадцать седьмая События разворачиваются

С приездом Антона Юльевича раскопки пошли еще быстрее и увлекательней. Не только каждый день, но теперь и каждый час приближал нас к разгадке Желтого курганчика. После работы, усталые, потные, мы не спешили бежать домой, часто рассаживались неподалеку от раскопа, и Антон Юльевич рассказывал нам необыкновенно интересные истории из археологии, о великих находках и открытиях, о своих поисках, удачах и неудачах. Словом, что ни день, мы узнавали такое множество любопытного, что я готов был раскапывать этот наш курганчик еще месяц.

Однажды, а точнее позавчера, нежданно-негаданно появились на раскопки Игорь и Толян Рагозин. Пробыли они тут недолго, минут пятнадцать-двадцать. Я так и не понял, зачем они приходили: покрутились вокруг раскопа, Рагозин о чем-то поговорил с Пашкой Ключней, потом немного постояли в сторонке и убрались. Никто их не остановил, никто даже в шутку не пригласил поработать: настолько они как-то быстро отбились от всех.

Рагозин наконец-то нашел ума сбросить резиновые сапога. Теперь ходил в тряпичных тапках. А Игорь почему-то снял свое знаменитое сомбреро, хотя солнце продолжало палить нещадно. Он заметно изменился: похудел — скулы обозначились, похмурил. Пока был тут, я ни разу не заметил его ехидной пренебрежительной улыбки. Глядел он как-то невесело и встревоженно, слушал Толяна невнимательно, почти не отвечал ему. К Эвке на этот раз не подошел — не решился. Издали ждал взгляда, но не дождался: Эвка, как увидела Игоря, вспыхнула, торопливо склонилась над лопатой и больше не разгибалась.

Когда Игорь и Толян ушли, Алька Карасин сказал мне, по привычке с оглядкой и полусшепотом:

— Видал?

— Что?

— Игорь какой смурной?

Я пожал плечами:

— Великое дело! Может, у него живот болит или башку напекло — без своей шляпы бродит. Алька поморщился.

— Да не о том я... У них, у Денисовых, какие-то нелады. Понял? Из-за Игоря.

— А ты почему знаешь?

— Помнишь, ездили на экскурсию? Так в тот день дядька Павел сильно ругал его за что-то. Даже замахнулся — хотел ударить. С той поры Игорь и ходит такой...

Я не поверил: Колькин отец был добрым, спокойным человеком. Я ни разу грубого слова от него не слышал, а тут...

— Сам выдумал?

Алька обиделся.

— Нужно было!.. Игорь что-то учудил. Колька знает, но молчит, а с Игорем так и не разговаривает.

Я сразу вспомнил, как Колька Денисов не дал Пашке Клюне остановить машину, чтобы взять на экскурсию Игоря и Рагозина: «У них будет полно своих развлечений...».

На том и закончился разговор. И я бы забыл о нем начисто, если б нынче не последовало продолжения. Алька снова зыркнул по сторонам, прошептал:

— Ну, Костя, дело, кажись, пахнет карасином!..

— Что такое?

— Игорь и Толян в пух рассорились. Чуть не подрались.

— Да ну?! — воскликнул я, потому что это была действительно новость. — Вот так верные друзья!

— Я как раз шел от Клюни. Вижу, стоят на углу и спорят. Игорь кричит «Не смейте, говорю!» А Толян: «Дулю! Надо было раньше думать. Сам все затеял, а теперь в кусты?» Нет, кричит, поздно. Игорь опять: «Не вздумайте! Предупреждаю — худо будет». Толян аж покраснел: «Это мы еще поглядим, кому станет худо». Трус, говорит, ты и ловчила! Вот тогда Игорь пошел на Толяна с кулаками, да увидел меня, с ходу развернулся и в проулок. А Толян мимо меня проскочил, как будто и не заметил — злой, как черт.

Алька помолчал, потом вздохнул горестно:

— Эх, узнать бы: о чем это они орали?..

— Зачем тебе?

— Да так... Интересно. Не по пустякам же спорили? Чуть не до драки!.. Верно ведь?

Я подумал: вряд ли. Какие у них могут быть серьезные дела, особенно у Толяна? Так, не поделили чего-нибудь, вот и шум. Однако я крепко ошибся: дело оказалось действительно нешуточным...

Мы кончили работать, как всегда, в пять часов. На этот раз Антон Юльевич и Микрофоныч куда-то спешили, поэтому и мы, не мешкая, двинулись в село. Едва я вышел на свою улицу, сразу увидел, что на скамейке возле нашего дома кто-то сидит. Подошел ближе — Игорь! Чего приперся вдруг?

— Привет.

Игорь покривил в улыбке губы:

— Не бойся, драки не будет...

— Не боюсь. Говори, чего надо, и — уматывай. Игорь будто и не слышал:

— Вот что: сегодня Симочка разграбит ваш Желтый курганчик.

Это было настолько невероятно, что я не понял.

— Как разграбит?

— Очень просто — экскаватором.

— Врешь?

— Как хочешь. Мне все равно. — И помахал мне рукой, собираясь идти. — Покедова.

Я торопливо остановил его:

— Когда?

Игорь небрежно глянул на свои часы с красивым черным циферблатом:

— Уже, наверное, подъезжает. Так что поторапливайся... археолог. — И, не сказав больше ни слова, ушел.

А у меня мысли запрыгали, ни за одну не уцепиться: что делать, к кому бежать? Так вот, значит, о чем спорили Игорь с Толяном! Однако странно: что же случилось с Игорем? Почему он вдруг пошел против? Ведь он сам первым придумал это — ограбить могильник. Что же произошло теперь? И еще: почему Игорь решил предупредить меня, а не Антона Юльевича или Микрофоныча?

Первое, что мне показалось наиболее подходящим, — это поговорить с Детеньшем, авось вдвоем что-нибудь придумаем. И

действительно, когда я рассказал ему про Игоревое предупреждение, Юрка решительно заявил:

— Пока никому ничего не надо говорить — ни Антону Юльевичу, ни Микрофоньчу. Вдруг все это розыгрыш. Сделаем так: возьмем еще двух или трех пацанов и устроим дежурство у Желтого курганчика, а чуть что — мигом подыдем тревогу.

Мы просидели у раскопа до позднего вечера, но так и не дождались никого. Правда, один раз вдали показалась какая-то неясная фигура, постояла минуты две-три и снова исчезла. Вскоре стало настолько темно, что дольше торчать в степи было просто бессмысленно, и мы отправились домой. Шли голодные, усталые, злые. Идиот. Кому поверил, на какой крючок клюнул! Теперь всем надолго хватит потешаться надо мной.

Назавтра, когда я шел к музею, на место нашего постоянного сбора, заранее переживал, представляя каким хохотом встретят меня ребята. Однако, к моему великому изумлению, на меня никто не обратил никакого внимания: все были чем-то сильно возбуждены. Оказалось, произошло два ошеломительных события. Вчера, пока я с ребятами загорал в степи, в село из района нагрянула милиция и арестовала Никиту Зверева. Почему, за что — никто не знает. Посадили в машину с красной полосой и увезли. А сегодня, буквально перед нашим приходом, к председателю колхоза примчался Алексей Степанович Бачурин: с его участка пропал экскаватор. Еще вчера на нем работали, а нынче и следа не осталось. Куда делся? Не иголка же.

Строители в поисках объездили все близлежащие села, заглянули вот и к нам — вдруг кто подшутил да пригнал его сюда. Но экскаватор словно сквозь землю провалился.

Алексей Степанович, озабоченный, расстроенный, обратился и к ребятам: авось кто поможет в поисках. Экскаватор колесный, небольшой, полукубовый, покрашен в оранжевый цвет. Но ребята только удивлялись, ахали да пожимали плечами.

Я случайно глянул в сторону конторы колхоза и сердце дрогнуло: неподалеку от крыльца стоял мотоцикл с коляской. Коломбина! Значит, и Вадим здесь, значит, это он привез Алексея Степановича! Я сразу бросился к конторе и едва успел добежать, дверь отворилась и вышел Вадим. Он тоже обрадовался мне, крепко сжал руку.

— Ну как ты? Что нового? Я было вчера к тебе собрался, да у нас вдруг одно «чепе» за другим... Про экскаватор уже слышал?

И тут у меня мелькнула мысль: не связана ли пропажа экскаватора с Симочкой. Ведь он собирался разрыть наш курганчик именно экскаватором.

И я рассказал Вадиму и о предупреждении Игоря, и про то, как мы продежурили на Желтом курганчике до самого поздна.

— Может, это хохма, а может...

Я не успел досказать, как Вадим вдруг прервал меня:

— Погоди-ка!.. — И бросился назад, в контору. Его не было минут десять, вышел уже с Алексеем Степановичем, оба торопливые, возбужденные.

— Поедешь с нами? Тогда — в коляску, быстренько. Алексей Степанович сел на заднее сиденье. Вадим сказал мне:

— Показывай, где ваш Желтый курган.

Экскаватор мы нашли на полдороге между Желтым курганчиком и стройкой канала. Он лежал, глубоко завалившись в старый степной колодец, над землей торчал лишь небольшой кончик стрелы.

Когда-то в этом колодце была хорошая вода, и наши пастухи, чтобы не гонять скот в село, поили его прямо тут. Потом вода испортилась, стала горько-соленой, и колодец пришлось бросить. С годами он обвалился и зарос травой. Вот туда-то и ухнул Симочка экскаватор, когда торопился грабить наш курганчик.

Пока Алексей Степанович ходил вокруг колодца, прикидывая, как из него вызволить экскаватор, я поведал Вадиму про наше «чепе» — арест Никиты Зверева. Вадим не только не удивился, но произнес спокойно:

— Знаю. По этому же делу у нас взяли небезызвестного Вову. Одна шайка-лейка. Вова с Симочкой воровали запчасти для машин, а Никита Зверев сбывал их... Между прочим, это ты помог нам напасть на след.

— Я?! Помог? Да я сроду ни о чем таком не знал.

Вадим рассмеялся:

— Ты чего так загорячился? Помнишь, рассказал мне про Симочку с тяжелой сумкой?

— Ну?

— Вот тебе и ну! Отсюда и пошло. Остальное сделала милиция.

Оказалось, что запчасти начали пропадать давно, чуть ли не с весны, причем с какой-то странной закономерностью: чем ближе стройка проходила от населенных пунктов, тем чаще исчезали запчасти. А тут, когда канал придвинулся к нашим Ключам, кражи настолько участились, что строители подняли тревогу. Но как они ни бились, виновников найти так и не удавалось. Мой случайный рассказ натолкнул Вадима на мысль: не Симочка ли ворует?

За дело взялась милиция и быстро раскрутила клубок. Симочка теперь тоже бы находился в милиции, да случай с экскаватором помог избежать расплаты: завалив экскаватор в яму, он настолько струсил, что скрылся неизвестно куда.

— Вот так-то, подлетьш, — хлопнул меня рукой Вадим, заканчивая рассказ. — Да, я слышал, будто этой шайке-лейке помогал какой-то парнишка. Не ваш ли?

Глава двадцать восьмая «Держись, Костя!..»

Проснулся я легко, с предчувствием чего-то хорошего. И, едва открыв глаза, вспомнил: Желтый курганчик! Наконец-то закончены раскопки и сегодня мы будем вскрывать могильник. Вот откуда бодрое настроение и радость.

Антон Юльевич в последние дни почти не уходил с кургана, особенно, когда узнал, что могильник хотели разграбить, да еще с помощью экскаватора.

— Вы только подумайте, — воскликнул он, трагически поднимая руки, — экскаватором! Это все равно, что бросить туда бомбу. Воистину нет предела человеческой жадности и подлости.

Ребята собирались на Желтый курганчик, как на праздник — все были оживленные, веселые. Сегодня явились даже те, кто не принимал участия в раскопках, так хотелось каждому увидеть и узнать, кто захоронен в нашем курганчике.

К моему удивлению, оказался тут и Игорь. Один, без Толяна. Даже чуть странно было видеть его без Рагозина — так все привыкли к этой неразлучной паре. Игорь что-то рассказывал Буланке. Ей такое внимание очень льстило. Она покраснелась и чаще, чем бывало, вспоминала свое «ой, как романти-и-ично!». Игорь похудел еще сильнее. Под глазами темнели полукружья: нелегко, видать, дались ему последние дни в наших Ключах.

Теперь кое-что нам стало известно о делах Игоря и Толяна. История началась с той первой встречи с Симочкой и Вовой, когда те заявили в село за водкой. Симочка, которому Игорь очень понравился, попросил помочь подыскать надежного человека, которому бы можно было «толкнуть кое-какие лишние запчасти». Пока Игорь раздумывал, Толян назвал Никиту Зверева, заявил со смехом, что, дескать, тот может купить и продать не то что какие-то там запчасти, а целый трактор. Ответ здорово обрадовал Симочку и Вову. Они в тот же день познакомились со Зверевым, обо всем договорились, и завертелось дело. Бизнес, как потом сказал Толян.

Для Рагозина этот бизнес заключался в том, чтобы брать запчасти из тайника, который был устроен неподалеку от вахты, и носить их Звереву.

Пока Толян, развесив уши, слушал Симочкины наставления, Игорь сразу взял быка за рога, спросил прямо: какой будет гонорар за работу? За «спасибо» они, дескать, и полшага не сделают.

Симочка хоть и поморщился, однако обещал платить по совести. Толян был в восторге: за такое нехитрое дело и — деньги! Ну и молоток этот Игорь!

Запчасти носил один Толян, но половину «гонорара» Игорь забирал себе, как вдохновитель и руководитель «предприятия». Так он называл себя в шутку.

Но однажды Игорь вдруг отказался от своего пая. Почему? Толяна это ничуть не заинтересовало, лишь обрадовало — теперь все деньги были его! А Игорь отказался от своей доли не оттого, что в нем заговорила совесть, а после скандала, когда дядя Павел чуть не ударил его. Видимо, у Денисовых стало что-то известно о делах Игоря.

Рагозин только-только вошел во вкус своего бизнеса, как арестовали Никиту Зверева, милиционер побывал и у Рагозиных. Когда мать узнала, чем занимается их Толенька, то чуть не померла с горя. А сам Толян, — он было решил, что инспектор пришел и его арестовывать, — так перетрусил, что зарыдал на весь дом, сразу выложил, что знал.

С той поры Толян почти не выходит со двора. Игорь же, наоборот, почти всегда на улице, пытается снова подружиться с ребятами. Он хоть и старается делать вид, что ему все нипочем, да не получается. У него крепко поубавилось самоуверенности.

Время уже подошло отправляться на Желтый курганчик, где нас ждал Антон Юльевич — он ушел туда еще до солнца.

Семен Митрофанович глянул на часы, ахнул:

— Все, ребятки, пора! Антон Юльевич там, наверное, совсем изнервничался.

В это время из конторы колхоза вышла Эвка со своей матерью. Я думал, Эвка сразу же, как обычно, подойдет к Семену Митрофановичу, но она приостановилась, отыскивая в толпе кого-то. Кого же? Конечно, Игоря! Но вдруг она увидела меня и подошла. Сказала тихо, но мне показалось, крикнула на всю площадь:

— Костя, твоей маме вчера сделали операцию. Сейчас из райцентра звонил Батраков. Он сообщил, что прямо оттуда едет в Барнаул: срочно нужно какое-то лекарство, а его в больнице оказалось

мало. Василий Кузьмич сказал, что обязательно достанет лекарство... Так что ты, пожалуйста, не волнуйся...

Я ничего не понял, кроме одного — маме плохо, так плохо, что хуже и быть не может.

Раскопки сразу ушли так далеко, что я вспомнил о них, когда все было давно закончено...

Весь день я промаялся, не зная, чем заняться, было тревожно и тяжело. Ночь почти не спал, а утром поднялся, едва рассветало, и пошел к большаку ждать попутки на райцентр. Приехал рано, меня даже не впустили в больницу. Дежурная сказала: «Придет главврач, с ним и толкуй». Я обошел вокруг больницы, заглядывая в окна, но они были зашторены. У одного из окон мне послышался стон. У меня сердце оборвалось — не мама ли? А вдруг, пока я тут бегаю, она умрет?

Эта мысль так обожгла меня, что я остановился, словно вкопанный. Мгновенно вспомнился наш последний разговор. Теперь все мамины слова неожиданно приобрели совсем иной смысл. Я вдруг подумал: ведь она тогда просталась со мной! Она знала, что ее ждет опасная и трудная операция, и просталась. Отсюда же и ее настойчивое беспокойство о моей будущей профессии, эти ее слова: «Три года, как это много...». Наконец, просьба обратиться к отцу... А я ничего тогда не понял. Неужели поздно? Я бросился к дверям, забарабанил по ним что было сил.

— Эй, дружище, ты чего безобразишь? — раздался строгий голос.

Я поднял голову: надо мной, склонясь, стоял высоченный мужчина в очках.

— Это самое... Я не безобразую... Я приехал к маме, а меня не пускают... Главврача вот жду.

— Ничего себе — ждешь! — усмехнулся мужчина. — Ты этак мне всех больных перепугаешь. Как фамилия?

Его звали Федором Сергеевичем. Оказалось, он и есть главный врач. В кабинете было прохладно и бело. Мы сидели на диванчике, Федор Сергеевич говорил:

— Ты, Костя, держись, будь мужчиной. Состояние твоей мамы серьезное, скрывать не буду. Но это не значит, что надо впадать в уныние. Этим делу не пособишь. Сейчас требуется всеми силами

помочь ей преодолеть послеоперационные трудности. Мы свое дело делаем, а твоя задача — не доставлять ей ни малейших огорчений. Только добро, только радость, только тепло. Особенно, когда она выпишется. Помни, от тебя будет зависеть здоровье мамы и даже ее жизнь.

Я слушал Федора Сергеевича, а сам думал: «Конечно же, сделаю, все сделаю, только бы мама поднялась, только бы вернулась домой...».

Федор Сергеевич встал. Я тоже вскочил: сейчас увижу маму! Он понял меня, качнул головой:

— Нет, дружище. Ей пока очень тяжело и волновать ее нельзя. Не проси и не хмурься. Считай, отсюда вот и начинается твоя забота о ней. Приезжай через неделку...

Вышел я из больницы расстроенный и злой. На улице народ, шум, солнце, даже глаза слепит. Вдохнул я, ругнул тихонько главврача за то, что не дал даже глянуть на маму, и пошагал на автовокзал.

Когда проходил мимо Дома культуры, вспомнил: папка, говорят, тут работает. Зайти? Сказать, что мама в больнице? Да и мамин наказ выполню — повидать его.

Зашел — пусто. Лишь уборщица неторопливо шоркала шваброй. Я спросил, не знает ли она музыканта Петра Борисовича.

— Какого еще Петра Борисовича?

— Брыскина.

— Петьку, что ль? Алкаша-то этого? Ишь ты — Борисыч! Да на кой ляд он тебе сдался?

— Надо, тетя.

— Вечером он будет тут. А живет у Нюрки в конуре.

— У какой Нюрки?

Наконец, я узнал отцов адрес и пошагал туда.

Нюркой оказалась непричесанная морщинистая тетка в каком-то пестром не то платье, не то сарафане. А изба — точно что конура: одна комната, половину которой занимала русская печь, грязно, неприбрано. Два малюсеньких запыленных окошка едва освещали комнату. Отец сидел за столом и что-то хлебал из тарелки. Тетка возилась у печи.

Я поздоровался. Она ответила не очень дружелюбно и вопросительно уставилась на меня. А я глядел на отца. Он продолжал

есть, потом поднял голову, взглянув на меня, медленно положил ложку, тихо и неуверенно произнес:

— Коська?..

И тут же вскочил, бросился ко мне, обнял, прижал к себе, повторяя:

— Коська... Коська...

Обернулся к тетке, проговорил возбужденно:

— Нюра, это — Коська. Сынок. Пришел вот...

Тетка ответила не очень радушно:

— Вижу. Не слепая.

Папка суетился вокруг меня, видимо, не зная, что делать. Потом нашелся, произнес торопливо:

— Проходи, Костик... Сынок... Поешь... Идем, идем, не стесняйся. Щи вкусные... Нюра большая мастерица готовить... Я прошел к столу, однако есть отказался.

— Мама в больнице... Знаешь?

— Знаю... на днях сказали тут...

— Попроведать ходил?

Отец замялся, кинул быстрый взгляд в сторону тетки, однако ответил:

— Нет, сынок... Не посмел... Стыдно...

Тетка фыркнула зло и насмешливо:

— Ишь ты, интеллигент — расчувствовался. Стыдно ему! Был он у тебя, этот стыд!

Отец густо покраснел.

— Помолчи, Нюра. Не твой это разговор.

— Шалишь! — выкрикнула тетка. — Мой! И нечего тут. Скажи мальчишке, чтоб не мешал тебе жить. И без того забот хватает.

Отец вспылал:

— Перестань!

Тетка мелко и отрывисто захохотала.

— Ой, ой, распалился холодный самовар. — Но тут же оборвала смех: — Не больно-то разевай рот. А то у меня это быстро: раз-два и за порогом.

Мне было ужасно жалко папку. Худой, плохо выбритый, в дрянной старой рубашке. Но главное, он казался робким, каким-то затюканным, скажет слово и тут же оглядывается на тетку: как она? Я

встал и пошел к выходу. Он заторопился, провожая меня. Мы миновали запущенный, обветшавший двор, остановились за покосившимися воротцами. Стояли друг против друга и молчали — говорить было не о чем. Как чужие.

— Ты маму попроведай. Только не сейчас. После, когда окрепнет маленько.

Он поспешно закивал:

— Зайду, обязательно зайду, как же... И снова замолчали.

Я видел, ему очень хотелось что-то сказать или спросить. Я подождал, но он так и не решился.

— Иди, сынок, иди. Всего доброго.

Я прошел несколько шагов, оглянулся: он стоял, глядя мне вслед, растрепанный, несчастный, и все еще не опускал руку, которую поднял, прощаясь. Я неожиданно для самого себя крикнул:

— Плохо будет — приезжай домой.

Глава двадцать девятая Прощальная

Вот и пролетело лето, всего одно лето, каких-то три месяца, а сколько произошло всякого.

Давно ли я узнал тайну нашего Желтого курганчика, давно ли начал раскопки? Будто недели две-три назад. Но вот уже Желтого кургана не существует в помине. Там, где он был, теперь прошел канал. И сокровища курганчика перекочевали в музей: одни в Москву, другие в краевой, кое-что и нашему перепало. Микрофоныч отвоевал. Ну и Антон Юльевич помог, понятно.

Он здорово преобразился, наш музей. Особенно зал боевой славы. Мы все-таки собрали немало разных документов, личных вещей участников Отечественной войны, даже удалось добыть несколько боевых медалей. Антон Юльевич, прощаясь с нами, пожелал, чтобы и краеведческий отдел у нас был такой же богатый, и пообещал помочь.

Раскопки Желтого курганчика неожиданно разожгли интерес у многих ребят к археологии, к истории Сибири. Особенно у Кольки Денисова. Он так увлекся, что предложил создать при музее кружок «Юный археолог». Эта мысль здорово понравилась Микрофонычу. От избытка чувств он даже хлопнул Кольку по плечу и сказал: «Молодец!»

За эти три месяца и село наше будто похорошело, стало не таким серым, как раньше. На площади, наконец, достроили универмаг и детский сад. Теперь эти здания выглядят совсем даже неплохо. Особенно универмаг с его огромными окнами. Строительная бригада уже две недели как перешла работать в другое место — закладывает фундамент под новый Дом культуры. Он тоже будет большой, двухэтажный и встанет на самом видном месте: у въезда на нашу главную улицу.

Эвка говорит, что перед Домом культуры председатель сельсовета Иван Саввич мечтает разбить большой и красивый сквер, где бы среди деревьев и цветов могли посидеть и отдохнуть сельчане.

— Мы, — сказала Эвка, — не станем ждать, когда строители закончат Дом культуры, начнем высаживать деревья весной, сразу же,

как привезем саженцы. Пока стройка будет тянуться, у нас уже деревца подрастут. Вот!

Загорелась Эвка новым делом, теперь ее ничем не остудишь, ничем не остановишь. А я, честно говоря, очень горжусь, что она все лучше и лучше ко мне относится, что давно не смотрит сквозь меня, будто я прозрачный.

Эвка часто забегает узнать про маму, поговорить, подбодрить меня. А нынче принесла учебники для восьмого класса.

— Наверное, еще и не думал покупать? Ну я так и знала! Бери да учись получше.

Я улыбнулся: слова ну точно, как мамины. Кивнул:

— Ладно... Спасибо, Эвка.

— А ты чего улыбаешься? — сразу прицелилась она в меня прищуренным глазом.

Я торопливо убрал улыбку.

— Да так... вспомнил тут одну штуку...

Эвка недоверчиво хмыкнула:

— Что-то часто ты стал в последнее время вспоминать какие-то странные штуки. — Потом добавила, будто подперчив свои слова: — И имей в виду, эти твои улыбочки выглядят на твоём лице не очень умно.

Вот ведь колючка! Но я нисколько не обижаюсь. И вообще мне в последнее время стало весело, легко и свободно, будто с плеч свалился какой-то тяжкий груз, который я тащил целых два месяца. И все потому, что маме стало лучше. Лучше! С каждой неделей, с каждым днем.

Когда я был недавно в больнице, Федор Сергеевич, главврач, сказал: если у мамы дело пойдет и дальше так, то к Октябрьским праздникам, мол, встречай ее дома. Взлохматил мне волосы и добавил свое любимое: «Вот так, дружище!»

Мама в тот раз была оживленной, у нее даже щеки слегка порозовели.

Я глядел на маму, радовался и рассказывал все наши сельские новости без разбора, понимал — ей все интересно. Не забыл, конечно, и про находки в Желтом курганчике, которые, правда, оказались хоть и не шибко богатыми, но очень ценными для науки, как выразился Антон Юльевич, они вроде бы по-новому освещают историю

заселения Сибири. Но главное я приберег напоследок. Я знал, что мама очень обрадуется этому известию, однако сказал как можно равнодушнее:

— На тот год к нам пустят воду...

Как я и думал, мама сперва не поверила:

— Фантазируешь?

— Точно! Вадим сказал. У них план: закончить наш участок до зимы, а весной пустить воду.

Мама разволновалась, ойкнула как-то совсем по-девчоночьи, сложив на груди руки:

— Ой, Костенька, да ты совсем не представляешь, какое это для всех нас счастье!

Я представлял: за лето столько наслушался о будущем нашей степи, что даже сам стал видеть свое село зеленым и красивым. А мама радовалась:

— Поливные поля! Да ведь об этом мы всю жизнь мечтаем!.. Как теперь поднимется наш колхоз, какие будут урожаи!.. А я еще подбросил радости:

— А осенью обещают заполнить водой Лешкину выемку. Озеро будет — ахнешь! Председатель сельсовета договорился в лесопитомнике насчет саженцев — будем парк сажать вокруг озера...

Да, мне запомнился тот день: я видел, как ожила, повеселела мама, как волновалась и беспокоилась, что вдруг не успеет к главным работам в селе.

Когда я прощался с ней, она тихонько шепнула:

— Ко мне приходил отец... Цветов принес... Это ты постарался?

Я ничего не ответил, а мама не стала допытываться, только горько качнула головой.

— Как он изменился... Жалко... Прощения просил... Клялся — пить бросит. К нам обратно просился... Как ты думаешь, Костенька?

Что я мог сказать? Пусть мама сама решает. А я что? Конечно, хорошо бы снова жить вместе...

На днях укатил домой Игорь. За ним приезжал отец на новенькой «Ладе». Успел, значит, купить за лето. Я как раз бежал за хлебом. Вдруг меня окликнул Игорь.

Подошел, проговорил едва слышно:

— Я сейчас уезжаю...

— Ай, ай, какой удар! — воскликнул я, изображая великую скорбь. — Как-нибудь переживу и даже рыдать не буду.

Игорь насупился.

— Брось... Не до этого мне... Я тут у вас наломал дров... Извини, если можешь...

Это было неожиданно, и я растерялся.

— Да чего там!.. Ерунда, это самое... Всякое бывает.

Чуть помявшись, Игорь спросил:

— Слушай, если я на будущий год приеду — примете?

Я пожал плечами.

— Мне что — приезжай. А как другие — не знаю.

Он еще постоял малость, раздумывая о чем-то, потом вздохнул и медленно пошел обратно. Я проводил его взглядом, пока он не скрылся за углом. Мне стало вдруг грустно и жалко Игоря. Нет, не хотел бы я быть на его месте...

Сегодня — первое сентября.

В школьном дворе полно ребят. Носятся, толкаются, хохочут, толпятся вокруг площадки, где строится памятник.

Бородатый скульптор и двое его помощников, такие же бородатые, уже установили на постаменте макет полушария. Памятник, наверное, будет очень красивым — уже сейчас это чувствуется.

Колька Денисов целыми днями вертится тут, то воду принесет, то раствор вымешивает, то кирпичи подносит и арматуру. Даже сегодня, поставив в сторонке свой портфель, он, засучив рукава, помогает скульптору. Тот очень доволен Колькой, поглядывает на него уважительно, что-то тихонько ему говорит.

Девчонки, как обычно, сгрудились вокруг Эвки, все в новенькой форме, в белоснежных фартуках. Буланка за лето отрастила волосы, повязала их на затылке пышным розовым бантом. Без своей знаменитой челки нос у нее, по-моему, стал вполне нормальным и даже красивым.

В школьную калитку торопливо вошел Детеньш. На лице широченная улыбка. Увидел меня, подбежал:

— Слышь, Брыська, сейчас в сельсовете был, видел мемориальные плиты. Тяжелые. Из меди, наверное. Есть там дядя Максим! Так и написано: «Петушков М.Т.» Максим Тимофеевич,

значит. Ух, здорово! И памятник будет здоровский, вот увидишь. — И он побежал, полный своей огромной радости.

А мне было немножко грустно: вчера мы прощались с Вадимом...

Он заехал ко мне совсем неожиданно — днем. Был веселый и шумный.

— А ну садись, подлетьш, прокатимся. С ветерком.

Мы долго, как бывало, носились по степи, потом, когда возвращались в село, Вадим остановил мотоцикл у Лешкиной выемки.

Мы стояли и глядели, как бульдозер, словно упрямый рассерженный жук, разбежался, захватывал землю и толкал ее перед собой, покуда хватало сил. Потом оставлял этот свой земляной вал, разбежался и снова катил его вперед, к берегу.

Вадим произнес задумчиво:

— В будущем году в эту пору здесь уже будет плескаться вода, а еще через год-другой по берегам зацветут сады и навсегда сотрется из памяти какая-то сухая, безжизненная Лешкина выемка. — Помолчал малость и закончил как-то совсем буднично: — Вчера мы сдали еще тридцать километров канала...

— Уже? — обрадовался я. — Ну, молодцы. — И тут же осекся: если строители закончили работу, значит, больше им тут делать нечего, значит, они уедут...

— Да, брат, — словно угадал мою мысль Вадим. — Завтра двинем дальше. Теперь наша вахта будет далековато: километров за сорок отсюда. Так что вот, милый подлетьш, попрощаться приехал...

Я расстроился:

— Так сразу?!

Вадим грустно засмеялся.

— Мы народ легкий на подъем, да и дело не ждет — надо спешить.

Я слушал Вадима, смотрел на него, а самому никак не верилось, что расстанусь с ним, с таким веселым и щедрым, насмешливым и добрым, настоящим другом, который всегда и вовремя приходил мне на помощь.

— Да ты уж так не огорчайся, подлетьш, — произнес Вадим и, приобняв меня, крепко притиснул к себе. — Авось еще встретимся.

И умчался, оставив после себя облачко золотистой пыли...

Как я хотел лететь сейчас вместе с Вадимом туда, к сизому далекому горизонту, всегда видеть его белозубую улыбку, разговаривать с ним и мечтать! И работать. Да, работать. Рядом. Плечо к плечу. Вместе пробивать в нашей сухой степи канал.

Где, когда я решил это — стать мелиоратором — не знаю. Может, в тот день, когда впервые увидел стройку? А может быть, меня тронули разговоры Вадима? Или мечты о большой воде деда Ишутина?

Да это и неважно. Главное — решил. Раз и навсегда...

Неожиданно зазвенел звонок. Ну что ж, пора на урок. Не он ли, этот первый звонок, уже зовет меня в дальний и неизвестный путь?

Барнаул, 1981 год